

М.А. Гадицкая, А.П. Скорик

**ЖЕНЩИНЫ-КОЛХОЗНИЦЫ
Юга России в 1930-е годы:
гендерный потенциал и менталитет**

**Ответственный редактор –
доктор исторических наук *В.А. Бондарев***

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ
2009

УДК 631.115.6–055.2"193"

ББК 63.3(2) 615

Г 13

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Линец С.И.*;

доктор социологических наук, профессор *Лукичев П.Н.*

Гадицкая М.А., Скорик А.П.

Г 13 Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.: гендерный потенциал и менталитет. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 324 с.

ISBN 978-587872-371-8

В настоящем монографическом исследовании представлены исследовательские наработки по женскому сегменту истории крестьянства Юга России с введением в научный оборот коллекций архивных документов из московских и региональных собраний (РГАСПИ, РГАЭ, ГАРО, ЦДНИ РО, ГАСК, ГАНИ СК, ЦДНИ КК, ГАКК), а также широким использованием данных периодической печати, сочинений и тезисов выступлений партийно-советских деятелей, разнообразных эпистолярных материалов. В книге на региональных примерах анализируется проблема жизнедеятельности, положения и роли женщин-крестьянок в социально-экономических преобразованиях в конце 20-х–30-х годах XX века, обозначаемых как коллективизация сельского хозяйства. Освещены такие вопросы, как социально-групповые характеристики женщин-колхозниц, развитие их гендерного потенциала в условиях колхозного строительства, гендерная специфика крестьянского протеста насильственной коллективизации, а также состояние женской повседневности и ментальности в 1930-х гг.

Данное издание рассчитано на специалистов, преподавателей и студентов вузов, а также читателей, интересующихся историей российского крестьянства, вопросами регионоведения.

УДК 631.115.6–055.2"193"

ББК 63.3(2)615

Д – 01(03)2009 Без объявл.

ISBN 978-587872-371-8

© Гадицкая А.П., 2009

© Скорик А.П., 2009

*Посвящается
Костюк Ирине Михайловне,
Кущёвой Анастасии Игнатьевне,
Скорик Прасковье Филипповне
и всем женщинам-крестьянкам,
в чьей судьбе это трудное время
оставило свой неизгладимый след*

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы гендерного устройства, соотношения и трансформации мужских и женских ролей, взаимоотношения полов всегда привлекают к себе пристальное внимание человеческого общества, на каком бы этапе своего развития оно не находилось, в рамках какой бы исторической эпохи не пребывало. В современных же условиях, когда в глобальных масштабах наблюдаются активные процессы феминизации (так что специалисты полагают возможным говорить о частичной смене гендерных ролей), эти проблемы ощущаются с особенной остротой. В значительной мере именно трансформации гендерной структуры и процессы феминизации, развернувшиеся в XX веке, стали мощным импульсом к развитию (в том числе и в России) такого нового направления исторических исследований, как «женская история» или историческая феминология.

Одной из актуальных тем научного анализа в российской исторической феминологии является «гендерная революция», чей пик пришелся на конец 1920-х – 1930-е гг., то есть на период «сталинской» модернизации. Пожалуй, именно термин «революция» (по аналогии с «культурной революцией») с наибольшей полнотой и точностью передает масштабность, глубину и радикализм целенаправленных трансформаций гендерной структуры в 1930-х гг. Особенно это было особенно заметно в российской деревне, традиционализм которой вызывал резкое неприятие большевиков и подверг-

ся их яростной реформаторской деятельности в годы коллективизации. Осуществленное в период «колхозного строительства» коренное переустройство (а зачастую – ломка) системы социально-экономических отношений российской деревни не могло не отразиться на укладе крестьянской жизни в целом, и в том числе, – на взаимоотношениях полов, на расстановке гендерных ролей. Тем более, что большевики уделяли отнюдь не последнее внимание социальным (а, значит, – и гендерным) вопросам сельской жизни; во все не случайно специалисты в области крестьяноведения и аграрной истории определяют коллективизацию как «попытку широко-масштабной социальной инженерии».¹

Научно-теоретическая актуальность исследования гендерных трансформаций в российской деревне в 1930-х гг. обусловлена не только их масштабностью и глубиной, но также многомерностью и противоречивостью, свойственной и указанным трансформациям, и коллективизации вообще. В советской историографии внимание акцентировалось на положительных сдвигах в жизнедеятельности сельских женщин, произошедших во время «колхозного строительства»: в частности, на том, что колхозницы все-таки имели возможность обрести определенную самостоятельность и независимость от мужа или отца. Но результаты коллективизации в гендерной сфере оказались далеко не столь однозначны: декларации большевиков об «освобождении женщины-крестьянки» зачастую резко контрастировали с социальным статусом колхозниц и тем положением, которое они занимали в коллективных хозяйствах. В постсоветский период исследователи имеют возможность, опираясь на ранее недоступные им источники, провести всесторонний анализ неоднозначных, противоречивых изменений в гендерной структуре колхозной деревни в конце 1920-х – начале 1940-х гг.

¹ Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927 – 1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 7.

Следует подчеркнуть, что затянувшееся и не отличающееся эффективностью реформирование аграрного производства постсоветской России придает теме нашей работы не только научно-теоретическую, но также и практическую актуальность. В целях оптимизации аграрных преобразований необходимо как учитывать негативные характеристики колхозной системы (которые нередко проявляются и в жизнедеятельности современной нам деревни), так и всемерно использовать полезный опыт, накопленный в процессе многолетнего функционирования коллективных хозяйств. В частности, в постсоветский период могут (и должны) быть востребованы позитивные принципы и методы осуществленных в советский период мероприятий по социальной защите сельских женщин, улучшению их быта, и пр.

Хронологические границы исследования – конец 1920-х – начало 1940-х гг. Начальным рубежом служит 1929 г., когда И.В. Сталиным был провозглашен переход к политике сплошной форсированной коллективизации, в рамках которой осуществлялись и преобразования гендерной структуры советских сел и деревень. Завершает период Великая Отечественная война, прервавшая поступательное развитие колхозной системы и существенно изменившая демографические параметры и гендерную структуру советской (в том числе южнороссийской) деревни.

Территориальные рамки исследования охватывают Дон, Кубань и Ставрополье, входившие с 1924 г. по январь 1934 г. в состав Северо-Кавказского края (административный центр – г. Ростов-на-Дону). С 1934 г. по сентябрь 1937 г. территории Дона и Кубани объединялись в границах Азово-Черноморского края (центр – г. Ростов-на-Дону), а затем вошли в состав двух новых административно-территориальных единиц – Ростовской области (г. Ростов-на-Дону) и Краснодарского края (г. Краснодар). Территории Ставрополья с 1934 г. оставались в составе преобразованного и терри-

ториально значительно уменьшившегося Северо-Кавказского края с центром в г. Пятигорске, а в 1937 г. получили административное оформление в виде Орджоникидзевского края с центром в г. Ворошиловске (в 1943 г. край был переименован в Ставропольский, а его центру вернули прежнее название – Ставрополь).

Исследование осуществлено на материалах русских районов Юга России, отличающихся общностью культурно-исторических традиций и социально-экономических характеристик. Своеобразие национальных регионов Северного Кавказа, в большинстве своем входивших в состав Северо-Кавказского (с 1937 г. – Орджоникидзевского) края на правах автономий, превращает их в объекты специального, самостоятельного исследования.

Тема многообразных, разноплановых изменений, вызванных в жизни и деятельности советских крестьянок «колхозным строительством», привлекла к себе внимание исследователей, а также политических и общественных деятелей Советского Союза, уже с момента развертывания коллективизации – с конца 1920-х – начала 1930-х гг. В процессе научного осмысления данной темы представляется возможным выделить ряд этапов, отличных друг от друга количеством привлеченных к работе источников, уровнем авторского анализа, содержанием выводов и суждений:

Первый этап (конец 1920-х гг. – начало 1940-х гг.), на протяжении которого шел процесс формирования источниковой базы и первичного анализа результатов «колхозного строительства» в области гендерного устройства коллективизированной деревни, в том числе – колхозных сел и станиц Дона, Кубани и Ставрополья.

Второй этап (вторая половина 1940-х гг. – середина 1980-х гг.) характеризуется введением в научный оборот значительного массива новых источников и, соответственно, заметно возросшим уровнем научно-теоретического осмысления проблемы гендерных трансформаций в колхозной деревне.

Третий этап, длящийся со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени, отличается от предыдущих не только расширением источниковой базы за счет малоизвестных и засекреченных материалов, но и резкой сменой исследовательских приоритетов при анализе «гендерной революции» 1930-х гг. в советской деревне, а также существенной корректировкой (нередко – радикальным пересмотром) ранее незыблемых оценок гендерных трансформаций периода «колхозного строительства».

Первые работы, посвященные вопросам преобразований и трансформаций жизнедеятельности женщин советской деревне, и в том числе сел и станиц Юга России, как правило, основывались на относительно узкой и однообразной источниковой базе, представленной в основном наблюдениями самих авторов, материалами прессы, сведениями из статистических и справочных изданий. В большинстве своем авторы этих работ не столько анализировали, сколько описывали процессы гендерных трансформаций в коллективизируемой деревне, делая упор на позитивном характере происходящих изменений. Иначе и не могло быть в условиях сталинского режима, при безраздельном политико-идеологическом диктате и жесткой цензуре, перед которой бледнел даже «чугунный» цензурный устав Николая I. Основное внимание уделялось таким вопросам, как: участие крестьянок в борьбе за создание и укрепление коллективных хозяйств; мероприятия партийных органов по привлечению женских масс к «колхозному строительству» и по преодолению попыток «кулаков» использовать женщин в антиколхозных акциях протеста; производственная деятельность колхозниц и методы ее стимулирования, в том числе – развитие в колхозах сети культурно-бытовых и детских дошкольных заведений; позитивные изменения в быту и повседневной жизни колхозниц по сравнению с крестьянками доколхозной деревни. Иными словами, освещение из-

менений, происходивших и жизни и деятельности женщин коллективизированной деревни, основывалось на двух концептуальных подходах, столь характерных для советской историографии – историко-политологическом и историко-экономическом. При этом в большинстве работ гендерные проблемы рассматривались всего лишь как один из аспектов «колхозного строительства».¹

Те же тенденции были характерны для южнороссийской региональной историографии затронутой нами проблемы. Так, член Терского окружкома ВКП(б) В. Тодрес в своей солидной брошюре «Колхозная стройка на Тереке» привел примеры проколхозной активности терских казачек и крестьянок, а также осветил факты женских выступлений, направленных против коллективизации. Показательно, что в последнем случае автор устранился от выявления истинных причин женских антиколхозных акций протеста, сваливая всю вину на «кулаков», которые, якобы, подстрекали односельчанок на неповиновение властям.² Н. Чинарин в своих небольших работах рассматривал роль сельских женщин Юга России в агитации за коллективные хозяйства, а также освещал поверхностные, наиболее бросающиеся в глаза изменения в их коллективной психологии, вызванные коллективизацией.³ П.А. Сеницын и А.Б. Дарьев, освещавшие процесс «колхозного строительства» на Дону и Ставрополье, коснулись и такого во-

¹ См., например: Альфиш С.Д. Победа колхозного строя. Саратов, 1939; Анисимов Н.И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Артюхина А.В. Крестьянка за коллективизацию. М., 1930; Барановская О. Курица – не птица, баба – не человек. М. – Л., 1929; Власов М. Коллективизация советской деревни. М., 1930; Горева Е. Делегатка – опора партии. М., 1930; Ильин И.Е. Колхозы РСФСР и перспективы их развития. М. – Л., 1930; Лаптев И. Исторические победы колхозного строя // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 11; Либкинд А.С. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. М., 1931; Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4; Мыльникова М.А. Женские бригады на колхозных полях. М., 1932; Сталь Л.Н. Работница и крестьянка в культпоходе. М. – Л., 1931; Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М., 1937.

² Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. Пятигорск, 1930.

³ Чинарин Н. Не баба, а колхозница. Ростов н/Д., 1930; Его же: О чем говорили казачки и крестьянки. Ростов н/Д., 1930.

проса, как участие крестьянок в колхозном производстве.¹ Ф.М. Анисимов, Н. Гайдаш, И.И. Гарус, Ю. Давыдов, С. Криволапов, А.Ф. Кудряшева, рассматривавшие процессы развития и функционирования отдельных, наиболее мощных коллективных хозяйств Юга России, уделили некоторое внимание производственной деятельности колхозниц, их участию в управлении колхозами, изменениям в повседневной жизни сельских женщин.²

Отдельного упоминания заслуживают работы И.А. Акинина, У. Карповой, К.И. Кирсановой, К. Кравченко, И. Лаптева, Э.В. Лукашенковой, Г. Серебренникова,³ в которых гендерные трансформации в колхозной деревне либо являлись предметом специального исследования, либо занимали важное место в общем анализе процессов «колхозного строительства». Перечисленные исследователи также работали в рамках историко-политологического и историко-экономического подходов, в результате чего круг рассматриваемых ими вопросов ничем не отличался от указанного нами выше: основное внимание уделялось общественной и производственной деятельности колхозниц, а также изменениям в их быту и повседневной жизни.

Однако названные авторы основывали свои выводы и суждения на достаточно солидной по тем временам источниковой базе, центральное звено которой составляли отчеты коллективных хозяйств и материалы специальных исследований и наблюдений. В частности, объемная и отличающаяся глубоким анализом статья

¹ Синицын П.А. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Ставрополь, 1932; Дарьев А.Б. Колхозный Дон. Ростов н/Д, «Северный Кавказ», 1933.

² Анисимов Ф.М., Кудряшева А.Ф. Колхоз-миллионер «Красный буденовец». Пятигорск, 1940; Гайдаш Н. Калиновский колхоз «15 лет Октября». Пятигорск, 1940; Гарус И.И. Крупный колхоз «Октябрь». Ростов н/Д., 1930; Давыдов Ю. «Красный терец». Ростов н/Д., 1931; Криволапов С. Коммуна «Наша жизнь». Ростов н/Д., 1930.

³ Акинин И.А. Женский труд в колхозах. М., 1930; Карпова У. За новый труд и быт колхозницы. М., 1931; Кирсанова К.И. Полное равноправие женщин в СССР. М., 1936; Кравченко К. Крестьянка при советской власти. М., 1932; Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939; Лукашенкова Э.В. Роль женского труда в колхозном производстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12; Серебренников Г. Женский труд в СССР. М., 1934.

Э.В. Лукашенко, опубликованная в специальном журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», базировалась на материалах обследования 10 колхозов Украины, Белоруссии, Узбекистана и РСФСР, проведенного сотрудниками и слушателями Научно-исследовательского колхозного института (НИКИ) и Аграрного института Коммунистической академии (Комакадемии) в 1932 г. Причем, важное место в общей массе использованных теми или иными авторами источников занимали материалы Дона, Кубани и Ставрополя как преимущественно аграрных регионов, в которых сплошная форсированная коллективизация была проведена в кратчайшие сроки и позиции колхозной системы отличались относительной прочностью.

Разумеется, солидная эмпирическая база придавала большую убедительность выводам и суждениям исследователей относительно сути и характера гендерных изменений в коллективизированной деревне. Вместе с тем следует отметить, что все опубликованные в конце 1920-х – начале 1940-х гг. работы, в которых в той или иной степени освещались вопросы жизни и деятельности колхозниц, полностью соответствовали господствовавшей в СССР идеологической доктрине, согласно которой коллективизация и вызванные ею процессы в советской деревне должны были расцениваться как положительные явления и подаваться чуть ли не исключительно в розовом цвете. Отдельные негативные факты, приводившиеся в исследованиях (например, об антиколхозных женских акциях протеста, об отсутствии или неудовлетворительном состоянии колхозных детских садов, яслей, площадок, и т. п.), трактовались как результат вражеских происков, «перегибов» или временных неурядиц, вызванных огромными масштабами «колхозного строительства». При таком подходе картина жизнедеятельности женщин колхозной деревни подвергалась сильнейшему искажению, и положение не спасало даже использование в ряде работ широкого круга источников.

После временного перерыва, вызванного Великой Отечественной войной (когда предметом исследовательского внимания являлись текущие вопросы функционирования колхозной системы, в том числе трудовой героизм женщин-колхозниц), исследования гендерных трансформаций в коллективизированной деревне возобновились. В отличие от первого этапа историографии (конец 1920-х – начало 1940-х гг.), в период со второй половины 1940-х гг. до середины 1980-х гг. учеными была существенно расширена источниковая база, что позволило углубить анализ проблемы и несколько увеличить число рассматриваемых вопросов.

Однако несколько не изменились концептуальные подходы к осмыслению и коллективизации в целом, и такого ее аспекта, как гендерные трансформации. Как и ранее, исследовательская мысль была скована узкими рамками историко-политологического и историко-экономического подходов, базировавшихся на марксистской метатеории (так, как ее понимали в СССР) и советской моноидеологии. Заданные еще в 1930-х гг. основные оценки изменений, произошедших во время «колхозного строительства» в жизни и деятельности женщин российской (в том числе и южнороссийской) деревни, на протяжении второго этапа историографии не были пересмотрены. Это было попросту невозможно в условиях, когда у ученых отсутствовали легальные возможности объективного анализа гендерных трансформаций, имевших место в период «колхозного строительства». Как и прежде, коллективизация оценивалась лишь в положительном плане, так же, как и те изменения, которые она внесла в жизнь и труд крестьянок.

Лишь в связи с кратковременной хрущевской «оттепелью» исследователи смогли несколько поколебать (но никоим образом не разрушить) эту традицию, указывая, что далеко не всегда «колхозное строительство» было благом для сельских женщин. В частности, Ю.В. Арутюнян справедливо отметил, что непомерные для

женского организма физические нагрузки и неудовлетворительные материально-бытовые условия на производстве являлись основными препятствиями вовлечению максимально возможного количества колхозниц в сферу механизации сельского хозяйства, чего настойчиво добивалось советско-партийное руководство в 1930-х гг.¹

Неизменность научно-теоретических подходов к осмыслению рассматриваемой нами проблемы привела к тому, что основное внимание специалистов во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. по-прежнему было сосредоточено на таких вопросах, как роль сельских женщин, руководимых компартией, в осуществлении сплошной форсированной коллективизации, производственная деятельность колхозниц и методы ее стимулирования, позитивные изменения в культурно-бытовой сфере деревни. Такие вопросы в той или иной степени (либо как предмет специального анализа, либо как частный сюжет) рассматривались в работах В. Абакумовой, М.С. Андреевой, А. Анисимова, В.Л. Бильшай, Э.Н. Бурджалова, М.А. Вылцана, В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, Л. Карасевой, М.А. Краева, В.Б. Островского, во втором и третьем томах «Истории советского крестьянства» (в написании которых участвовал целый ряд перечисленных авторитетных исследователей), и др.²

¹ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929 – 1957 гг. (формирование кадров массовых квалификаций). М., 1960.

² См., например: Абакумова В. Октябрьская революция и раскрепощение женщины. Л., 1958; Андреева М.С. Коммунистическая партия – организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917 – 1933). М., 1963; Анисимов А. Советское крестьянство. М., 1947; Белов П.А. Социалистическая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства СССР. М., 1946; Белова В.С. Подлинное равноправие. М., 1965; Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948; Бурджалов Э.Н. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930 – 1934 гг.). М., 1950; Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938 – 1941 гг.). М., 1970; Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. М., 1982; Генкина Э.Б. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930 – 1934). М., 1952; Громова Г.М. Советская женщина – труженица, мать. М., 1963; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 – 1932 гг.). М., 1972; История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 2. (1927 – 1937 гг.). М., 1985; Т. 3. (1938 – 1945 гг.). М., 1987; Селун-

Среди специальных работ, посвященных рассмотрению гендерных трансформаций в коллективизированной деревне, необходимо выделить монографии В.Л. Бильшай, В.В. Михайлюк, Н.И. Татариновой.¹ В этих работах на основе представительного круга источников, среди которых видное место занимали материалы Юга России, достаточно обстоятельно анализировались вопросы трудовой занятости и социальной защиты женщин-колхозниц, а также улучшения их культурно-бытовых условий. В частности, вполне можно согласиться с мнением В.В. Михайлюк и Н.И. Татариновой о том, что коллективизация значительно увеличила профессиональную и социальную мобильность сельских женщин (хотя представляется поспешным их суждение о якобы произошедшем в условиях колхозной системы значительном облегчении трудовременных нагрузок на колхозниц).

На Юге России во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. заметно возросла численность работ, в которых затрагивалась и освещалась такая тема, как многоплановые изменения в жизни и деятельности казачек и крестьянок в период коллективизации. Правда, надо отметить, что чаще всего данная тема не рассматривалась в рамках самостоятельного, специального исследования: как правило, специалисты освещали отдельные ее аспекты в рамках общего анализа «колхозного строительства» на Дону, Кубани и Ставрополье.

Анализ вышедших в данное время на Юге России работ позволяет утверждать, что первоочередное внимание специалистов привлекла роль сельских женщин Дона, Кубани и Ставрополья в содействии осуществлению сплошной форсированной коллекти-

ская В.М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; Карасева Л. Советская женщина в борьбе за построение коммунизма. М., 1954; Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; Кукушкина Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921 – 1932 гг.). М., 1968; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.

¹ Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956; Михайлюк В.В. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970; Татаринова Н.И. Строительство коммунизма и труд женщин. М., 1964.

визации. Отмеченный вопрос более или менее подробно освещался в целом ряде обзорных работ, а также диссертационных исследований и монографий, посвященных коллективизации в Северо-Кавказском крае.¹ Среди них следует выделить диссертационное исследование П.Ф.Абрамовой, которое представляет собой одну из крайне немногочисленных специальных работ по проблеме гендерных трансформаций в колхозной деревне русских регионов Юга России, появившихся на протяжении второго из выделенных нами этапов историографии. П.Ф. Абрамова посвятила три из четырех параграфов своей диссертации именно деятельности партийно-советских органов по повышению уровня общественно-политической активности работниц и крестьянок Ставрополья и Кубани в период «колхозного строительства».²

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920 – 1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971; Извекова А.К. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на Кубани: Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1948; Измайлов П.П. Борьба партийных организаций Кубани за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Канцдалов П.З. Коллективизация сельского хозяйства на Тереке: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. Ростов н/Д., 1970; Мельситов В.А. Азово-Черноморская краевая партийная организация в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов годы второй пятилетки: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1969; Молчанов М.В. Победа колхозного строя на Дону и Кубани. Шахты, 1960; Негодов Д.Г. Терская партийная организация в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства округа (1927 – 1931 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1971; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 2. 1921 – 1971 гг. Ростов н/Д., 1973; Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970; Пейгашев В.Н. Большевики Ставрополья в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951; Его же: Коллективизация сельского хозяйства Ставропольского края (1927 – 1932 гг.) // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Т. 16. Пятигорск, 1958; Прозоров А.К. Комсомол Дона – помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье. Душанбе, 1963.

² Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по вовлечению трудящихся женщин в социалистическое строительство в период построения фундамента социализма (1926 – 1932 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976

В полном соответствии с официальной идеологической доктриной южнороссийские ученые акцентировали внимание на фактах проколхозной деятельности сельских активисток (агитация, поддержка массовых хозяйственно-политических кампаний, и пр.), подчеркивая при этом ведущую и направляющую роль компартии. Напротив, массовые женские антиколхозные акции протеста привлекали гораздо меньшее внимание исследователей, причем объяснялись они, как и в 1930-х гг., злонамеренными происками «кулаков» или влиянием «перегибов», а не тем, что сама политика насильственной форсированной коллективизации вызывала отторжение значительной части крестьянства. Правда, можно положительно оценить тот факт, что, начиная с 1960-х гг., специалисты более смело, открыто и подробно заговорили о самих «перегибах», об их масштабах и о негативном влиянии на процессы «колхозного строительства» (в качестве примера можно привести работы Е.Н. Осколкова¹ и Е.И. Турчаниновой²).

В меньшей мере южнороссийскими исследователями анализировались такие вопросы, как производственная деятельность колхозниц, мероприятия властей по их социальной защите, улучшению культурно-бытовых условий, и т. п. Данные вопросы лишь в слабой степени затрагивались в работах Л. Горсткиной и В.И. Кузнецова (здесь освещалась специфика устройства и функционирования отдельных, наиболее развитых, коллективных хозяйств), К.М. Ковалева и А. Русиной, обосновывавших мнение, что коллективизация значительно улучшила жизнь крестьян и крестьянок.³ П.Ф. Абрамова посвятила один из парагра-

¹ Осколков Е.Н. Победа колхозного строя... С. 206.

² Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации... С. 196 – 201.

³ Горстка Л. Колхоз «Украина». Ростов н/Д., 1950; Кузнецов В.И. История колхоза имени Военсовета СКВО Ростовской области: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; Ковалев К.М. Прошлое и настоящее крестьян Ставрополя. Ставрополь, 1947; Русина А. Женщина колхозной деревни. Ставрополь, 1947.

фов своей диссертации работе партийных организаций Северо-Кавказского края по повышению роли крестьянок в общественном производстве, но оставила за пределами внимания социальные и культурно-бытовые вопросы, достаточно остро ощущавшиеся в колхозах Дона, Кубани и Ставрополья (как, впрочем, и всей страны).¹ Таким образом, в работах южнороссийских исследователей второй половины 1940-х – середины 1980-х гг., посвященных вопросам гендерных трансформаций в деревне в период коллективизации, историко-политологический подход был выражен гораздо ярче и четче, чем историко-экономический.

Начало третьему этапу научного осмысления проблемы преобразований гендерной структуры советской деревни в период коллективизации было положено общественно-политическими процессами середины – второй половины 1980-х гг. («перестройка», демократические реформы в постсоветской России). В это время марксистская методология лишилась своего монопольного положения, открылись ранее засекреченные архивные фонды и были сняты запреты на анализ табуированных аспектов коллективизации. Это позволило исследователям по-новому взглянуть на процесс «колхозного строительства», устранить множество лакун, образовавшихся в историографии коллективизации, и подвергнуть кардинальному пересмотру целый ряд суждений и выводов, казавшихся прежде незыблемыми. В том числе были существенно переосмыслены и гендерные трансформации в коллективизированной деревне, процессы жизнедеятельности женщин-колхозниц.

В постсоветский период произошла смена исследовательских приоритетов при исследовании жизни и деятельности женщин-колхозниц, что объяснялось как расширением эмпирической базы, так и, главным образом, формированием новых исследовательских подходов к осмыслению минувших эпох. Если

¹ Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа... С. 112 – 142.

в рамках марксистской методологии упор делался на политические и социально-экономические аспекты исторического процесса, то с позиций новых подходов, получивших признание в среде российских ученых (цивилизационная теория, социальная история, историческая антропология, история повседневности и др.), важнейшими объектами изучения выступают, прежде всего, сам человек, его сознание, быт, культура, и т. п. Если в советской историографии освещались, прежде всего, вопросы общественно-политической и производственной деятельности женщин-колхозниц, то в постсоветской – их повседневная жизнь и то влияние, какое оказывали на нее коллективизация и колхозная система. Исследователи, подчеркивая факт повышения внимания к сфере женской повседневности, справедливо замечают, что «историческая феминология вернула женщин истории».¹ При этом специалисты, следуя принципу объективности, стремятся выявить как позитивное, так и негативное влияние «колхозного строительства» на жизнь и деятельность сельских женщин, в том числе крестьянок и казачек Юга России.

На протяжении третьего из выделенных нами этапов историографии проблемы впервые подвергся жесткой критике незыблемый в советское время тезис о том, что коллективизация пользовалась поддержкой подавляющего большинства сельского населения, а имевшие место факты женских протестов были инспирированы «кулаками». В частности, в работах Н.Л. Рогалиной, Н.А. Ивницкого указывалось на важную роль крестьянок в противодействии коллективизации и антиколхозных протестных акциях конца 1920-х – начала 1930-х гг.²

¹ Пушкарева Н. Зачем он нужен, этот «гендер»? К анализу прошлого // Социальная история. Ежегодник. 1998 / 99. М., 1999. С. 159.

² Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994; Его же: Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.

Достаточно критично специалисты оценивали итоги «колхозного строительства» в отношении женской части населения коллективизированной деревни. В.Б. Жиромская на основе тщательного анализа Всесоюзных переписей населения конца 1930-х гг. доказала, что коллективизация не только усилила диспропорции в соотношении полов, но и весьма несущественно изменила положение женщин в сфере производства: колхозницы, так же, как ранее крестьянки, в подавляющем большинстве были заняты тяжелым физическим трудом, не занимая сколь-нибудь заметных позиций в составе колхозной администрации.¹

Противоречивость гендерных трансформаций 1930-х гг. подчеркивали в своих работах Р.Т. Маннинг и Ш. Фицпатрик (вообще необходимо отметить, что в постсоветский период зарубежные специалисты внесли заметный вклад в исследование гендерных трансформаций в колхозной деревне 1930-х гг.). Так, Р.Т. Маннинг констатировала факт некоторого выравнивания гендерных ролей в колхозной деревне и повышения социальной мобильности колхозниц (которые могли стать агрономами, зоотехниками, колхозными администраторами, и т. д.). Вместе с тем ею справедливо указывалось, что труд сельских женщин в это время был крайне тяжел, а попытки властей расширить сферу приложения трудоусилий колхозниц (например, вовлекая их в ряды механизаторов) не лучшим образом сказывались на здоровье и личной жизни последних. Ш. Фицпатрик обосновала мысль о том, что потрясения 1930-х гг. на некоторое время подорвали на селе институт семьи, но в то же время коллективизаторам так и не удалось существенно изменить патриархальное отношение к женщинам, что проявлялось, в частности, в недопущении колхозниц в управленческие структуры.² В

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

² Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935 – 1940 годы // Отечественная история. 2001. № 5; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. М.,

ряде работ подчеркивалась неоднозначность и противоречивость социальной политики сталинского режима, а также общих изменений, вызванных «великим переломом» в жизнедеятельности советских женщин, в том числе и сельских.¹

Авторы многих из вышеперечисленных работ, в которых в той или иной мере освещались гендерные трансформации в колхозной деревне Советского Союза 1930-х гг., использовали, помимо прочих, и материалы Дона, Кубани и Ставрополя. Это вполне объяснимо, учитывая, что названные регионы Юга России исторически являются аграрными и предоставляют массу информации о самых разных сторонах жизнедеятельности населения колхозной деревни, в том числе и женщин-колхозниц. Однако на Юге России, начиная с 1990-х гг., несколько снизился исследовательский интерес к теме «колхозного строительства», и, в частности, к такому ее аспекту, как изменения в образе жизни и психологии казачек и крестьянок, ставших колхозницами.

В ряде посвященных проблеме «колхозного строительства» исследований, выходивших на Юге России в рамках третьего из выделенных нами периода историографии, в некоторой степени затрагивались вопросы жизнедеятельности и положения сельских женщин. Так, в объемной и насыщенной фактическими материалами диссертации Н.И. Булгаковой был осуществлен взвешенный и детальный анализ демографических процессов на Ставрополье в период коллективизации. Автором было справедливо указано

2001; Ее же: Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2008. С. 8.

¹ Вишневский А.Г. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Боннелл В. Крестьянка в политическом искусстве сталинской эпохи // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2007; Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов. М., 2007; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917 – 1930-е годы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов. М., 2007.

на то, что в условиях сталинского «великого перелома» гендерные диспропорции на селе еще более усилились.¹

Н.И. Булгакова, кроме того, коснулась вопросов функционирования личных подсобных хозяйств колхозников Ставрополья, проследив динамику посевных площадей и выявив предпочтения владельцев ЛПХ в выращивании сельхозкультур и разведении видов скота. Проблемы функционирования ЛПХ также затрагивались в диссертации И.И. Некрасовой; В.А. Бондарев посвятил им один из разделов своей представительной монографии, а М.Б. Тленкопачев – специальное исследование.² Поскольку женщины колхозной деревни Юга России уделяли немало сил и времени ЛПХ, нам представляется необходимым указать на данный аспект исследований.

Н.А. Мальцева в своей монографии, посвященной осуществлению коллективизации на Ставрополье, отметила факт активного участия крестьянок в антиколхозных акциях протеста.³ В.А. Бондарев, анализируя процесс противоборства крестьянства и сталинского режима в период коллективизации, впервые в южнороссийской историографии предпринял попытку установить причины и характер массовых женских акций протеста против хлебаготовок, «раскулачивания» и коллективизации.⁴

Результаты анализа историографии позволяют согласиться с Э.Г. Колесниковой, полагающей, что такая тема, как динамика гендерной структуры и гендерных ролей в южнороссийской ре-

¹ Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

² Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д., 2006; Некрасова И.И. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х – начало 30-х гг.): оценки и выводы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004; Тленкопачев М.Б. Политико-правовой статус личного подсобного хозяйства в российском обществе: история и современность. М., – Пятигорск, 2001.

³ Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб, 2000.

⁴ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.

гиональной историографии «раскрыта фрагментарно».¹ Целый ряд аспектов проблемы гендерных трансформаций в колхозной деревне Юга России не получил детального и всестороннего освещения. В их числе:

- особенности социально-профессиональной дифференциации женщин-колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья в 1930-х гг.;
- специфика производственной деятельности колхозниц и меры властей по ее стимулированию;
- трансформации гендерных ролей в коллективизированной деревне Юга России, изменения ментальности сельских женщин, произошедшие в условиях «колхозного строительства»;
- историческая повседневность донских, кубанских, ставропольских колхозниц в рассматриваемый период времени.

Источниковая база исследования включает в себя архивные материалы, сборники документов, сочинения и тезисы выступлений советско-партийных деятелей, периодические издания, письма, мемуары и воспоминания.

Работа основана на материалах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центров документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО) и Краснодарского края (ЦДНИ КК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), Государственных архивов Ростовской области (ГАРО), Краснодарского (ГАКК) и Ставропольского (ГАСК) краев. Общий объем использованных архивных материалов составляет 33 фонда и свыше 170 дел.

В РГАСПИ сосредоточен массив документов ЦК ВКП(б) (ф. 17), из которых наибольшее значение в рамках избранной нами темы представляют материалы докладов и выступлений партийных

¹ Колесникова Э.Г. Гендерные представления и стереотипы Ставропольского провинциального общества в последней четверти XIX – начале XX вв. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 3.

деятелей, посвященных вопросам привлечения крестьянок к борьбе за коллективизацию и организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Не менее интересны стенограммы слетов и совещаний передовиков колхозного производства (животноводов, льноводов, и т. д.), в которых зафиксированы рассказы колхозниц о жизни, деятельности, профессиональных достижениях.

В РГАЭ хранится архив «Крестьянской газеты» (ф. 396), в котором собраны письма колхозников, отражающие настроения и надежды сельских жителей, в том числе крестьянок и казачек Дона, Кубани и Ставрополья. Материалы Центрального статистического управления (ЦСУ) при Совете министров СССР (РГАЭ, ф. 1562) дают представление о динамике численности и удельном весе колхозниц в общей массе членов коллективных хозяйств Юга России, их роли в аграрном производстве. Такие же сведения содержатся в документах статуправлений Ростовской области (ГАРО, ф. р-4034), Ставропольского (ГАСК, ф. р-1886) и Краснодарского (ГАСК, ф. р-1246) краев, Краснодарской краевой плановой комиссии (ГАСК, ф. р-1378), в отчетах отдельных колхозов Ставрополья (ГАСК, ф. р-2034, ф. р-2870, ф. р-5350) и Дона (ГАРО, ф. р-4340).

Постановления, распоряжения, протоколы и материалы бюро, пленумов и совещаний Северо-Кавказского (ЦДНИ РО, ф. 7), Азово-Черноморского (ЦДНИ РО, ф. 8), Краснодарского (ЦДНИ КК, ф. 1774-а), Орджоникидзевского (ГАНИ СК, ф. 1) крайкомов ВКП(б), Ростовского обкома ВКП(б) (ЦДНИ РО, ф. 9), Терского окружкома ВКП(б) (ГАНИ СК, ф. 5938) позволяют реконструировать процесс реализации на региональном уровне государственной политики по вовлечению сельских женщин в «колхозное строительство». К документам высших партийных органов Юга России близки по содержанию материалы таких советских учреждений, как Ставропольский окружной (ГАСК, ф. р-299), Ростовский областной (ГАРО, ф. р-37373), Краснодарский краевой (ГАСК, ф. р-687, ф. р-1480) исполкомы.

В фондах Северо-Кавказского (ГАРО, ф. р-1390) и Орджоникидзевского (ГАСК, ф. р-2395) краевых земельных управлений, земельного управления Ставропольского окрисполкома (ГАСК, ф. р-595), Северо-Кавказского краевого (ГАРО, ф. р-2399) и Ставропольского окружного (ГАСК, ф. р-602) союзов сельскохозяйственных коллективов (колхозсоюзов), Северо-Кавказского краевого управления зерновых МТС (ГАРО, ф. р-2573) также сосредоточено значительное количество разного рода постановлений, приказов и инструкций, касающихся аграрного производства. Вместе с тем в материалах перечисленных учреждений, осуществлявших непосредственное руководство функционированием колхозов и МТС, содержится деловая переписка между различными инстанциями, отчеты инструкторов, уполномоченных и проверяющих, письма, заявления и жалобы колхозников, и т. д. Сведения, почерпнутые из этих документов, позволяют создать детальную картину жизнедеятельности колхозниц Юга России в 1930-х гг.

Массу интереснейшей и уникальной информации предоставляют исследователям «колхозного строительства» на Юге России документы Северо-Кавказского краевого (ГАРО, ф. р-1185) и Кубанского окружного (ГАСК, ф. р-226) управлений Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), и особенно – политсектора Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краевого земельного управления, которому подчинялись политотделы МТС и совхозов (ЦДНИ РО, ф. 166). Эти контролирующие (РКИ) и чрезвычайные (политотделы МТС) органы обязаны были информировать представителей вышестоящего партийно-советского руководства о действительном положении дел в колхозной деревне, которое сильно отличалось от парадных официальных отчетов и деклараций. Поэтому докладные записки, сводки и отчеты РКИ и политотделов МТС содержат массу информации о негативных сторонах жизнедеятельности южнороссийских колхозниц: крайне низкой оплате

труда, систематических «продовольственных затруднениях», издательствах и рукоприкладстве со стороны колхозных администраторов, и т. п. Все эти материалы предоставляют возможность объективно отобразить процессы, происходившие в колхозной деревне (и, в частности, в жизни колхозниц) в 1930-х гг. Однако, именно в целях соблюдения принципа объективности, важно придерживаться взвешенного и осторожного подхода в работе с перечисленными документами, не впадая в соблазн абсолютизации негатива.

Данное требование актуально и при анализе материалов периодических изданий, составляющих важный компонент источниковой базы нашего исследования. Список периодических изданий, использованных в работе, включает в себя 26 наименований газет и журналов. В их числе 14 центральных журналов («Коллективист», «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», «Социалистическое сельское хозяйство» и др.) и газета «Социалистическое земледелие», а также 3 региональных журнала («Колхозница», «Колхозный путь», «Северо-Кавказский край») и 8 газет («Большевик», «Молот», «Орджоникидзевская правда», и пр.). Пресса, служившая мощным средством агитации и пропаганды, предоставляет массу материалов, как о реализации государственной аграрной политики, так и о производственной деятельности и повседневной жизни колхозниц Юга России, их настроениях, и пр. Но, в отличие от органов РКИ и политотделов МТС, советская пресса впадала в прямо противоположную крайность: журналисты, выполняя четкий социально-политический заказ, стремились к приукрашиванию действительности, а нередко к ее искажению в угоду официальной идеологической доктрине. В связи с этим материалы прессы нуждаются в обстоятельном критическом анализе.

Разнообразные сведения о государственной гендерной политике и о жизнедеятельности колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья в 1930-х гг. были почерпнуты нами из сборников опублико-

ванных документов и материалов,¹ в том числе и тех, которые издавались на Юге России.² Высокой информативностью отличаются сборники, изданные в постсоветский период, поскольку в них сосредоточено значительное количество ранее засекреченных документов, содержание которых способствует заполнению ряда лакун, существующих в рамках проблемы гендерных трансформаций в советской колхозной деревне.

Особой группой источников выступают произведения и материалы выступлений политических и государственных деятелей: А.А. Андреева, И.В. Сталина, Б.П. Шеболдаева, Я.А. Яковлева, и др. В них содержатся характеристики государственных мероприятий по отношению к сельским женщинам, нередко даются достаточные взвешенные оценки процессу и результатам гендерных трансформаций.

О том, как сами колхозницы Юга России оценивали изменения в своей жизни и деятельности, вызванные «колхозным строительством», свидетельствуют эпистолярные источники. В работе использовались письма южнороссийских колхозниц, опубликованные как на протяжении 1930-х гг. в сборниках и, особенно, в периодических изданиях («Колхозница», «Колхозный путь»), так и по за-

¹ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1957 годы. Сб. документов. В 4-х т. Т. 2. 1929 – 1945 гг. М., 1957; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 – 1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989; История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917 – 1958 гг. Т. 2. 1937 – 1958. М., 1959; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. 7-е изд. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1953; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. 1918 – 1939. Т.3. Кн.1. 1930 – 1931. М., 2003; Кн. 2. 1932 – 1934. М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. 1927 – 1939 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000; Т.3. Конец 1930 – 1933. М., 2001; Т. 4. 1934 – 1936. М., 2002; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930 – 1940. В 2 кн. Кн. I / Отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005.

² Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.) / Под. ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972; Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. Документы и материалы / Гл. ред. А.А. Алексеева. Краснодар, 1997.

вершении данной исторической эпохи.¹ Настроения, впечатления и переживания колхозников и колхозниц Юга России отражены также в их дневниках, мемуарах и воспоминаниях.²

Солидаризуясь с мнением, что «чаще всего художник, а не историк открывает нашему современнику духовный мир» предшествующих нам поколений,³ в эмпирическую базу исследования были включены художественные произведения.⁴ Среди них наиболее важными представляются произведения М.А. Шолохова, отличающиеся не только большой художественной силой, но и

¹ День нашей жизни. Очерки. Статьи. Заметки. Письма. Документы. (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д., 1940; Бутко. Письмо в редакцию // Колхозница. 1937. № 4. С. 19; Ефименко Е.А. Письмо в редакцию // Колхозница. 1937. № 5. С. 19; Кабан Е.С. Все женщины хотят учиться // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 6; Лаврухина В.Г. На широкой дороге // Колхозница. 1937. № 11. С. 14; Мазевич Е. Если бы мне крылья! // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 10; Малютин, Марфунцев, Волченко. По сталинскому уставу работаем и распределяем доходы // Колхозный путь. 1935. № 9. С. 20; Мандрик О.Т. У меня растет прекрасная дочурка // Колхозница. 1937. № 6. С. 117; Письмо 26 колхозниц-ударниц Троицкой МТС Славянского района Азово-Черноморского края Всесоюзному съезду писателей (август 1934 г.) // Молот. 1934. 28 августа; Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области И.В. Сталину // Колхозница. 1937. № 11. С. 10; Письмо многодетных матерей Тарасовского района ко всем многодетным матерям // Колхозница. 1937. № 6. С. 15; Письмо 385 казачек Александрийско-Обиленского района Северо-Кавказского края И.В. Сталину // Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта; Писковацкова А. Первенство в области // Тракторист и комбайнер. 1939. № 5. С. 11; Поливара З.Ф. С радостью жду шестого ребенка // Колхозница. 1937. № 6. С. 17; Ромашенко А.М. Хочу видеть жизнь в будущем // Колхозница. 1936. № 3 – 4. С. 16; Саенко Е. Жажда культуры // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 14; Ус В. Как произошел мир? // Колхозница. 1937. № 5. С. 5; Финько М. Особенный год // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 16; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М., 2001; Письма во власть. 1928 – 1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям: 1929 – 1933 годы. М., 2002.

² Александрова П.А. Пережитое // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 9; Дервянко С. Старая хата // Крестьянин. 2007. № 2. С. 19; Карпов В. Лихолетье // Крестьянин. 2003. № 23. С. 9; Сокольский Э. Забытый уклад // Крестьянин. 2004. № 18. С. 8; Ткаченко Н. Как загоняли в колхоз // Крестьянин, 2000. № 31. С. 22.

³ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 3.

⁴ Панферов Ф.И. Бруски. Кн. 2. М., 1950; Его же: Бруски. Кн. 3. М., 1950; Шолохов М.А. В казачьих колхозах // Шолохов М.А. Они сражались за Родину. Рассказы. Очерки. Ростов н/Д., 1974; Его же: Поднятая целина. М., 1960; Его же: По правобережью Дона // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1975; Его же: Слово о родине // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1975.

высоким уровнем исторической достоверности, в полной мере отражающие дух и характер эпохи «великого перелома».

Эмпирическая база, подвергнутая комплексному и критическому анализу, предоставила возможность раскрыть заявленную тему и решить поставленные в рамках нашего исследования задачи.

Цель исследования заключается во всестороннем анализе трансформаций, происходивших в гендерной структуре южно-российской деревни и жизнедеятельности женщин-колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя на протяжении исторического периода с конца 1920-х гг. до начала 1940-х гг.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач:

- проследить гендерную динамику колхозов Юга России;
- выявить социально-профессиональную дифференциацию колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя;
- установить особенности трудовой занятости сельских женщин в колхозном производстве;
- определить факторы и формы участия крестьянок и казачек Юга России в общественной жизни села в период «колхозного строительства»;
- проанализировать гендерную специфику крестьянского протеста, обусловленного проведением сплошной коллективизации;
- исследовать роль и формы занятости колхозниц в своем домашнем хозяйстве как особой сфере приложения труда;
- осуществить детальное и всестороннее освещение исторической повседневности колхозниц Юга России 1930-х гг.;
- дать анализ процессам изменения гендерных ролей и трансформации ментальности женщин-колхозниц, имевших место в коллективизированной деревне Дона, Кубани и Ставрополя.

Объектом исследования выступает гендерная структура российской (советской) деревни и возникающие в ее рамках взаимоотношения полов, в их динамике и развитии.

Предмет исследования – трансформации жизнедеятельности, повседневности и ментальности женщин-колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя в период «колхозного строительства» конца 1920-х – начала 1940-х гг.

Теоретико-методологическая база исследования зиждется на принципах историзма, системности, всесторонности и объективности, следование которым выражается в освещении прошедших событий и явлений во всей их сложности и противоречивости, с учетом причинно-следственных связей и специфики рассматриваемой эпохи. Работа основана на синтезе ряда методологических подходов. Это позволяет с достаточной эффективностью осуществить анализ такой сложной, отчасти имеющей междисциплинарный статус, проблемы, как гендерные трансформации в колхозной деревне Юга России в 1930-х гг. Положения формационного подхода, не утратившего своей значимости при анализе социально-экономических процессов, послужили основой для освещения функционирования колхозной системы, производственных отношений на селе. Базой для исследования преобразований и изменений сельской культуры, ментальности крестьянок, структур женской повседневности послужил цивилизационный подход. Учитывая специфику заявленной темы, важным компонентом методологической позиции является гендерный подход, трактующий взаимоотношения полов как часть социальной организации общества со всеми вытекающими отсюда последствиями (такими, например, как способность гендерных отношений детерминировать сферу производства или влиять на общественно-политические процессы).

Поскольку предметом нашего исследования выступают гендерные трансформации в южнороссийской деревне, проходившие в общем русле модернизации аграрного производства в 1930-х гг., представляется актуальной обоснованная в работах В.А. Бондарева частно-историческая теория фрагментарной модернизации, характе-

ризующая «колхозное строительство» как процесс неполных, частичных преобразований, сопровождающихся в ряде случаев обратным вектором развития.¹ Использование в работе указанной теории позволило осветить и объяснить всю противоречивость и фрагментарность изменений в жизни и деятельности колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя, происходивших на протяжении исторического периода конца 1920-х гг. до начала 1940-х гг.

В процессе анализа гендерных трансформаций в южнороссийской деревне периода «колхозного строительства» немаловажны и положения «новой локальной истории», – обладающего высоким научно-теоретическим потенциалом направления исторических исследований, обоснованного в работах Т.А. Булыгиной и С.И. Маловичко.² «Новая локальная история» представляет собой комплексное изучение истории того или иного региона «в исследовательском поле общероссийской истории, с позиций междисциплинарного подхода»,³ и, тем самым, ориентирует исследователей на всемерное выявление региональной специфики. В рамках избранной нами темы «новая локальная история» позволяет установить и проанализировать региональные особенности гендерных трансформаций, возникшие под влиянием традиций и культуры казачества и крестьянства Юга России.

¹ См.: Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. Ростов н/Д., 2005; Его же: Крестьянство и коллективизация. Ростов н/Д., 2006.

² См., например: Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27 – 34; Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции, Ставрополь, 20 мая 2004 г. – Ставрополь, 2004. С. 4 – 24; Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской Интернет-конференции., Ставрополь, 23 мая 2003 г. – Ставрополь, 2003. С. 6 – 2.

³ Булыгина Т.А. Историческая антропология... // Человек на исторических поворотах XX века. С. 27.

Методологический инструментарий, использованный в работе, включает в себя и универсальные (общенаучные), и специально-исторические методы исследования. В последнем случае следует отметить сравнительно-исторический метод (позволивший выявить сходства и различия гендерного устройства доколхозной и коллективизированной деревни), историко-генетический метод (давший возможность проследить преемственность социального статуса и образа жизни крестьянок и колхозниц), и др. Кроме того, на основе метода контент-анализа был осуществлен поиск смысловых единиц в периодических изданиях (в частности, подсчитывалось количество корреспонденций, присланных в журнал «Колхозное опытничество» мужчинами и женщинами – заведующими колхозными хатами-лабораториями Юга России); метод когорт применялся при анализе гендерно-демографических процессов в южнороссийской деревне 1920-х – 1930-х гг.

Данная работа представляет собой первое в региональной южнороссийской историографии комплексное исследование многообразных изменений в производственной и общественной деятельности, повседневной жизни, ментальности, социально-гендерном статусе сельских женщин Дона, Кубани и Ставрополя в период «колхозного строительства» (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Вынося ее на суд читателей, авторы надеются, что их труд будет интересен всем, интересующимся отечественной историей, а также небесполезен в учебной и исследовательской работе.

1. СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН-КОЛХОЗНИЦ ЮГА РОССИИ В 30-е гг. XX в.

1.1. Динамика гендерного состава коллективных хозяйств

Первые десятилетия XX в. в истории России были наполнены грозными и трагическими событиями, причинившими серьезный демографический ущерб российскому обществу. В ходе целого ряда войн и революций страна лишилась множества своих граждан. Бездарно проигранная русско-японская война стоила Российской империи свыше 200 тыс. человек убитыми и изувеченными.¹ В ходе Первой мировой войны (когда, по выражению А.Н. Толстого, «под накрахмаленной рубашкой объявился все тот же звероподобный, волосатый человечище с дубиной»²), Россия понесла наибольшие потери среди ее участников – 9 347,3 тыс. убитыми, ранеными, плененными, и т. д.³ Помимо войн, на численности населения отрицательно сказались и революционные потрясения, унесшие тысячи жизней.

Людские потери, понесенные российским обществом, дополнялись глубокой моральной травмой, многократно повышавшей вероятность повторения насилия и, соответственно, человеческих жертв. Исследователи справедливо отмечают, что в смутные времена в конце XIX – начале XX вв.) «подрастало поколение, для которого насилие становилось нормой, а человеческая жизнь вовсе не казалась высшей ценностью».⁴ Когда представители этого поколе-

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 59.

² Толстой А.Н. Хождение по мукам. Кн. 1, 2. Ставрополь, 1979. С. 114.

³ Россия и СССР в войнах XX века. С. 100, 106.

⁴ Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В. Будницкий. Ростов н/Д., 1997. С. 19.

ния, повзрослев, сами взяли в руки оружие, то не щадили ни «своих», ни «чужих». Это ярко проявилось в России в ходе Гражданской войны, которая фактически развернулась уже после Октября 1917 г. и закончилась лишь в 1922 г. Причем, что особенно печально, в условиях братоубийственных конфликтов между гражданами одной и той же страны выросло новое поколение, еще более безразличное к ценности человеческой жизни, еще более нетерпимое к чужому мнению, еще более склонное к агрессии и к силовому решению возникавших противоречий. Именно этому поколению, появившемуся на свет во время Первой мировой, видевшему и пережившему Гражданскую войну, предстояло под руководством большевиков вершить коллективизацию.

Безразличие к ценности человеческой жизни вообще и к жизни сограждан, – в частности, можно считать одной из причин того, что Гражданская война 1917 – 1922 гг. в России повлекла еще больше жертв, чем Первая мировая война. По примерным подсчетам, за годы Гражданской войны Россия потеряла около 13 млн человек¹ (из которых, правда, лишь 2,5 млн погибло в сражениях,² а остальные стали жертвами голода, болезней, репрессий, и пр.).

Следствием вооруженных конфликтов для России являлось не только сокращение численности населения. В войнах, естественно, погибали мужчины (как правило, молодого и среднего возраста), что вело к перекосам в гендерной структуре общества. Иными словами, в результате военных потерь женщин в стране становилось больше, чем мужчин. Именно такие гендерные несоответствия наблюдались в Советской России, пережившей затяжную Гражданскую войну и все еще ощущавшей последствия Первой мировой войны. Согласно переписи населения РСФСР 1926 г., в республике проживало немногим более 44 млн мужчин

¹ История России в вопросах и ответах / Сост. С.А. Кислицын. Ростов н/Д., 1997. С. 200.

² Россия и СССР в войнах XX века. С. 151.

и 49,1 млн женщин.¹ Таким образом, «эхо войны» было весьма ощутимо в советском обществе. При этом надо учесть, что, поскольку в досоветской России крестьяне составляли подавляющее большинство населения (до 75 %) и армия комплектовалась в основном за счет выходцев из сельской местности, то и гендерные несоответствия были наиболее ощутимы именно в деревне.

Наибольшим ожесточением Гражданская война отличалась на Юге России, что объяснялось спецификой социально-экономических отношений, исторически сложившихся в данном регионе. На Дону, Кубани и Тереке, где значительную (а во многих районах преобладающую) часть населения составляли казаки, размах вооруженных конфликтов был обусловлен, прежде всего, остротой земельных споров между казачеством и иногородними. Тот же «земельный вопрос» лежал в основе широкомасштабного краснопартизанского движения на Ставрополье, где основную массу населения составляли крестьяне. Причем, даже в условиях Гражданской войны, несмотря на неограниченное применение насилия, одним махом разрубить гордиев узел социально-экономических противоречий не представлялось возможным. Поэтому на Юге России, в отличие от центра или северо-запада страны, бои между «белыми» и «красными» затянулись до 1920 г., а еще на протяжении двух – трех лет здесь полыхало антибольшевистское повстанческое движение, нередко имевшее «зеленую» окраску.

Итогом вооруженных конфликтов на Юге России являлись огромные человеческие жертвы и, разумеется, существенные гендерные перекосы. По данным переписи населения 1926 г., на Дону и Кубани насчитывалось 2 957,7 тыс. женщин и лишь 2 685,6 тыс. мужчин, а в районах Ставрополья, Терека, национальных регионах Северного Кавказа – соответственно 890,5 тыс. и 814,4 тыс.² Причем для южнороссийских регионов была более чем характерна уже

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 40.

² Там же, С. 38 – 41.

отмеченная нами тенденция к наибольшим гендерным диспропорциям среди сельского населения. Это вполне объяснимо: ведь Дон, Кубань, Ставрополье, Терек являлись сельскохозяйственными регионами, и основным занятием проживавших здесь крестьян и казаков являлось аграрное производство.

Многие крестьянки и казачки Юга России могли бы подписаться под автобиографией председателя Подгорненского сельсовета Курсавского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края Лины Осиповны Лаар. Согласно автобиографии, написанной в 1929 г., Л.О. Лаар родилась в декабре 1893 г. в том же селе Подгорном Курсавского района, и происходила из семьи эстонских крестьян, переселившихся на благодатные южные черноземы. Жизнь ее протекала так же, как и жизнь многих других крестьянок Ставрополья. С 1902 по 1905 г. она училась в сельской школе, но дальнейшего образования не получила из-за бедности родителей. В мае 1918 г. двадцатичетырехлетняя Лина вышла замуж за своего односельчанина М.Ю. Лаар (что было несколько необычно для сельской девушки, которую, как правило, отдавали замуж уже в 17 – 18 лет). Но грозные события, развернувшиеся в России, разрушили ее семейную жизнь. Муж ее менее чем через полгода, уже в октябре 1918 г., добровольцем ушел в РККА и, как писала Л.О. Лаар в автобиографии, «до сего времени остался в неизвестности». В момент составления своей биографии она была беднячкой, вела свое хозяйство и работала в сельсовете. «Семья», описывала Л.О. Лаар свое семейное положение, «состоит из двух человек – меня и сынка 8-ми лет».¹ Показательны последние слова автобиографии: не «сына», а «сынка» – так могла написать (даже в официальном документе, каковой представляет собой биографии) только женщина, только любящая мать.

¹ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 825, л. 32.

Сельских женщин, подобных Л.О. Лаар, на Юге России в 1920-х гг. насчитывалось немало. Как отмечал Е.Н. Осколков, на Дону и Северном Кавказе в результате Гражданской войны «многие крестьянские и казачьи хозяйства лишились мужских рабочих рук. Даже семь лет спустя – в 1927 г. – 70 тыс. хозяйств возглавляли женщины».¹ Конечно, эти 70 тыс. хозяйств были не очень заметны среди 1 359,9 тыс. крестьянско-казачьих хозяйств, насчитывавшихся в Северо-Кавказском крае в данное время.² Но, абстрагируясь от общей численности хлеборобов края, следует признать, что семь десятков тысяч крестьянских хозяйств, в которых не осталось мужчин – величина отнюдь не мизерная. Воистину, страшным бедствием для страны является братоубийственная гражданская война, представляющая собой самоистребление нации!

Положение овдовевших сельских женщин Северо-Кавказского края, вынужденных самостоятельно вести свои хозяйства, было в большинстве случаев крайне тяжелым. По данным статистики, во второй половине 1920-х гг. среди крестьянских хозяйств Советской России, практиковавших наем рабочей силы, 43,7 % составляли хозяйства, «во главе которых стояли женщины, так как в подавляющем большинстве там не было своего работника».³ Нередко овдовевшие крестьянки были вынуждены сдавать землю в аренду за неимением средств производства и мужских рабочих рук. В целом по Северо-Кавказскому краю удельный вес крестьянских хозяйств, которые по этим причинам сдавали свои земельные участки в аренду, составлял в 1927 г. 24,5 % от общей массы крестьянских хозяйств.⁴

¹ Осколков Е.Н. Победа колхозного строя. С. 62.

² РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 272, л. 68.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 163. В феврале 1927 г. советские специалисты отмечали, что деревенская «беднота прибегает к найму [рабочей] силы в безысходной необходимости (вследствие малолетности членов семьи, [а также прибегают к этому] вдовы, сироты и т. п.)» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 16, л. 207).

⁴ Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920 – 1929 гг. Ростов н/Д., 1987. С. 217.

Одиноких женщин ждали не только экономические проблемы, но и пренебрежительное отношение односельчан, которые к тому же нередко посягали на их интересы и имущество. Как рассказывала в 1928 г. одна из одиноких донских крестьянок, у женщин, подобных ей, «тягла своего нет, пока беднячка найдет кого-нибудь для обработки своего клочка, а полоса [ее] уже захвачена насильно». Надеяться же на помощь и поддержку местного руководства чаще всего не приходилось, ибо, по словам той же крестьянки, «невнимательно относятся местные власти и ККОВы¹ к нуждам вдов-беднячек».²

В этих условиях у одиноких, овдовевших женщин (которые, из-за резкой убыли мужского населения, уже не могли надеяться на вторичное замужество) оставался единственный выход – объединиться в колхозы или вступить в уже существующие коллективные хозяйства. Сельские женщины четко сознавали необходимость объединения с целью выжить и противостоять миру, который был очень неласков к оставшимся без мужской защиты вдовам. Характерно высказывание одной из крестьянок на первом Ставропольском районном совещании женщин-делегаток от общественных организаций района, состоявшемся в мае 1929 г.: «одной трудно жить, нужно организовать колхоз, тогда будет легче».³

Гендерные диспропорции в составе сельского населения Советской России, с одной стороны, и вполне осознанное стремление одиноких крестьянок к объединению, – с другой, привели к возникновению такого феномена 1920-х гг., как женские колхозы. Это были коллективные объединения, состоявшие, как прави-

¹ ККОВ – Крестьянский комитет общественной взаимопомощи, в обязанности которого входило оказание материально-производственной помощи обедневшим и разорившимся крестьянам, в том числе и овдовевшим крестьянкам.

² Докладная записка Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) об итогах работы районных посевных совещаний. 24 марта 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 67.

³ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1398, л. 57.

ло, из крестьянских семей (хозяйств), возглавлявшихся женщинами. Создавались они со вполне практической целью, уже нами обозначенной – путем сложения средств производства (которыми, как правило, каждая такая семья в отдельности была обеспечена далеко не полностью) наладить нормальный производственный процесс, чтобы тем самым обеспечить материально-продовольственное снабжение и само существование крестьянских семей, оставшихся без мужчин-кормильцев.

По данным, обнаруженным нами в документах Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1928 г. в целом по Северо-Кавказскому краю насчитывалось 13 «специальных женских колхозов».¹ Этим данным, на первый взгляд, противоречат отчеты окружных и районных органов власти на Юге России. Так, в том же 1928 г. руководство Кубанского округа докладывало вышестоящим властям, что здесь насчитывается 18 женских колхозов.² В Терском округе Северо-Кавказского края к 1929 г. было зафиксировано 13 женских колхозов³ (а в целом по краю в том же году – 85 таких колхозов⁴) и представляется невероятной мысль, что все они могли возникнуть одновременно к исходу 1928 г.

Вместе с тем, как нам представляется, противоречие между данными о численности женских колхозов, приводимых, с одной стороны, краевыми, а с другой – окружными и районными властями Юга России, достаточно легко объяснить. По всей видимости, краевое руководство оперировало данными о количестве зарегистрированных женских колхозов, юридически оформленных с соблюдением именно такого («женского») статуса; не случайно в материалах Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) подчеркивалось, что речь шла о «специальных женских колхозах». В то же

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 6.

² Там же, л. 2.

³ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 31, л. 45.

⁴ Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа... С. 128.

время местное (окружное и районное) руководство, гораздо лучше знакомое с ситуацией на подконтрольной им территории, не принимало во внимание юридические тонкости, а учитывало фактическую численность женских колхозов. Но в 1920-х гг. далеко не все коллективные хозяйства проходили процедуру регистрации: многие из них являлись незарегистрированными («дикими», как тогда говорили), существовали на деле, но не на бумаге. Женские колхозы не являлись исключением, чем в конечном итоге и порождалась путаница в цифрах, которыми оперировали краевые власти и представители окружного и районного руководства.

В большинстве своем женские колхозы на Юге России в конце 1920-х гг. отличались теми же характеристиками, которые были присущи практически всем коллективным хозяйствам региона. В частности, как свидетельствует таблица 1, в Ставропольском округе Северо-Кавказского края в 1929 г. существовало 16 женских колхозов, объединявших, в общей сложности, 210 семей (735 человека). В среднем на каждый такой колхоз приходилось лишь 13 семей, или около 46 человек. Другие колхозы Юга России в данное время также были весьма небольшими, что заставляло представителей власти задумываться об их укрупнении с целью повышения эффективности функционирования.

Далее, материалы таблицы 1 свидетельствуют о том, что подавляющее большинство женских коллективных объединений Ставрополья были оформлены как товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Это не случайно, поскольку ТОЗы были весьма популярны в крестьянской среде на протяжении 1920-х гг., то есть в тот период, когда сельские жители были еще вольны избирать такую форму колхоза, которая привлекала их в наибольшей степени. Популярность ТОЗов среди крестьян (и, как видим, крестьянок) объяснялась тем, что это были действительно свободные объединения самостоятельных хозяев. В ТОЗах предусматри-

вался невысокий (относительно с артелями и особенно коммуна-ми) уровень обобществления средств производства, простейшие правила оформления членства и минимум расходов на административно-управленческий аппарат в связи с предельной малочисленностью последнего.

Таблица 1

**Список женских колхозов Ставропольского округа
Северо-Кавказского края (1929 г.)¹**

Формы колхозов	Название колхоза	Насчитывалось в колхозе	
		Семей	Едоков
Петровский район			
Коммуна	«Равноправие»	20	40
- // -	«Хлеборобка»	13	59
ТОЗ	«Крестьянка»	8	32
- // -	«Женский труд»	15	45
Благодаринский (Благодарненский) район			
Артель	«Женский труд»	8	20
ТОЗ	Им. Крупской	24	129
Московский район			
ТОЗ	«Женский труд»	16	65
Медвеженский район			
ТОЗ	«Хлеборобка»	10	24
- // -	«8 марта»	13	59
- // -	«Труд женщины»	17	33
- // -	«Труд.[ящаяся?] крестьянка»	11	27
Виноделенский район			
ТОЗ	Им. Крупской	10	45
- // -	Им. К. Цеткин	13	32
Курсавский район			
ТОЗ	«Свободная женщина»	8	29
Туркменский район			
ТОЗ	«Крестьянский труд» (или «Крестьянка»)	10	45
Г. Ставрополь			
ТОЗ	Им. Крупской	14	51
Итого по округу			
	16	210	735

¹ Составлено по: ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 19, л. 36; д. 92, л. 57, 58.

Впрочем, по мере развертывания сплошной коллективизации ситуация постепенно изменилась: ТОЗы были упразднены, а им на смену пришли коммуны и сельхозартели. В частности, в прессе отмечалось, что в 1929 г. под селом Воронцовка (недалеко от города Сальска) возник колхоз «Сальск», состоявший преимущественно из женщин и членов возглавляемых ими семей; судя по описанию, «Сальск» представлял собой типичный ТОЗ. Но очень скоро, восторженно писали журналисты, это коллективное объединение стало «первой в нашем крае учебно-показательной женской» коммуной им. Артюхиной.¹ Более того, в ходе коллективизации женские колхозы постепенно исчезли, растворившись в сельхозартелях (или утратив чисто «женский» облик в связи с притоком крестьян). Правда, в ряде случаев память о них сохранилась в названиях. Так, в 1935 г. отмечалось, что в Сальском районе Азово-Черноморского края, недалеко от совхоза «Гигант», располагалась птицеводческая артель, которую местное население по старой памяти именovalo «Бабья коммуна»² (уж не «Сальск» ли это?).

Говоря о женских колхозах, отметим также одну любопытную деталь. Согласно материалам Ставропольского окружного колхозсоюза, ровно половина женских колхозов (8 из 16) были созданы в период с 8 марта 1928 г. по 8 марта 1929 г.³ Тот факт, что часть женских колхозов Ставрополя возникла именно в Международный день солидарности женщин-работниц, позволяет утверждать, что формирование многих коллективных объединений такого типа проходило не стихийно, но под целенаправленным воздействием сельских женщин-активисток и представителей органов власти (которые видели в этом средство повысить благожелательное отношение крестьянок к колхозной системе и вовлечь их туда). В пользу мнения о прямом контроле органов власти за соз-

¹ Н.Н. В женской коммуне // Молот. 1930. 28 февраля.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 202, л. 68.

³ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 92, л. 57, 58.

данием женских колхозов (и содействии властей этому процессу) свидетельствуют и их названия. Хотя многие из женских колхозов носили политически нейтральные названия («Крестьянка», «Хлеборобка», «Труд женщины»), целому ряду коллективов были присвоены имена Н. Крупской или К. Цеткин. Как правило, стремление присвоить колхозам такие, политические ангажированные, названия было характерно не для простых сельских женщин (которые зачастую даже не знали, кто такая Клара Цеткин, а то даже и Надежда Крупская), но для «политически грамотных» активисток или руководителей местного уровня.

Учитывая размеры гендерных диспропорций, вызванных войнами и революциями на Юге России, естественно было ожидать численного доминирования женщин не только в женских колхозах, но и в «обычных» коллективных объединениях. Забегая вперед, отметим, что в 1930-х гг. так и будет. Однако в 1920-х гг., как ни парадоксально, в коллективных хозяйствах Дона, Кубани и Ставрополья зачастую складывалось обратное положение: при том, что в селах и станицах насчитывалось больше женщин, чем мужчин, в колхозах первые численно заметно уступали последним.

Надо признать, что данные по Северо-Кавказскому краю и входившим в него округам не свидетельствовали о подобного рода гендерных диспропорциях в коллективных хозяйствах. Согласно материалам Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1928 г. в 8 475 колхозах края насчитывалось 447 тыс. «населения», из них женщин – 240 тыс.,¹ то есть свыше половины (почти 53,7 %). Те же пропорции отличали Ставропольский округ, где к 1 июня 1929 г. было 85 293 колхозника, из них женщин – немногим более половины: 46 875 человек, или почти 55 %. Не случайно представители местного руководства констатировали, что «активное участие женской массы в колхозной системе довольно еще не достаточ-

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 6.

ное».¹ Как видим, даже в этом случае удельный вес женщин в колхозах был ниже, чем их численность в деревне Юга России.

Но районные данные нередко свидетельствовали о совершенно иных пропорциях численности мужчин и женщин в коллективных хозяйствах. Так, в 1929 г. в Петровском районе Ставропольского округа Северо-Кавказского края насчитывалось 203 колхоза, в том числе 9 коммун, 40 сельхозартелей, 154 ТОЗа (повторимся, что в данное время это было вполне обычное соотношение указанных типов коллективных хозяйств). Всего в колхозах насчитывалось 15 276 едоков, из которых лишь 295 были женщинами (то есть женщины составляли в общей массе колхозников только 1,9 %!). Причем наименьшим удельным весом женщин отличались именно ТОЗы, хотя против них, как это было видно на примере женских колхозов, крестьянки вообще-то ничего не имели. В коммунах и артелях Петровского района удельный вес женщин в массе колхозников был одинаков и составлял 2,2 % (среди 1 271 коммунара насчитывалось 29 женщин, среди 5 017 членов артелей – 111 женщин). А вот среди 8 988 членов товариществ по совместной обработке земли женщины составлял только 1,7 % (155 человек). Хотя в ТОЗах, как видим, женщин было больше, чем в артелях и коммунах, вместе взятых, их удельный вес в массе членов товариществ по совместной обработке земли был гораздо ниже, чем в остальных формах коллективных обеднений.²

Чем объясняются эти странные гендерные несоответствия между численностью крестьянок (которых было больше, чем крестьян) и колхозниц (которых, невзирая на сохранявшуюся со времен войны феминизацию южнороссийской деревни, почему-то было меньше, чем колхозников)? Отвечая на этот вопрос, представители местного руководства на Юге России указывали, что дело здесь в традициях и гендерных стереотипах сельского населения. Как и в

¹ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 107, л. 10; д. 254, л. 72 – 72об.

² Рассчитано по: ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 212, л. 99, 103.

доколхозной (а также и в советской некооперированной) деревне, в колхозах 1920-х гг. полноправными членами обычно являлись главы крестьянских семей, то есть мужчины; но их жены в состав полноправных членов принимались гораздо реже. По всей видимости, такой порядок был обусловлен критичным отношением сельских жителей к производственно-трудовым возможностям женщин, которые считались намного менее ценными работниками, чем мужчины: соответственно, они и не заслуживали принятия в члены коллективного объединения. Причем выявленные нами соответствия между типом колхоза и удельным весом женщин в нем были не случайны. Как отмечали представители власти Ставропольского округа, наиболее высоким был удельный вес женщин как раз в коммунах и артелях, но не в ТОЗах,¹ поскольку в последних патриархальные сельские традиции ощущались гораздо сильнее.

Любопытно, что в данном случае крестьянские традиции оказались сильнее советских законов, в том числе и нормативно-правовых документов, составлявших основы колхозной системы 1920-х гг. В примерных уставах коллективных хозяйств ничего не говорилось (да и не могло говориться) об ограничении членства по половому признаку. Даже в уставе ТОЗов, не говоря уже о коммунах или артелях, подчеркивалось, что их членами могли быть «как домохозяева, так и члены их семей».² Но, как видим, и в ТОЗах, и в сельхозартелях, и даже в коммунах эти благие положения в большинстве случаев игнорировались крестьянами. Женщины чаще всего не включались в состав членов колхозов и не имели прав на долю произведенной продукции (хотя другие материалы, которые мы приведем в последующих частях нашей работы, свидетельствуют, что в периоды напряженных сельхозработ женщины привлекались к колхозному производству как наемная рабочая сила, за наличный расчет).

¹ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 107, л. 8.

² ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 51, л. 3об.

Таким образом, с формально-юридической точки зрения, во многих колхозах Юга России 1920-х гг. женщины не составляли большинства (по крайней мере, такой вывод можно сделать в отношении Ставрополья). Среди колхозников налицо были гендерные диспропорции обратного порядка, шедшие вразрез с тенденциями, наблюдавшимися в сельской местности. Однако соотношение полов в колхозах было изменено самым радикальным образом в результате сплошной форсированной коллективизации, развернутой сталинским режимом с конца 1920-х гг.

По справедливому замечанию В.Б. Жиромской, переходом советского государства к осуществлению политики индустриализации и коллективизации «было положено начало феминизации деревни».¹ Впрочем, надо отметить, что гендерные процессы в сельской местности нередко являлись лишь отражением таких же процессов в масштабах всей страны или отдельных ее регионов. Феминизация была вообще характерна для Советской России, прошедшей через эпоху «великого перелома».

Таблица 2

**Динамика численности населения Юга России
в 1926–1939 гг.²**

Категории населения	Период времени			Процентное соотношение		
	1926 г.	1937 г.	1939 г.	37 г. в % к 26 г.	39 г. в % к 26 г.	39 г. в % к 37 г.
Мужчины	3500,0	3370,3	3636,4	96,0	103,9	107,9
Женщины	3848,2	3866,6	4203,6	100,5	109,2	108,7
Всего населения	7348,2	7236,9	7840,0	98,4	106,7	108,3

О нарастании в период коллективизации гендерных диспропорций в составе населения Юга России (и о некотором сглаживании этих разрывов во второй половине 1930-х гг.) свидетельствуют материалы таблицы 2. По данным таблицы, численность мужского

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 170.

² Рассчитано и составлено по: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 38 – 41, 58 – 59.

населения южнороссийских регионов к 1937 г. составляла лишь 96 % к уровню 1926 г. (в то время как численность женщин за тот же период увеличилась, пусть и всего лишь на полпроцента). По существу, эти совокупные потери (свыше 130 тыс. мужчин Дона, Кубани, Ставрополья) были вполне сопоставимы с итогами не-большой войны. Если говорить о специфике потерь применительно к каждому региону, то наиболее тяжелы они оказались для Ставрополья, Терека и национальных областей Северного Кавказа, входивших к 1937 г. в состав Северо-Кавказского края. К 1937 г., по сравнению с 1926 г., в Северо-Кавказском крае недоставало 49 369 мужчин, то есть убыль мужского населения составила 6,1 %. Потери Дона и Кубани, объединенных в границах Азово-Черноморского края, численно были выше – 80 216 мужчин; но их удельный вес в общей массе мужского населения составлял лишь 3 %, то есть в два раза ниже, чем в Северо-Кавказском крае.¹

Только к исходу 1930-х гг., в связи с постепенной минимизацией репрессий в деревне («Большой террор» 1937 г., по-видимому, затронул сельских жителей в несколько меньшей степени, чем горожан), численность населения Юга России превысила уровень 1926 г.: мужчин стало больше на 3,9 %, женщин – на 9,2 %. Однако, судя по данным таблицы 2, гендерные диспропорции на Дону, Кубани и Ставрополье наблюдались и в это время: женщин все равно было больше, чем мужчин, на 567,2 тыс. человек.

Поскольку регионы Юга России являлись преимущественно аграрными, то отмеченными гендерные диспропорции в полной мере могут быть отнесены и к сельскому населению. Так, по данным специальных исследований, уже в 1931 г. в колхозах Северо-Кавказского края на 100 мужчин приходилось 117 женщин.² В

¹ Рассчитано по: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 38 – 41.

² Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 199.

частности, в 1932 г. в колхозе «Ильич» Курского района Северо-Кавказского края состояло 118 мужчин и 145 женщин.¹ Те же тенденции наблюдались и в колхозах Азово-Черноморского края в 1934 г. Так, в колхозе им. Ковтюха Анапского района к началу 1934 г. насчитывалось 97 мужчин и 138 женщин, в колхозе «Знамя марксизма» Геленджикского района – соответственно 101 и 115, «Красное Черноморье» того же района – 50 и 54, и т. д.²

Во многих колхозах, впрочем, наблюдалось обратное соотношение. Так, колхозники сельхозартели им. Кагановича, расположенной в селе Большая Джалга Виноделенского района Северо-Кавказского края, писали в августе 1933 г. «однофамильцу» своего колхоза, что у них на 320 мужчин приходится 92 женщины.³ Возможно, данное обстоятельство порождалось сохранявшейся с 1920-х гг. практикой непринятия женщин в состав членов колхоза (поскольку такой огромный диссонанс в гендерной структуре колхоза вряд ли мог быть вызван какими-либо демографическими или социально-экономическими факторами). Можно привести еще целый ряд подобных примеров, хотя уже и не со столь резкими несоответствиями. Но, несмотря на все исключения, в колхозах Юга России в 1930-х гг. правилом являлось численное превалирование женщин-колхозниц над мужчинами.

Юг России не составлял исключения среди регионов СССР. В.Б. Жиромская правомерно указывает на «тревожный симптом» 1930-х гг., заключающийся в том, что в сфере коллективного земледелия мужчин было чуть больше трети: «а ведь земледелие тогда все еще слабо было технически оснащено и в основном базировалось на тяжелом ручном труде».⁴ Женщины были вынуждены на-

¹ ГАСК, ф. р-2034, оп. 1, д. 4, л. 10.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 42, 52, 156.

³ Письмо колхозников колхоза имени Кагановича Л.М. Кагановичу // Письма во власть. С. 219.

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 170.

прягать силы, заменяя мужчин (численность которых все время сокращалась) в сельском хозяйстве.

Исследователи выделяют ряд причин «феминизации» и советского общества, и, в особенности, коллективизированной деревни. Прежде всего, это уже отмеченные выше потери множества мужчин репродуктивного возраста, понесенные Россией в ходе войн и революций двух первых десятилетий XX в. Если же говорить собственно о коллективизации, то здесь указываются переселения «раскулаченных» крестьян, голод 1932 – 1933 гг., политические репрессии, отходничество и вообще бегство колхозников из деревни в город.¹ Перечисленные причины, действительно, в той или иной мере усилили гендерные диспропорции среди населения СССР. Однако, если говорить только о причинах изменения гендерной структуры колхозного крестьянства, то, на наш взгляд, в перечень этих причин необходимо внести ряд уточнений.

На наш взгляд, «раскулачивание» оказало наименьшее влияние на гендерные диспропорции в составе колхозного крестьянства, в том числе и на Юге России. Основанием для такого утверждения служит, прежде всего, тот факт, что советское законодательство прямо запрещало принимать «кулаков» и членов их семей в коллективные хозяйства. В октябре 1930 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию», в котором недвусмысленно указывалось: «членами колхозов и других с[ельско-]/х[озяйственных] кооперативов, а также промысловых кооперативных товариществ (артелей) и потребительских обществ не могут быть кулаки и другие лица, лишенные права выбирать в советы».² Причем в Северо-Кавказском крае решение о недопущении «кулаков» в кол-

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 33; Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

² Постановление ЦИК и СНК СССР «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» от 21 октября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 690.

хозы (и об изгнании тех представителей «кулачества», кто уже все-таки проник в коллективные хозяйства) было принято краевой комиссией по сплошной коллективизации при крайкоме ВКП(б) еще 11 декабря 1929 г.¹ Поскольку «кулаки» изначально не принимались в колхозы в условиях сплошной коллективизации, их выселение из деревни не могло отразиться на гендерном составе коллективных хозяйств Юга России.

Следует добавить, что «раскулачивание» далеко не всегда выражалось в выселении только мужчин, возглавлявших «кулацкие» хозяйства. Зачастую выселялись не только главы семей, но и сами «кулацкие» семьи. Уже 8 января 1930 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило выселить из края 20 тыс. «кулацких» хозяйств.² Через неделю, 16 января того же года, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев докладывал И.В. Сталину, что краевое руководство считает наиболее приемлемым «переселение [«кулаков»] произвести целыми семьями».³

Правда, в печально знаменитом постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. «кулаки» делились на три категории, к каждой из которых следовало применять особые меры воздействия: «кулаки» первой категории подлежали высылке в концлагеря или физической ликвидации; «кулаки» второй категории подлежали высылке либо «в отдаленные местности СССР», либо «в отдаленные районы» того или иного края, где они проживали ранее; наконец, «кулаки» третьей категории оставались на местах прежнего проживания, но выселялись за пределы

¹ Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. С. 59.

² Проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении кулацких хозяйств. Не ранее 8 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 100 – 101.

³ Шифротелеграмма секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева И.В. Сталину о согласовании практических вопросов «переселения кулаков за пределы края». 16 января 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. С. 34.

колхозных земель.¹ Различные методы репрессий против «кулаков» по-разному сказывались на судьбе их семей и, следовательно, на гендерной структуре сел и станиц Юга России.

Репрессии, применяемые против «кулаков» первой категории, нередко не касались их семей (хотя, безусловно, факт ареста или расстрела главы семьи уже сам по себе исторгал такую семью из нормальной жизни). В постановлении даже подчеркивалось, что «члены семей выселяемых и заключенных в концлагеря кулаков могут, при их желании и с согласия местных райисполкомов, остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе)».² При удачном стечении обстоятельств семьи «кулаков» первой категории могли вступить в колхоз, способствуя тем самым возрастанию удельного веса женщин-колхозниц. Только в этом случае «раскулачивание» может рассматриваться как фактор усиления гендерных диспропорций в колхозах.

Однако значение этого фактора нельзя переоценивать: ведь численность «кулаков» первой категории была относительно невысокой. В том же январском постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) предполагалось отправить в лагеря 6 – 8 тыс. «кулаков» из Северо-Кавказского края и Дагестанской АССР;³ это означало, что столько же крестьянских хозяйств останутся без мужчин. Причем далеко не все из этих хозяйств могли попасть в колхозы, учитывая недоброжелательное отношение к ним со стороны местного руководства и самих колхозников. Так что вряд ли последствия «раскулачивания» «кулаков» первой категории могли существенным образом сказаться на изменении гендерной структуры коллективных хозяйств Юга России.

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 126 – 127.

² Там же, С. 127.

³ Там же, С. 127.

Гораздо большее количество «кулаков» подлежало высылке вместе с семьями: в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) численность таковых по Северо-Кавказскому краю и Дагестану выражалась в 20 тыс. хозяйств¹ (в целом, по итогам 1930 г., «раскулачиванию» подверглись до 30 – 40 тыс. хозяйств, а еще 20 тыс. кулацких хозяйств сумели бежать за пределы деревни).² Подобный подход объясняет, почему в «кулацких спецпоселках» (куда выселяли «раскулаченные» хозяйства) численность мужчин и женщин была примерно равной. Так, по данным В.Н. Земскова, на севере СССР, в районах «кулацкой ссылки», среди трудпоселенцев к июлю 1938 г. насчитывалось около 248 тыс. мужчин и 261,8 тыс. женщин.³

Правда, согласно «Примерному уставу сельхозартели» от 17 февраля 1935 г., в состав членов артели могли быть приняты бывшие «кулаки» и члены их семейств, «которые, будучи высланы за противосоветские и противоколхозные выступления, в местах новых поселений в течение 3 лет своей честной работой и поддержкой мероприятий советской власти показали, что они исправились».⁴ Однако на практике реализация этого права была практически невозможной вследствие ограничений трудпоселенцев в передвижении по стране. Поэтому воплотить указания «Примерного устава сельхозартели» могли очень немногие бывшие «кулаки».

В итоге можно заключить, что выселение «кулацких» семей, при всех оговорках и законодательно оформленных послаблениях, все-таки не могло существенно повлиять на рост гендерного неравенства в колхозах. Тот факт, что чаще всего «кулаки» выселялись

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств...» от 30 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 127.

² Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в Северо-Кавказском крае. Не ранее 20 сентября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 642.

³ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930 – 1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 121.

⁴ Примерный устав сельхозартели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. Т. I. С. 429.

за пределы краев и районов прежнего проживания не одни, но вместе с семьями, позволяет утверждать, что «раскулачивание» не могло существенно повлиять на усиление гендерных диспропорций в составе колхозного крестьянства, — и в масштабах всего СССР, и в границах Юга России (напомним также о существовании изначальных запретов принимать «кулаков» в колхозы).

По сравнению с «раскулачиванием», более существенное влияние на гендерные процессы в составе колхозного крестьянства оказали политические репрессии и Великий голод 1932 – 1933 гг. Масштабы политических репрессий в селах и станицах Северо-Кавказского края установить затруднительно. Собственно, «раскулачивание» также может рассматриваться как одна из форм политических репрессий, поскольку в условиях сплошной коллективизации понятие «кулак» приобрело не социально-экономический, а социально-политический смысл: к кулакам причислялись в первую очередь те жители села, которые выделялись антиколхозной и вообще антисоветской активностью (о чем с очевидностью свидетельствовало упомянутое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г.). В таком случае масштабы репрессий могут быть измерены десятками тысяч членов «кулацких» семейств. Однако, как мы уже отмечали, высылка «кулаков» вместе с семьями не могла оказать существенного влияния на рост гендерных диспропорций среди колхозного крестьянства. Более серьезно гендерный баланс могли нарушить репрессии против всех крестьян, открыто выступавших против сталинской аграрной политики (или хотя бы критиковавших действия властей в узком кругу). В этом случае репрессиям чаще подвергались мужчины, чем женщины, как об этом пойдет речь в дальнейших разделах нашей работы.

Что касается Великого голода 1932 – 1933 гг., то масштабы его точно не установлены в силу крайней скудости статистических данных (в частности, Е.Н. Осколков с сожалением писал, что архи-

вы ЗАГСов содержат минимум сведений о численности, половозрастном и социальном составе умерших от голода на Юге России¹). Как отмечает Н.А. Ивницкий, «нет прямых данных о количестве погибших» от голода, а примерные оценки потерь колеблются от 2 млн до 7 – 8 млн человек.² По неполным данным, в Северо-Кавказском крае в период голода смертность втрое превышала рождаемость: на 416,7 тыс. умерших жителей края пришлось только 138,9 тыс. родившихся. Если исходить из этих данных, то избыточная смертность на Юге России составила 350 тыс. человек.³

Фрагментарность источников не позволяет выносить сколь-нибудь обоснованные суждения о том, в какой мере голод 1932 – 1933 гг. повлиял на усиление гендерных диспропорций в деревне вообще и в колхозах, – в частности. Можно лишь с достаточно большой долей вероятности утверждать, что число умерших мужчин в это время превышало численность погибших женщин. Основанием для такого вывода служат статистические материалы, свидетельствующие, что на Юге России в 1933 г. смертность мужчин в сельской местности была в среднем на 17 % выше смертности женщин.⁴ О том же свидетельствуют и воспоминания крестьян, переживших голод, в которых подчеркивается, что «своей смертью больше умирал мужской пол. Мальчиков больше, чем девочек. Мужчин больше, чем женщин».⁵ Вероятно, в экстремальных условиях включаются биологические механизмы защиты человеческого рода, нацеленные на сохранение женщин как потенциальных матерей; судя по сообщениям современников, такие механизмы начали действовать и во время Великого голода 1932 – 1933 гг.

¹ Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933... С. 72.

² Ивницкий Н.А. Голод 1932 – 1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 361.

³ Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц... // Известия вузов. 1993. № 1 – 2. С. 3; Осокина Е.А. Иерархия потребления... С. 58.

⁴ Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополя... С. 90.

⁵ Стреляный А.И. Без патронов // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 505, 506.

Впрочем, и без голода уровень мужской смертности в деревне превышал женскую. Так, проанализированные В.Б. Жиромской статистические материалы 1930-х гг. со всей убедительностью свидетельствовали: «смертность мужчин в деревне выше, чем в городе, продолжительность жизни меньше женской».¹ Это еще одно доказательство в пользу мнения о том, что во время Великого голода 1932 – 1933 гг. мужчины умирали чаще, по сравнению с женщинами, в связи с чем голодомор может считаться одним из факторов увеличения гендерных диспропорций в деревне.

Такие политико-демографические факторы, как «раскулачивание», репрессии, голод 1932 – 1933 гг. оказали определенное влияние на увеличение разрыва между численностью мужчин и женщин в колхозах Юга России. Но, по нашему мнению, наибольшее значение имели факторы социально-экономического порядка, среди которых на первое место выходил отток мужчин-колхозников из своих коллективных хозяйств вследствие неудовлетворительного материально-продовольственного обеспечения (что заставляло крестьян искать счастья в другом месте). Немаловажным фактором оттока мужчин из деревни являлась и политика индустриализации, когда правительство изыскивало в деревне (и, естественно, за счет мужчин) трудовые ресурсы, необходимые для дальнейшего роста промышленности, развития промышленных центров.

Подчеркнем, что речь идет не о бегстве крестьян из коллективизированной деревни, а именно об оттоке, уходе мужчин-колхозников на постоянную или временную работу в город, в промышленные центры, вообще за пределы родного колхоза. Чаще всего мотивы у таких колхозников были одинаковы – крайне низкая оплата трудней в колхозе, что заставляло их искать более выгодное место работы. В процессе бегства деревню (и колхозы) покидали, как правило, не отдельные члены крестьянской семьи, но

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 104.

вся семья целиком (вспомним здесь приведенные выше данные о том, что перед и во время «раскулачивания» села и станицы Юга России покинули двадцать тысяч «кулацких» хозяйств, сумевших, таким образом, спастись от репрессий и высылки). Поэтому бегство крестьян из деревни не могло оказать существенного влияния на рост гендерных диспропорций на селе. Напротив, отток мужчин-колхозников в города и промышленные центры являлся одной из наиболее весомых причин такого рода диспропорций.

В документах 1930-х гг. отток колхозников в города и на промышленные предприятия, а также другие колхозы или совхозы (с целью устроиться на постоянную или временную работу) именуется отходничеством. Отходничество могло быть организованным (проводившимся по оргнаборам, которые устраивали органы власти) или неорганизованным, стихийным. Советско-партийное руководство приветствовало организованное отходничество, осуществлявшееся в соответствии с намеченными планами. Но некоторое время органы власти терпели и стихийное отходничество, так как растущая советская промышленность остро нуждалась в рабочих руках. Правительственные органы даже запрещали местному руководству и колхозной администрации чинить препятствия колхозникам-отходникам, уходившим в сферу промышленности по оргнаборам, так как подобные действия приходили «в противоречие с интересами растущей промышленности».¹

В отходничестве в основном принимали участие мужчины, так как промышленность нуждалась преимущественно в мужских рабочих руках. Конечно, женщины также могли попасть в число отходников. Например, в июне 1939 г. правление колхоза «Борьба за урожай» Арзгирского района Орджоникидзевского края утвердило список отходников в количестве свыше 20 человек. В их числе было 13 женщин. Четыре из них направились работать уборщица-

¹ Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 21.

ми в школу поселка Петропавловский того же района, еще шестеро устроились в местные детские ясли и детский сад нянями, одна – на поселковый молочный пункт, одна – телефонисткой на почту, одна – счетоводом в соседний колхоз «Новый быт».¹ Однако в массовом порядке отходники требовались именно в промышленности, куда устремлялись преимущественно мужчины. Не случайно к 1937 г. отходниками в колхозах СССР числились 27,2 % мужчин и лишь 8,5 % женщин в возрасте от 16 до 59 лет.²

Как видно из уже приведенных процентных соотношений, численность колхозников-отходников была весьма высокой. Особенно это было характерно для первой половины 1930-х гг., когда отходничество стимулировалось и неудовлетворительными материально-бытовыми условиями в колхозах, и целенаправленной политикой правительства. Как пишет М.Б. Таугер, в первой половине 1930-х гг. рабочие «оставляли фабрики и заводы, крестьяне бежали из деревень, и в результате миллионы мыкались по стране в поисках лучших условий».³ Действительно, в масштабах страны численность отходников измерялась миллионами человек. Р.М. Маннинг отмечает, что, по разным данным, с 1926 г. по 1939 г. включительно советскую деревню покинули 18,5 – 23 млн. граждан, в основном мужчин трудоспособного возраста. Сюда, естественно, входили и бежавшие из колхозов, и поступившие на учебу в фабрично-заводские училища (с последующим трудоустройством на заводе), и ушедшие в армию, и т. д.; но большинство составляли именно отходники. Даже во второй половине 1930-х гг., когда масштабы отходничества заметно снизились в связи с некоторым

¹ ГАСК, ф. р-2870, оп. 1, д. 11, л. 27.

² Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

³ Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 311. Так же первую половину 1930-х гг. характеризует и Ш. Фицпатрик: «то были годы массового перемещения социальных слоев, когда миллионы людей меняли род занятий и место жительства» (Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 8).

улучшением жизненных условий в деревне и сокращением оргнаборов для промышленности (поскольку заводам уже не требовалось так много рабочих рук, как в начале 1930-х гг.), численность отходников все равно составляла 5,5 млн человек.¹

Масштабы отходничества были велики и на Юге России. Так, за период с 1 января 1932 г. по 1 января 1933 г. колхозы 61 русского района Северо-Кавказского края потеряли около 183,5 тыс. своих членов (11,2 % трудоспособных колхозников), причем в основном эти потери были вызваны именно отходничеством.² Центральным и краевым руководством эти потери не были признаны чрезмерными, так как уже в начале 1933 г. годовой план вербовки колхозников для работы в промышленности по колхозам Северо-Кавказского края был установлен в 242,2 тыс. человек.³ В том же 1933 г., по сводным годовым отчетам 12 колхозов Кропоткинского и Вешенского районов Северо-Кавказского края, 19,2 % колхозников находились в отходе.⁴

Следует учесть, что это данные об организованном отходе, но ведь был еще и неорганизованный. Размеры же неорганизованного отходничества были намного значительнее организованного. Только в 1931 г. на Северном Кавказе самовольно ушло в отход в 2 – 4 раза больше крестьян, чем было направлено в промышленность по оргнаборам.⁵ Отход колхозников Юга России на постоянную или временную работу в другие колхозы, совхозы, промышленные предприятия имел место и в конце 1930-х гг.⁶ (об

¹ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 3184, л. 119, 120.

³ Там же, л. 115.

⁴ Подсчитано по: ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 3632, л. 1, 6, 13, 16, 20, 21, 25, 29, 33, 38, 42, 46.

⁵ Галиченко А. Роль управления в планировании колхозного производства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 5. С. 35.

⁶ Спирко С.Н. Покрывают летунов // Звезда. Орган райкома и райисполкома Арзгирского района Орджоникидзевского края. 1941. 22 мая; Из выступления секретаря Абинского

этом может свидетельствовать уже приведенный нами частный пример из практики колхоза «Борьба за урожай» Арзгирского района Орджоникидзевского края), хотя его масштабы заметно снизились по сравнению с началом десятилетия.

О том, насколько существенно отходничество влияло на усиление гендерного дисбаланса в колхозах, свидетельствует следующий, весьма характерный, пример. В колхозе «Завет Ленина» Воронцово-Александровского района Северо-Кавказского края в период с 1932 г. по 1935 г. включительно, в результате притока единоличников, общее число дворов выросло с 192 до 246, то есть на 54 двора. Стабильно росла и численность женщин-колхозниц – со 143 до 172 человек (то есть прирост составил 29 женщин). Зато численность мужчин в колхозе за тот же период так же стабильно сокращалась: с 260 до 205 человек (то есть уменьшение составило 55 мужчин, что более чем в два раза превышало приток в колхозы женщин). При этом Н.С. Ролик, ставропольский исследователь, проводивший в 1930-х г. анализ функционирования данного колхоза, с уверенностью утверждал, что снижение численности мужчин «произошло за счет той части колхозников, которая ушла на отхожие промыслы и на работу в ближайшие совхозы».¹ Такие же явления наблюдались и во многих других колхозах Юга России.

Учитывая, что в отходничестве принимали участие преимущественно мужчины, оно становилось ведущим фактором гендерных диспропорций в среде колхозного крестьянства. В совокупности же с политическими репрессиями, голодом 1932 – 1933 гг., «раскулачиванием», отходничество вело к заметному сокращению численности мужчин-колхозников и к возрастанию удельного веса женщин в массе членов коллективных хозяйств. Как утверждает Р.Т. Ман-

райкома ВКП(б) П.И. Каменева на 4 пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б). 30 мая – 1 июня 1939 г. // Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 827.

¹ Ролик Н.С. Использование живой тяги в сельском хозяйстве Северного Кавказа. Пятигорск, 1936. С. 9.

нинг, «даже в 1935 г., когда участие женщин в колхозах было не столь значительным, они составляли большинство в колхозных сельскохозяйственных бригадах во всех основных отраслях экономики, кроме овцеводства»; к исходу же 1930-х гг. удельный вес женщин в сельских трудовых ресурсах достиг 59,5 %.¹ В частности, в 1938 г. в колхозах Советского Союза мужчины составляли 42 % работников, а женщины – 45,6 %.² Такая же ситуация складывалась и на Юге России. Так, к 1940 г. в колхозах Орджоникидзевского края насчитывалось 214,8 тыс. мужчин и 234,7 тыс. женщин, Краснодарского края – соответственно 319,5 376,7 тыс.³ Как видим, гендерный баланс колхозного крестьянства Юга России не был установлен и к исходу 1930-х гг.

Итак, одним из негативных результатов коллективизации на Юге России являлось дальнейшее увеличение разрыва в численности сельских мужчин и женщин, возникшее еще в ходе Первой мировой и Гражданской войн. «Раскулачивание», политические репрессии, массовые смерти от голода 1932 – 1933 гг., уход колхозников из своих коллективных хозяйств на постоянную или временную работу в промышленность, различные учреждения, совхозы и другие колхозы, – все эти явления привели к заметному уменьшению количества колхозников и численному доминированию колхозниц. Хотя к исходу 1930-х гг., вследствие ослабления репрессий в деревне и организационно-хозяйственное укрепление коллективных хозяйств, гендерные диспропорции были несколько ослаблены, окончательно их устранить не удалось.

¹ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91, 92.

² Показательно, что советские исследователи, оперировавшие этими цифрами, положительно оценивали возникший в коллективных хозяйствах дисбаланс: «чрезвычайно важным является тот факт, что около половины всех выработанных в колхозном производстве трудодней – приходится на долю колхозниц, которых колхозный строй сделал действительно равноправными и равными с мужчинами» (Арина А. Колхозы в 1938 году (По материалам годовых отчетов колхозов) // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 12. С. 60).

³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 412, л. 11, 16; д. 415, л. 28.

1.2. Социально-профессиональная дифференциация женщин-колхозниц

Женщины-колхозницы, составлявшие большинство членов коллективных хозяйств на всем протяжении 1930-х гг., не представляли собой однородной массы, но подразделялись на профессиональные группы. Поскольку же выполнение тех или иных профессиональных обязанностей, пребывание в той или иной должности соответствующим образом отражалось на социальном статусе женщины, можно говорить о возникновении и существовании в советских колхозах 1930-х гг. (в том числе и на Юге России) социально-профессиональной дифференциации колхозниц.

М.Н. Глумная, проанализировав комплекс источников по истории колхозной системы Европейского Севера России 1930-х гг., полагает возможным говорить о наличии четырех групп в составе колхозного крестьянства, которые отличались друг от друга особенностями своего социально-экономического и социально-профессионального статуса. Это такие группы, как:

1) «Управленцы», то есть представители административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств (председатели и члены правлений, бригадиры, звеньевые, и т. п.);

2) «Специалисты», то есть «люди, получившие специальную подготовку для работы в какой-либо производственной сфере коллективного хозяйства» (бухгалтеры, агрономы, механизаторы, и т. д.; добавим только, что в колхозах 1930-х гг. грань между отдельными группами специалистов и управленцами не была выражена достаточно четко, так как первые нередко включались в состав последних: скажем, те же бухгалтеры и счетоводы входили в состав колхозной администрации);

3) «Передовики производства» (иначе – «ударники» или «стахановцы»), то есть колхозники, систематически перевыполнявшие производственные задания;

4) «Рядовые колхозники», составлявшие подавляющее большинство населения колхозов и служившие резервом для трех вышеперечисленных групп. Но сами по себе рядовые колхозники отличались отсутствием специальных знаний и умений и использовались как рабочая сила для выполнения многообразных работ в колхозах, требующих физических усилий, терпения и выносливости.¹

На наш взгляд, классификация колхозников, разработанная М.Н. Глумной, выгодно отличается от классификаций предшествующего, советского периода, именно тем, что в ней обращается внимание как раз на социальные аспекты внутригруппового деления колхозного крестьянства. В советской научной литературе дифференциация колхозников, как правило, осуществлялась на основании профессионально-производственных критериев. Так, согласно классификации У.И. Петижева, в составе колхозного крестьянства Северного Кавказа выделялись управленцы, механизаторы, рядовые колхозники разных специальностей, рядовые колхозники, занятые ручным трудом и не имевшие специальной подготовки.² Как видим, в данном случае автор учитывал только профессиональные различия. Но, повторимся, профессиональная принадлежность определяла и социальный статус колхозника, его место в юридически оформленной (а также неписаной) колхозной иерархии, уровень его материального благосостояния, и пр. В связи с этим мы солидаризуемся с подходом М.Н. Глумной к классификации колхозников, в том числе колхозниц Юга России 1930-х гг.

Классификация социально-профессиональных групп в составе колхозного крестьянства, разработанная М.Н. Глумной на материа-

¹ Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хирочи Окуда. Токио, 2005. С. 268.

² Петижев У.И. Социальная структура колхозного крестьянства Северного Кавказа в 1930-х годах // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа / Отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д., 1984. С. 52 – 53.

лах колхозов европейского Севера России, полностью подтверждается и региональными южнороссийскими источниками. Многообразные документы, отражающие функционирование колхозов и жизнедеятельность колхозников (в том числе и колхозниц) Дона, Кубани и Ставрополья на протяжении 1930-х гг., убедительно свидетельствуют, что в составе колхозного крестьянства наиболее четко выделялись вышеперечисленные группы.

Большинство колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья относились к рядовому составу коллективных хозяйств и были заняты физическим трудом (нередко неквалифицированным) в различных отраслях колхозного производства. В целом по СССР во второй половине 1930-х гг. женщины составляли 65,5 % среди работников колхозов и совхозов, не имевших специальности.¹ В 1940 г. в советских колхозах насчитывалось 31,3 млн женщин и, по подсчетам Р.Т. Маннинг, по крайней мере две трети из них были заняты ручным неквалифицированным трудом.²

Чаще всего женщины работали в колхозных производственных бригадах наравне и вперемешку с мужчинами. Однако уже в начале 1930-х гг. практиковалась и организация чисто женских бригад, на том основании, что колхозницы в этом случае демонстрировали более высокую трудовую активность. Так, в середине 1931 г. в постановлении Третьего пленума Северо-Кавказской КК-РКИ об организации труда в совхозах и колхозах края говорилось, что необходимо как можно шире внедрять в аграрное производство такую эффективную и полезную форму организации труда, как комсомольско-молодежные и женские бригады.³ Когда во второй половине 1930-х гг. на Юге России широко распространилась такая организационная форма, как звенья, то мно-

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 170.

² Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 92.

³ ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 532, л. 3об.

гие из них стали женскими (особенно в огородничестве, табаководстве, хлопководстве и т. п.).

Необходимо отметить, что и в данном случае среди женщин-колхозниц наблюдалась определенная специализация. В зависимости от того, в какой именно отрасли общественного производства колхозница работала, она могла относиться к свиноводкам, дояркам, огородницам, и т. д. Более того, в рамках различных отраслей также присутствовала специализация женского труда: например, колхозницы, занятые в полеводстве или огородничестве, делились на вязальщиц, польщиц, поливальщиц, и пр. (подробнее речь об этом пойдет в дальнейших разделах нашей работы).

Таким образом, рядовые колхозницы, оставаясь в границах этой низшей категории колхозного социума, все-таки приобретали определенные специальные знания и навыки. Любая колхозница, прежде чем начать работать в каких-либо отраслях колхозного производства (или выполнять те или иные производственные операции), должна была приобрести определенные навыки и усвоить необходимый минимум полезной информации. Например, женщина, которую направляли работать в табаководстве, должна была научиться правильно обрабатывать молодые всходы табака, знать правила полива, и т. д.; такие же знания должна была приобрести колхозница, работавшая в хлопководческой бригаде; вязальщице необходимо было научиться вязать снопы, и пр.

За укрепление такого рода специализации ратовали представители власти и сами колхозники, видя в этом средство повышения урожаев и, следовательно, увеличения оплаты трудодней. Так, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов в начале 1937 г., отвечая на письмо женщин-звеньевых станицы Пшехской (Белореченский район Азово-Черноморского края) поддержал их деятельность по укреплению производственных звеньев, причем рекомендовал «еще раз обсу-

дить и прикинуть, не лучше ли организовать специализированные постоянные колхозные звенья по каждой пропашной культуре, например, звенья по табаку, кукурузе, подсолнуху и т. д., вместо организации смешанных звеньев с несколькими пропашными культурами, как намечаете вы».¹ Тем самым секретарь крайкома предлагал довести звено как специализированную форму организации труда до логического завершения. Состоявшийся месяц спустя Азово-Черноморский краевой съезд стахановцев сельского хозяйства (Ростов-на-Дону, 13 – 17 февраля 1937 г.) полностью согласился с краевым партийным руководителем и постановил «смелее переходить к организации специализированных звеньев».²

Однако на практике такого рода специализация зачастую не являлась устойчивой, так как работники перебрасывались колхозным правлением из одной отрасли производства в другие. «Знатная звеньевая» колхоза им. Яковлева Удобненского района Азово-Черноморского края А. Папенко, покинувшая свой колхоз на время первомайских торжеств 1937 г. в Ростове-на-Дону, по возвращении жаловалась Е.Г. Евдокимову: «Вернулась я из Ростова в свой родной колхоз и, не заходя домой, побежала прямо в поле. Пришла на свой участок – и чуть не заплакала: конопля моя буйно заросла сорняком, стебельки захирели, опустились... Пожурила я своих подруг – членов звена – как это, мол, вы допустили такое безобразие. Но только выяснилось, что они здесь не при чем. Виновниками оказались председатель нашего колхоза Довыборов и бригадир Мищенко. Пока я ездила в Ростов, они то и дело срывали мое звено и звено Веры Павловой, с которой я соревнуюсь, на другие работы. А сорняк в это время не дремал...».³ В 1940 г., по свидетельствам прессы, те же проблемы стояли перед

¹ Ответ Евдокимова звеньевым колхоза «Первое Мая» станицы Пшехской, Белореченского района // Колхозница. 1937. № 2. С. 20.

² Петров Н. К сталинским урожаям // Колхозница. 1937. № 3. С. 3

³ Письмо знатной звеньевой Анастасии Папенко секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимову // Колхозница. 1937. № 7. С. 10.

звеньевой Таисой Скомороховой из колхоза «Чонгарец» Невинномысского района Орджоникидзевского края: «стоит ей укомплектовать свое звено надежными людьми, как он (председатель колхоза – *авт.*) сейчас же дает предписание перебросить их на другой участок работы. И снова остается Таиса Скоморохова, как говорят, «у разбитого корыта».¹ Подобные примеры в источниках встречаются достаточно часто, чтобы утверждать, что налаживание и укрепление производственной специализации рядовых колхозниц сталкивалось с весьма серьезными препятствиями.

Кроме того, что специализация не являлась устойчивой, она, как правило, не влекла за собой существенной смены социального статуса для колхозниц: они все равно оставались в числе рядовых работниц колхоза. Более того, нередко специализация почти не меняла даже размеров оплаты труда колхозниц (несмотря на то, что теоретически специализированное звено или бригада могли собрать более высокий урожай и получить за это премию в размере определенного процента от собранной продукции). Производственная специализация рядовых колхозниц практически не способствовала размыванию их группы в составе колхозного крестьянства, так же, как и выходу их за пределы данной группы.

В колхозной иерархии рядовые колхозницы занимали самые низкие позиции: социальный статус их был невысок, так же, как и профессиональный. Разумеется, из этого правила, как и из многих других, были исключения. О том, как рядовая колхозница могла повысить свой социальный статус, не меняя статуса профессионального, мы будем говорить в дальнейших разделах нашей работы, в которых предметом анализа будут выступать колхозное (общественное) производство и домашнее хозяйство колхозников. Пока же ограничимся несколькими примерами. Так, рядовая колхозница, всячески развивавшая личное подсобное хо-

¹ Чумак И. Звеньевая Таиса Скоморохова // Орджоникидзевская правда. 1940. 1 февраля.

зяйство и нанимавшая для работы в нем односельчанок, имела, как правило, определенное влияние в своем селе или станице. Ее могли не любить, но многие односельчанки с ней считались, как с женщиной, имевшей определенный материальный достаток и способной предоставить работу (разумеется, с ней считались такие же рядовые колхозницы, как она; но для колхозного руководства и передовиков производства она была недобросовестной колхозницей, «лодырем»). Или, что более характерно, рядовые колхозницы, бывшие замужем за представителями колхозной администрации, пользовались определенными неформальными привилегиями и уж, конечно, считали свой статус гораздо более высоким, чем у остальных простых женщин – членов колхоза.

Более высокое положение в колхозной иерархии (и в том числе среди женщин-колхозниц) занимали передовики производства, которые в советских документах 1930-х гг. именуются «ударницы» и «стахановки» (или, если речь шла о мужчинах, – «ударники» и «стахановцы»). Анализ документов позволяет утверждать, что существенных различий между этими двумя категориями колхозниц не существовало. Собственно, разница между ударницами и стахановками выражалась в том, что вторые превосходили первых своим трудовым энтузиазмом и, в еще больших размерах, перевыполняли нормы выработки на производстве (выражаясь современным нам языком, можно сказать, что стахановка – это как бы «суперударница»).

В частности, летом 1934 г. в молодежной бригаде колхоза им. Магницкого Азово-Черноморского края ударником считали того юношу или девушку, которые перевыполняли нормы выработки на 20 %.¹ Стахановцем же (стахановкой) считали того колхозника или механизатора, кто перевыполнял норму в разы или получал с обрабатываемого им поля урожай, значительно пре-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 105, л. 40.

вышавший средние размеры сельхозпродукции, собранной на сопоставимых участках колхозных полей другими колхозниками. Например, звеньевая Мария Басанская из колхоза «Соцземледелие» Штейнгартовского района Азово-Черноморского края в 1936 г. собрала со своего полевого участка урожай кукурузы в размере 115 центнеров с га, в то время как соседние звенья смогли получить лишь 30 центнеров с га.¹ В колхозе им. Политбюро Лабинского района Азово-Черноморского края в 1937 г. колхозница Нина Билиминка считалась стахановкой, так как перевыполняла норму по прополке озимых посевов в два раза.²

Появление ударниц и стахановок (как и их коллег-мужчин) в колхозной деревне – вовсе не случайное явление. Ведь колхозная система зиждилась на таких принципах, как административное воздействие и внеэкономическое принуждение. Законы экономики в колхозах, по существу, игнорировались, поскольку эти хозяйства создавались для удовлетворения нужд государства и вынуждены были практически даром отдавать на государственные нужды значительную часть произведенной продукции. Колхозникам при этом оставался минимум средств, так как оплата их труда производилась по остаточному принципу (а после разорительных хлебозаготовок у колхозов, как правило, оставалось не так уж много продукции для распределения среди своих членов).

Не получая достойного вознаграждения за труд, колхозники демонстрировали низкую трудовую активность. Поскольку же экономические меры трудового стимулирования в условиях колхозной системы были зачастую неэффективны (так как средств для повышенных выплат опять-таки не хватало), а методы административно-репрессивного воздействия нельзя было применять бесконечно, то правительство СССР и идеологи ВКП(б) отыскивали иные методы: ударничество и социалистическое соревнование. Эти методы бази-

¹ Петров Н. К сталинским урожаям // Колхозница. 1937. № 3. С. 3.

² Юдина А. Стахановка Нина Билиминка // Колхозница. 1937. № 5. С. 11.

ровались преимущественно на моральных стимулах, таких, как трудовой энтузиазм, стремление приблизить «светлое будущее», соответствовать идеалу «честного колхозника», и пр.

То есть ударники (ударницы) и стахановцы (стахановки) необходимы были сталинскому режиму для того, чтобы развивать сельское хозяйство даже при отсутствии достойного вознаграждения за труд, и подавать в этом пример другим колхозникам (передовики производства выполняли, иногда сами того не желая, и еще одну вполне практическую задачу, но о ней мы скажем чуть далее).¹ Конечно, большинство передовиков производства искренне верили в «светлое будущее» и идеалы социализма; их никто не заставлял самоотверженно трудиться, они делали это в силу внутренних побуждений. Но, по существу, трудовая активность ударников и стахановцев (вызванная лучшими их морально-психологическими качествами) не столько способствовала развитию колхозной системы, сколько укрепляла ее негативные характеристики: безразличие к нуждам конкретных людей, неравное распределение произведенной продукции между государством и самими сельскими тружениками, и пр.

Надо, впрочем, подчеркнуть, что стахановское движение не во все основывалось на моральных стимулах, но также предусматривало и материальное стимулирование труда. За перевыполнение производственных планов, за ударный труд колхозницы получали определенного рода поощрения. Так, в начале 1934 г. в колхозе им. Ковтюха Анапского района Азово-Черноморского края насчитывалось 37 ударников, из них 23 женщины. Все они за отличную работу получили премии в размере 15 – 25 руб. на человека.² В том

¹ Как выразился А.В. Гордон, «благодаря коллективизации [сталинский] режим получил того самого «ударника», который был готов, живя в бараке, работать от зари до зари за пайку хлеба, который и вынес на своем хребте сверхиндустриализацию» (Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления А.В. Гордона // Отечественная история. 1995. № 3. С. 122).

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 9.

же 1934 г. в колхозах Коноковской МТС Азово-Черноморского края насчитывалось 773 ударницы (при том, что общая численность колхозниц не превышала 2 170 человек). За производственные достижения 169 женщины были премированы телками, а 499 – курицами, поросятами и кроликами.¹

Как свидетельствуют эти частные примеры, ударницы составляли довольно значительный процент среди колхозниц. Отчасти это, конечно, объяснялось верой в «светлое будущее» (которое ударницы надеялись приблизить упорным трудом), отчасти – материальными поощрениями, а также – неистребимым крестьянским желанием и умением трудиться с полной отдачей. Сложно судить, какой из указанных мотивов преобладал в сознании ударниц, но значение ни одного из них преуменьшать не приходится. Очевидно, однако, что в первой половине 1930-х гг., когда колхозники получали на выработанные трудодни минимум продуктов (и полуголодное существование для многих сельских жителей превратилось в норму жизни), многие женщины стремились занять свое место в рядах ударников не столько в надежде на премии и поощрения, сколько из-за усиленного питания.

Теоретически ударники имели право на более высокую норму потребления при обеспечении их колхозников общественным питанием: такие повышенные нормы снабжения именовались в документах 1930-х гг. «котлом ударника». Так, летом 1933 г. в колхозе «Красный Камышанник»² Прикумского района Северо-Кавказского края на общественное питание колхозникам выдавалось 0,8 кг зерна, а ударникам – 1 кг.³ Впрочем, уже этот пример доказывает, что «котлы ударника» зачастую были весьма небогаты. Более того, во многих колхозах руководство вообще отказывалось

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 116, л. 100.

² Камышанники, камышане – так называли себя «красные партизаны» Ставрополя, которые в период Гражданской войны, сражаясь с белыми отрядами, устраивали свои базы в заросших камышами поймах рек.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 5.

такие котлы создавать из-за крайнего дефицита продуктов (закономерного результата завышенных хлебозаготовок). В частности, летом 1933 г. местные работники Ессентукского района Северо-Кавказского края с раздражением говорили о «котлах ударника»: «Все это написано только на бумаге. Нам здесь виднее, что останется, то и будем давать колхозникам».¹ Весной 1935 г. ударница Черкасова из колхоза «Маяк культуры» Родионово-Несветаевского района Азово-Черноморского края возмущалась: «заработала 300 трудодней в прошлом году, сейчас столько же, а сколько получила – моей семье только на месяц хватило, как же жить?».²

Хотя передовики производства и получали за свой труд более солидное вознаграждение, размеры его все же не были столь значительны, чтобы увлечь остальных колхозников. Недостаточно высокое материальное вознаграждение за повышенную трудовую активность являлось мощным сдерживающим фактором для повсеместного и широкомасштабного развития ударничества.³ Хотя, как мы уже отмечали, женщин-ударниц насчитывалось достаточно много (если воспользоваться вышеприведенным примером, то свыше 35 %), действительно массовым стахановское движение в сельском хозяйстве не стало.

Кроме того, многие жители села, как женщины, так и мужчины, не стремились перевыполнять производственные задания, дабы не выделяться из массы колхозников, «быть, как все». В противном случае они могли стать объектом негативной реакции односельчан, причем реакция эта нередко выражалась в весьма агрессивной форме. Самая мягкая негативная реакция колхозников по отношению к ударникам и ударницам выражалась в насмеш-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 34.

² Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы Междунар. конф. – М., 1996. С. 344.

³ М.Н. Глумная в этой связи тонко подметила, что «серьезной преградой к переходу в разряд передовиков была сама потогонная система ударничества и стахановизма» (Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. С. 273).

ках и общественном отчуждении. Показательный пример приведен в одном из мартовских выпусков газеты «Северо-Кавказский большевик» за 1936 г. Доярка молочно-товарной фермы колхоза «Красный май» села Ладовская балка Евдокимовского района Северо-Кавказского края Дарья Шевченко за свои производственные достижения стала участницей Всесоюзного совещания передовиков животноводства (состоявшегося в феврале 1936 г. в Москве) и там была награждена орденом «Знак почета». Но когда она вернулась в родной колхоз, то «попала в явно враждебную обстановку». С ней не желали общаться, третировали, поговаривали, что она «находится в близких отношениях с каким-то районным работником, который и послал ее на совещание».¹

Любой человек, оказавшись в таком недоброжелательном окружении, будет чувствовать себя весьма некомфортно. А ведь нередко конфликт между ударниками и массой колхозников перерастал в более острые формы. Так, в колхозе «Красное знамя» Солдатско-Александровского района Орджоникидзевского края стахановке-звеньевой Шуре Ясько «обнаглевшие симулянты» сказали прямо: «Если будешь перевыполнять норму – изживем из колхоза».² Нередко угрозы перерастали в акты насилия. Например, в 1938 г. в колхозе им. 17 партсъезда Родионово-Несветаевского района Ростовской области был случай издевательств над стахановкой-животноводом В.А. Белой, причем в травле и издевательствах (носивших физиологический и сексуальный характер) приняли участие некоторые бригады.³ Более того, в источниках содержатся упоминания о нападениях односельчан на ударников, об их избиениях и даже убийствах.⁴ Так, в

¹ Рубежный Д. Так и не нашла защиты Дарья Шевченко // Северо-Кавказский большевик. 1936. 20 марта.

² Воловод Ф. Оградить от травли стахановку // Орджоникидзевская правда. 1937. 14 декабря.

³ ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 41, л. 143; д. 61, л. 4об.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 76.

апреле 1934 г. на Дону широко освещалось в печати судебное дело об избиении Марии Сафоновой, которая была бригадиром ударной бригады колхоза «Путь Ленина» Тацинского района Азово-Черноморского края. С точки зрения следствия (и журналистов, которые освещали в печати этот процесс), успехи бригады Сафоновой вызвали зависть односельчан. Как и в случае с Дарьей Шевченко, о Сафоновой поговаривали, что весь «секрет» ее популярности – в близких отношениях с каким-то представителем районного руководства. Но только сплетнями и злословием дело не ограничилось: Сафонова была избита двумя членами колхоза, когда пыталась воспрепятствовать им забрать сено, заготовленное ее бригадой для бригадных же лошадей. По факту избиения было возбуждено уголовное дело, и виновные получили по 5 лет лишения свободы каждый. Причем на скамью подсудимых попали даже председатель колхоза и бригадир той бригады, в которой работали осужденные колхозники.¹

Наиболее очевидная причина неприязни рядовых колхозников к передовикам производства заключается в том, что производственные достижения последних использовались властью для увеличения норм выработки в колхозах. По справедливому замечанию Б.М. Сарнова, рекорды ударников и стахановцев «были не чем иным, как мощным *средством эксплуатации* (курсив Б.М. Сарнова – *авт.*) обычных, рядовых токарей, шахтеров, ткачей, свинок и доярок. Именно в этом и состояла основная социальная функция всех этих «знатных людей» в системе советского общественного устройства».² Действительно, при увеличении норм выработки в колхозах власти часто указывали на достижения ударников (стахановцев). В частности, в апреле 1931 г. Северо-Кавказская Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) «постанов-

¹ Чилим М. Руки прочь от ведущей бригады!! На процессе по делу преследователей Марии Сафоновой // Молот. 1934. 21 апреля.

² Сарнов Б.М. Наш советский новояз. М., 2002. С. 159.

лением своим отвергла нормы, разработанные Крайколхозсоюзом, как не соответствующие действительным возможностям колхозов, как неправильно ориентирующих колхозные организации и предложила крайколхозсоюзу на основе показателей лучших ударных бригад и ударников выработать новые нормы выработки».¹ Вполне естественно, что в коллективизированной деревне, где колхозники нередко не получали достойной (а часто и вообще никакой) оплаты за свой труд, рекорды стахановцев и влекомые ими повышения норм выработки воспринимались крайне негативно. Отсюда и неприязненное отношение массы колхозников к самим передовикам производства.

В то же время, несмотря на недостаточно высокую оплату труда и неприязнь односельчан, «ударничество и стахановизм» давали шанс сельским женщинам повысить свой социальный статус, иной раз весьма и весьма значительно. Из массы рядовых колхозниц ударница (особенно стахановка) могла подняться до уровня членов высших органов государственной власти, обрести широкую известность не только в СССР, но даже за его пределами. В частности, кубанская трактористка Паша Ковардак, о которой мы еще не раз будем говорить на страницах нашей работы, благодаря своим производственным достижениям стала членом Верховного Совета СССР.² В реальности, конечно, члены Верховного Совета СССР, лишь формально считавшегося высшим органом управления страной, власти не имели; зато уже сам факт вхождения в состав этого декоративного органа значительно повышал социальный статус (да и уровень материального благосостояния) вчерашних простых колхозниц.

Кроме того, ударники (ударницы) и стахановцы (стахановки) являлись неким промежуточным звеном между рядовыми колхозниками и колхозными управленцами, поскольку они входили

¹ ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 532, л.8об.

² Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.

в состав так называемого «актива», из представителей которого рекрутировались кадры административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств.¹ Разумеется, перевоплощение ударниц (стахановок) из вчерашних рядовых колхозниц в представителей колхозной администрации, означало и заметное повышение их социального статуса в коллективных хозяйствах.

Ступенькой выше рядовых колхозников (а нередко выше ударников) в колхозной иерархии располагались специалисты. Однако здесь необходимо внести несколько корректирующих замечаний. Дело в том, что специалисты, работавшие непосредственно на производстве (такие, как механизаторы), хотя и составляли особую группу среди колхозников, но радикально от них не отличались. Их материальный достаток и социальный статус были в целом выше, чем у рядовых колхозников, но зачастую разрыв был не столь уж и значителен: и те, и другие в равной мере являлись объектом начальственной деятельности, а также злоупотреблений колхозных управленцев. Зато те колхозные специалисты, которые входили в состав администрации (или были близки к ней), занимали в коллективных хозяйствах положение, не сравнимое с положением ни рядовых колхозников (колхозниц), ни специалистов-производственников.

Сказанное, в частности, относится к бухгалтерам и счетоводам. Эти люди занимали солидное положение в колхозном административно-управленческом аппарате, поскольку от них напрямую зависела не только отчетность, но и финансовое благополучие коллективного хозяйства. В тех колхозах, где были толковые, знающие

¹ Не случайно в постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» (4 февраля 1932 г.) шла речь о создании колхозного актива «из ударников-колхозников, участников социалистического соревнования» (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 343). В январе 1933 г. В. Филов, один из представителей краевого руководства Северо-Кавказского края, со знанием дела указывал, что кадры руководителей коллективных хозяйств следует черпать из колхозного актива, в составе которого он назвал, помимо прочих, также ударников и ударниц (Филов В. О работе с беспартийным колхозным и совхозным активом. Доклад на объединенном пленуме С.[еверо]-К.[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 29-го января 1933 года. Ростов н/Д., 1933. С. 33, 36).

свое дело бухгалтеры, содержавшие документацию в полном порядке, колхозные управленцы имели четкое представление о состоянии и задачах вверенных им колхозов (к тому же управленцы могли, опираясь на знания и опыт бухгалтеров, значительно облегчить положение своих колхозов путем обмана вышестоящих властей: например, можно было составить фиктивные отчеты о гибели части урожая, чтобы хоть ненамного снизить заготовки, и т. п.). Напротив, корыстные бухгалтеры, пользуясь своими знаниями, могли исказить отчетность с целью личной наживы: в частности, преуменьшить размеры финансовых поступлений (или полученного урожая), чтобы затем присвоить недоучтенное. Так, в начале 1936 г. в Азово-Черноморском крае были обследованы 40 колхозов из 12 различных районов, и оказалось, что в среднем на каждое хозяйство приходится 3,5 тыс. руб. растрат; при этом работники обследовательских комиссий подчеркивали, что большинство растрат было проведено колхозными счетными работниками.¹

В составе специалистов, относившихся к колхозной администрации, были и женщины. Причем нередко они работали ничуть не хуже мужчин и даже удостоивались правительственных наград. Так, бухгалтер колхоза «Политотделец» Куйбышевского района Ростовской области М.Е. Матюхина за отличную работу была награждена Малой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г.; награда была вручена ей в марте 1940 г. Наряду с Матюхиной, такую же медаль получила «учетчица-доярка» колхоза «Заря революции» Глубокинского района Ростовской области М.Г. Косякова.²

Показательно, однако, что женщин среди колхозных бухгалтеров было относительно немного: в частности, в 1939 г. на Всесоюзных заочных курсах из 2 300 курсантов, обучавшихся премудро-

¹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 46.

² Высокая награда // Учет и финансы в колхозах. 1940. № 4. С. 4; Хайтович Л. Мария Евдокимовна Матюхина // Учет и финансы в колхозах. 1940. № 5. С. 9.

стям колхозной бухгалтерии, насчитывалось всего лишь 275 колхозниц.¹ Пример этот не только не единичен, но весьма характерен. В 1930-х гг. женщины не составляли большинства не только среди специалистов, но и среди колхозных управленцев вообще.

Социальный статус сельских женщин, попавших в ряды колхозных администраторов, был, конечно, несоизмерим со статусом рядовых колхозниц: достаточно только сказать, что первые руководили вторыми. Однако в колхозном административно-управленческом аппарате женщины не составляли большинства, а в границах отдельных категорий управленцев их удельный вес вообще недалеко ушел от нулевой отметки.

В данном случае, переходя к освещению положения и социального статуса женщин-управленцев, надо сказать, что по итогам коллективизации в колхозах Юга России (как и всей страны) сложилась любопытная ситуация. Анализ этой ситуации позволяет говорить о наличии двойных стандартов в отношении колхозниц. В колхозном производстве, на полях, фермах, огородах господствовал явный феминизм: женщина вовлекалась буквально во все отрасли колхозной экономики, даже те, которые считались типично «мужскими» (подробнее об этом мы будем говорить в следующей главе). Напротив, в сфере управления коллективными хозяйствами в 1930-х гг. (да и позже) наличествовало ярко выраженное гендерное неравенство, некий «колхозный патриархат».

Как нам представляется, сложившаяся в колхозах ситуация была прежде всего обусловлена устойчивыми патриархальными традициями крестьянства и в целом российского (советского) общества, которые складывались на протяжении столетий функционирования общественного организма и поэтому отличались чрезвычайной прочностью. В силу своей прочности, укорененности в общественном сознании эти традиции не могли быть не только преодо-

¹ Дзиов Х. Колхозницы – на счетную работу // Учет и финансы в колхозах. 1940. № 4. С. 23.

лены, но даже поколеблены к началу сплошной коллективизации, когда советской власти исполнилось немногим более десяти лет.

В силу приверженности патриархальным традициям колхозники Юга России не считали возможным, чтобы в руководстве более-менее значительный процент составляли женщины. Колхозники попросту не желали, чтобы ими командовали женщины. На сей счет заведующий сельскохозяйственным отделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) В.Ф. Дятлов рассказывал участникам пленума крайкома в марте 1934 г.: «я видел, что мужчины не хотят, чтобы ими командовали женщины. Например, ударница стоит возле свинофермы и требует от мужчины, чтобы он вытер ноги о тряпку. – Да что ты, баба, командовать мною будешь?». ¹ Это весьма показательный пример. Разумеется, были исключения из этого правила: так, в то же время в колхозе им. Сталина Прикумского района Северо-Кавказского края бригадиром работала женщина, под началом которой трудились 74 мужчины и только 16 женщин, но, несмотря на это, ее бригада добивалась отличных производственных показателей. ² Но, несмотря на все подобные исключения, правило оставалось правилом: сложившиеся традиции мощно противодействовали вовлечению женщин в сферу руководства коллективными хозяйствами. ³ Удельный вес женщин в составе колхозного руководства был невысок.

Судя по документам Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), колхозный аппарат к середине 1930-х гг. подразделялся на несколько категорий: председатель; члены правления; кла-

¹ ГАИИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 142.

² ГАИИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 11.

³ Добавим, что массовому вовлечению женщин в состав колхозного руководства препятствовала и общая социально-психологическая обстановка того сурового времени, когда «мягкость считалась признаком слабости» (Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 32). Поскольку же мягкость расценивается (и справедливо) как одна из характернейших черт женской психологии, то крестьянки не могли рассчитывать на получение руководящих постов в колхозной иерархии: ведь от лиц, занимавших эти посты, требовались прямо противоположные качества – жесткость и даже жестокость.

довщики, амбарщики; председатели и члены ревизионных комиссий; работники учетно-счетного аппарата (бухгалтеры, счетоводы, кассиры, секретари, учетчики); бригадиры; заведующие животноводческих ферм.¹ Женщины не составляли ни большинства, ни сколь-нибудь заметной величины ни в одной из перечисленных групп колхозных управленцев, причем такое положение сохранялось и в 1920-х гг., и в 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. представители органов власти на Юге России констатировали факт крайне слабой вовлеченности женщин в состав руководящих колхозных органов. По имеющимся данным, в 1928 г. в 8 475 колхозах Северо-Кавказского края в составе колхозных правлений насчитывалось лишь 4 (!) женщины, в составе ревкомиссий – только 8!² На 1 сентября 1929 г. в органах управления колхозов Юга России женщины составляли лишь 3,2 %.³ Очень мало было женщин в составе колхозных правлений и ревизионных комиссий. Так, в том же 1929 г., по отчетам 312 ставропольских колхозов, из 761 члена колхозных правлений лишь 10 были женщинами (1,3 %); среди 840 членов колхозных ревизионных комиссий насчитывалась только 21 женщина (2,5 %).⁴

Сплошная коллективизация практически не изменила сложившееся положение; по крайней мере, на первых порах особых перемен в гендерном составе колхозной администрации не наблюдалось. Так, в начале 1930 г. явно выраженные гендерные диспропорции среди колхозного руководства были зафиксированы в Терском округе Северо-Кавказского края: в колхозе «Советский пахарь» насчитывалось 12 членов правления, из них

¹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 249, л. 14..

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 6.

³ Ульянов Ив. Обеспечить кадрами колхозное строительство // Молот. 1930. 7 января. В частности, в 1929 г. власти Ставропольского округа признавали, что «колхозница в руководящие органы не избирается»: например, женщин-групповодов, возглавлявших отдельные отрасли колхозного хозяйства, насчитывались единицы (ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 107, л. 11).

⁴ Рассчитано по: ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 254, л. 46.

2 женщины, в колхозе им. Октябрьской революции соответственно 15 и 2, в колхозе им. XII лет Октябрьской революции 13 и 2.¹ В 1930 г. старший инспектор Кубанской окружной КК-РКИ докладывал краевому руководству, что в 22 обследованных колхозах округа из 195 членов правлений женщин было лишь 22 человека.²

В следующем году с мест поступали доклады точно такого же содержания. В феврале 1931 г. Кореновский райком ВКП(б) Северо-Кавказского края, указывая на региональную специфику, отмечал, что особенно слабо проходило выдвижение на руководящую работу среди «женщин-казачек». ³ В том же году власти Крымского района сетовали: «недостаточно привлекается женщина к непосредственному управлению колхозом. Колхозницы – члены правления есть, но в большинстве случаев это – «приходящие» члены правления, деятельность которых ограничивается только посещением заседаний правления, а иногда выполнением незначительных поручений... Точно также редко можно встретить женщину-бригадира, колхозницу, ведающую определенной отраслью хозяйства (например, скотным двором, огородом и т. д.)». ⁴

В целом, по данным колхозов 51 района Северо-Кавказского края к осени 1931 г., женщины составляли 7,9 % председательского корпуса (среди колхозных председателей было лишь 48 женщин), 19,5 % членов колхозных правлений (2 873 женщин), 18,7 % членов ревизионных комиссий (970 женщин), 6,1 % заведующих свиноводческими фермами (СТФ; здесь было всего 6 женщин), 3,1 % заведующих птицеводческими фермами (40 женщин). Только среди за-

¹ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 22.

² Из докладной записки старшего инспектора Кубанской окружной КК – РКИ о результатах выборочного обследования 25 крупных колхозов округа. Не позднее 27 мая 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 315.

³ Из отчетного доклада Кореновского райкома ВКП(б) 10-й районной партийной конференции о вовлечении казачества в социалистическое строительство. 25 февраля 1931 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). С. 114.

⁴ Слобухов П. Колхозница стоит в стороне от управления колхозом // Коллективист. 1931. № 4. С. 10.

ведущих молочно-товарными колхозными фермами (МТФ) женщины составляли большинство – 1 106 человек, или 60,2 %.¹

Представители власти в период развертывания коллективизации постоянно указывали на необходимость увеличения численности женщин в составе колхозной администрации: к этому, например, призывала коллегия Северо-Кавказской РКИ в марте 1930 г.² Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в конце 1930 г. принял решение о создании в колхозах женских производственных совещаний, на которые возлагалось руководство отдельными отраслями сельского хозяйства. В решении говорилось также о «решительном выдвижении женщин на посты председателей колхозов, заместителей членов правлений, на заведывание другими отдельными отраслями».³ Реализация указанного решения принесла определенные сдвиги: уже к октябрю 1931 г. в 5 100 колхозах Северо-Кавказского края было 2 600 женских производственных совещаний.⁴

Но даже после недвусмысленных призывов краевого руководства, поддержанных высшим партийным органом, каким фактически являлся ЦК ВКП(б), гендерные диспропорции в составе колхозного руководства в период сплошной коллективизации проявлялись по-прежнему четко и остро. По подсчетам советских исследователей, в 1932 г. в коллективных хозяйствах Северо-Кавказского края женщины составляли лишь 14 % общей численности управленцев (председателей и членов правлений, бригадиров, заведующих отраслями, других должностных лиц).⁵

¹ Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа... С. 198.

² ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 88, л. 2.

³ Постановление ЦК ВКП(б) по докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о коллективизации на Северном Кавказе. 10 января 1931 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 412.

⁴ Из докладной записки Северо-Кавказской краевой КК-РКИ о методах работы производственных совещаний в колхозах края. 6 октября 1931 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 468.

⁵ Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 203.

Причем необходимо учесть, что речь идет о средних показателях, не отражающих всей остроты (а порой драматизма) ситуации, сложившейся в сфере распределения гендерных ролей в колхозах Дона, Кубани и Ставрополья. В ряде колхозов Юга России, где ощущался острейший дефицит мужского населения (как из-за тяжелых последствий Гражданской войны, так и в результате репрессий периода коллективизации), гендерные диспропорции в составе колхозного руководства приобретали прямо-таки гротескные формы. Руководство там традиционно формировалось почти исключительно за счет мужчин; но в условиях сокращения мужского населения такой подход вел к тому, что большинство работников в производственных бригадах составляли женщины. Последних подобная несправедливость никак не радовала, и они бурно выражали свое негодование. Так, М.А. Шолохов писал, что в одном из колхозов Верхнего Дона, где «почти не осталось после гражданской войны мужчин», казачки отказались работать и на уговоры секретаря окружного комитета ВКП(б) возмущенно кричали: «У нас казаков нет! С нами спать некому, а ты приехал нас уговаривать сеять. Оставайся с нами, тогда и сеять поедем!... [У нас] как казак – так либо бригадир, либо десятник. Они, кобели, воткнул за уши карандаши и ходят начальниками, а бабы и плугатары, и погоньчи, и кашевары! Не желаем таких порядков! Советская власть не так диктует!».¹

Учитывая эти факты, нет ничего необъяснимого в том, что даже по завершении сплошной коллективизации в основных зерновых районах страны (по официальным заверениям, это произошло в начале 1933 г.), местные и центральные органы власти упорно твердили о необходимости широкого вовлечения женщин в состав колхозного административно-управленческого аппарата. Так, ЦИК СССР в постановлении от 1 января 1934 г. бодро утвер-

¹ Шолохов М.А. По правобережью Дона // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1975. С. 17.

ждал, что в стране насчитываются «тысячи колхозниц-бригадиров, членов правлений, председателей колхозов», однако при этом «выдвижение колхозниц на руководящую работу в колхозах отстает от роста их производственной и политической активности». Поэтому ЦИК постановлял «считать недопустимым, когда в составе правления колхоза нет ни одной колхозницы», и призывал местные власти «смелее выдвигать лучших колхозниц-ударниц на работу бригадиров и членов правления колхозов».¹ В постановлении ЦИК СССР «О проведении международного женского дня», принятом в конце апреля 1934 г., представителям местного руководства напоминалось: «особое внимание должно быть уделено выдвижению женского актива на руководящую работу на всех участках социалистического строительства».²

Разделяя тревогу и озабоченность высшего руководства СССР, органы власти Юга России снова (в который раз!) стремились повысить удельный вес женщин в составе колхозной администрации. В Обращении Первой краевой Азово-Черноморской конференции ВКП(б) ко всем работникам аграрного сектора, принятом в январе 1934 г., говорилось: «Добейтесь, чтобы в каждой бригаде помощником бригадира была самая толковая, добросовестная, энергичная женщина-колхозница».³ Этот призыв, как видим, был нацелен на значительное увеличение в колхозах женщин-управленцев низшего звена. Но краевые власти озаботились и увеличением удельного веса женщин – председателей коллективных хозяйств. В частности, в октябре 1934 г. бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) было принято решение о подготовке и переподготовке 100 председате-

¹ Постановление ЦИК СССР по докладу наркома земледелия Я.А. Яковлева об итогах сельскохозяйственного 1933 г. и весенней посевной кампании 1934 г. // Молот. 1934. 8 января.

² Постановление ЦИК СССР «О проведении международного женского дня» // Молот. 1934. 1 марта.

³ Обращение Первой краевой Азово-Черноморской конференции ВКП(б) «Ко всем работникам МТС, совхозов, колхозникам, колхозницам, бригадирам, всем ударникам социалистических полей» (январь 1934 г.) // Молот. 1934. 26 января.

лей колхозов за счет женщин на курсах в Геленджике. Правда, срок обучения предусматривалось ограничить двумя месяцами,¹ что, конечно, заметно понижало эффект реализации этого решения. Если бы его выполнение и способствовало увеличению численности женщин-председателей, то их деловые, профессиональные качества оставляли желать лучшего из-за ускоренной подготовки.

Добавим, что административно-управленческий аппарат колхозов Юга России в 1933 – 1934 гг. пополнился рядом новых категорий управленцев, сочетавших в своей деятельности как административную, так и общественную нагрузку. С одной стороны, эти управленцы относились к низшему звену колхозной администрации и получали за работу определенное количество трудодней. Но, с другой стороны, деятельность такого рода управленцев была возможна лишь на основе общественной инициативы самих колхозников; причем создание новых управленческих звеньев рассматривалось вышестоящим руководством как временная мера, вызванная насущными проблемами коллективных хозяйств. В некоторой степени появление в колхозах Юга России этих новых «административно-общественных» должностей способствовало и увеличению удельного веса женщин в составе колхозных руководителей.

Осенью 1933 г. в коллективных хозяйствах Северо-Кавказского края были введены должности инспекторов по качеству, которые осуществляли контроль за качеством работы колхозников и получали за это, по некоторым данным, по одному трудодню за день работы.² Должности эти комплектовались за счет колхозников и колхозниц старшего и преклонного возраста (эта возрастная группа населения коллективизированной деревни поэтически именовалась «старой колхозной гвардией»). Так, по колхозам Малороссийской МТС Северо-Кавказского края к исходу 1933 г. насчитывалось 60 инспекторов по качеству, в том числе 2 женщины 73 и 65 лет, по

¹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 58, л. 59.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 11, л. 161.

колхозам Сальской МТС – 118 (6 женщин), Староминской МТС – 92 (3 женщины), и т. д.¹

Если инспекторами по качеству могли стать и колхозники, и колхозницы, то должности хозяек токов и таборов комплектовались исключительно за счет женщин. По существу, хозяйки токов и таборов являлись помощницами бригадиров полеводческих бригад, осуществляя контроль за определенными сферами колхозного производства и быта: первые следили за чистотой и порядком на токах, вторые – на полевых бригадных станах (таборах).

Такая «совершенно новая форма работы», как хозяйки токов, упоминается в документах колхозной администрации и политотделов МТС Азово-Черноморского края в 1934 г.² В частности, весной 1934 г. политотдел Белоглинской МТС Азово-Черноморского края докладывал краевому руководству, что «в молотильных бригадах избрана хозяйка тока из числа лучших колхозниц-ударниц. Многие из них являются действительно помощниками бригадиров. У хозяек тока приготовлено все необходимое для спасения зерна от дождей. Ток каждый вечер подметается».³

Хозяйки таборов следили за чистотой и гигиеной на полевых станах, где колхозники жили во время основных сельхозработ (то есть на протяжении как минимум одного – двух месяцев). Иногда, однако, их полномочия расширялись. Если, например, колхозники производили обмолот хлеба в самом таборе (чтобы не тратить время на перевозку колосьев на центральную усадьбу колхоза), то хозяйки таборов приобретали ряд функций хозяек токов. В этом случае они, так же, как и хозяйки токов, следили за сохранностью намолоченного зерна, за его чистотой, и т. п. Так, летом 1934 г. хозяйки таборов в колхозах Советской МСТС Армавирского района Азово-Черноморского края занимались сбором инвентаря к убо-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 11, л. 21, 23, 76

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 116, л. 12.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 27.

рочной кампании, обеспечивали осуществление противопожарных мероприятий на полевых станах, а также следили за качеством зерна, отправляемого на элеваторы.¹

Создание новых должностей в составе колхозной администрации способствовало возрастанию удельного веса женщин в массе управленцев. Однако в целом рост этот был несущественен. О том, сколь мизерна была доля женщин среди инспекторов по качеству, мы уже говорили. Да и появление таких должностей, как хозяйки токов и хозяйки таборов, не могло привести к существенному увеличению количества женщин в составе колхозной администрации. Даже если предположить, что эти должности предусматривались в каждой бригаде, то в целом на средний колхоз приходилось не более 8 – 16 хозяйек и токов, и таборов в совокупности (учитывая, что в это время в колхозах Юга России насчитывалось 4 – 8 бригад²).

В общем, даже к середине 1930-х гг. представительство женщин в составе колхозной администрации на Юге России было очень ограниченным, особенно в верхних ее эшелонах. В 1934 г. в Азово-Черноморском крае 988 женщин являлись председателями колхозов, 1 782 – бригадирами, 2 402 – заведующими фермами.³ Разумеется, это были гораздо более солидные цифры, чем до сплошной коллективизации и в период ее осуществления. Однако в крае в том же году насчитывалось 3 415 колхозов,⁴ и, значит, женщины составляли только 28,9 % председательского корпуса.

Те же тенденции, но еще более ярко выраженные, господствовали и в Северо-Кавказском крае. К концу 1934 г. здесь насчитывалось 54 женщины-председателя колхозов (в то время как

¹ Отчет женорганизатора Советской МТС Армавирского района Азово-Черноморского края об участии женщин в колхозной жизни. 10 августа 1934 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 597 – 598.

² Рассчитано по: ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 463, л. 1 – 8.

³ Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е, дополненное. Краснодар, 1976. С. 311.

⁴ Коллективизация Северного Кавказа (1927 – 1937 гг.). С. 767.

в начале года их было лишь 14), еще 979 возглавляли полеводческие бригады, 123 – животноводческие, а 663 заведовали животноводческими фермами.¹ К началу 1935 г. в крае насчитывалось больше тысячи женщин-бригадиров и около пяти тысяч женщин-помощников бригадиров.² Но эти цифры могли вызвать только сдержанный оптимизм, так как в том же 1934 г. в крае существовал 1 651 колхоз.³ Значит, удельный вес женщин в составе председателей колхозов составлял всего лишь 4,2 %, женщин-бригадиров в среднем было по одной в колхозе, а женщин-помощников бригадиров – по три.

Нетрудно заметить, что степень вовлеченности женщин в состав колхозной администрации и Азово-Черноморского, и Северо-Кавказского краев была намного ниже, чем их доля в массе рядовых колхозников (если воспользоваться вышеприведенными данными Э.В. Лукашenkовой, то в 1932 г. в колхозах Юга России удельный вес женщин превышал 50 %). Причем тот факт, что в 1934 г. в колхозах Северо-Кавказского края удельный вес женщин-председателей (а, значит, и остальных женщин-управленцев) заметно уступал показателям Азово-Черноморского края, объясняется в первую очередь национальной спецификой первого из названных краев. В границах Северо-Кавказского края объединялись не только русско-казачьи районы Ставрополя и Терека, но и национальные районы и области (Карачай, Балкария, и т. д.), где патриархальные порядки были еще устойчивее, чем в русских районах. Этим и объясняется низкий удельный вес женщин в составе колхозного руководства.

Ситуация на Юге России в полной мере отражала тенденции, характерные для колхозной системы всего Советского Союза. Ведь

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 70.

² Сорокин Е. Женщины в колхозах – большая сила // Северо-Кавказский большевик. 1935. 8 января.

³ Коллективизация Северного Кавказа (1927 – 1937 гг.). С. 767.

в начале 1935 г. представители высшего партийно-советского руководства констатировали, что «женщина[-]колхозница выдвинулась преимущественно на средние командные посты – на должность бригадиров, заведующих фермами и т. п. На руководящей работе в колхозах женщин-колхозниц все еще немного».¹

Таблица 3

Динамика удельного веса женщин-колхозниц в составе колхозной администрации СССР в 1935 – 1939 гг. (в процентах к общей численности колхозных администраторов).²

Категории управленцев	Период времени		
	1935 г.	1937 г.	1939 г.
Председатели колхозов	1,7	2,6	3,0
Заместители председателей колхозов	3,5	4,4	-
Председатели ревизионных комиссий	2,2	3,0	-
Бухгалтеры и счетоводы	3,5	6,2	-
Бригадиры-растениеводы	2,4	4,2	6,4
Бригадиры-животноводы	8,9	23,4	14,0
Заведующие животноводческими фермами	14,4	23,0	25,6
Звеньевые	-	-	95,0

Определенные сдвиги в гендерной структуре колхозного руководства произошли во второй половине 1930-х гг., став результатом мероприятий властей. Показательно, что в «Примерном уставе сельхозартели» 1935 г. в качестве одной из обязанностей колхозного руководства и самих колхозников объявлялось выдвижение «способных и опытных колхозниц на руководящую работу».³ В «Примерном уставе сельхозартели» 1930 г. такого категоричного требования не содержалось.⁴ Появление указанного

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 139, л. 2.

² Составлено по: История советского крестьянства. Т. 2. С. 301, 344; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 172, 174.

³ Примерный устав сельхозартели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. С. 429.

⁴ См.: Примерный устав сельхозартели от 1 марта 1930 г. // История колхозного права. Т. I. С. 172 – 175.

требования в тексте «Примерного устава сельхозартели» 1935 г. свидетельствовало как о наличии гендерных диспропорций в составе колхозной администрации, так и о намерении руководства страны исправить это неудовлетворительное положение.

По данным таблицы 3, в 1935 – 1939 гг. удельный вес женщин в составе колхозного руководства по СССР вырос несущественно. Женщины составляли значительную часть представителей низших управленческих звеньев колхозной администрации (среди звеньевых они даже преобладали), но в верхних эшелонах они почти не были заметны. С учетом этих материалов становятся понятны утверждения исследователей о том, что даже к исходу 1930-х – началу 1940-х гг. «среди работников административно-управленческого аппарата города и села преобладали мужчины»,¹ а женщины к административной деятельности привлекались «весьма слабо».² Не случайно родилась в это время в колхозах частушка, являвшаяся реакцией сельских женщин на несправедливость распределения гендерных ролей в колхозах:

Бабы сеят и боронят,
Огороды городят.
Мужики сидят в правление,
Папиросами чадят.³

Те же тенденции господствовали и на Дону, Кубани, Ставрополье. В частности, в 1940 г. в коллективных хозяйствах Ростовской области среди 8 622 председателей колхозов, заведующих животноводческими фермами, бухгалтеров и счетоводов насчитывалось всего лишь 789 женщин (9,1 %).⁴

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 105.

² Чувилов В., Сафрошкин Ф. О сокращении раздутого управленческого и обслуживающего аппарата в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1941. № 2. С. 33.

³ Ташпеков Г.А. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек // Социс. 2002. № 9. С. 113.

⁴ Рассчитано по: ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д.1, л. 95.

Как отмечают исследователи, «только военное время 1941 – 1945 гг. в силу объективных обстоятельств заставило государство привлечь женщин к традиционно мужским профессиям и допустить к руководящим должностям».¹ Вряд ли правомерно обвинять советское государство в стремлении не допустить женщин к управленческой деятельности в колхозах: более важны были патриархальные традиции и стереотипы общественного сознания, с которыми советская власть не уставала бороться. Но, действительно, лишь в годы Великой Отечественной войны, из-за сокращения численности мужчин, колхозницы были в более широких масштабах привлечены к административной работе. В 1943 г. в колхозах Дона, Кубани и Ставрополя женщины составляли 5,4 % председательского корпуса, 53,5 % бухгалтеров и счетоводов, 23,3 % бригадиров-растениеводов, 30,2 % заведующих животноводческими фермами. Однако уже в 1945 г. ситуация вновь начала меняться в сторону усиления гендерных диспропорций: удельный вес женщин в составе колхозных председателей снизился до 3,2 %, среди бухгалтеров и счетоводов – до 47,3 %, среди бригадиров-растениеводов – до 15,5 %, среди заведующих животноводческими фермами – до 20,0 %.² Это было не только следствием возвращения мужчин в колхозы в результате демобилизации, но и результатом неискоренности патриархальных стереотипов в сознании советского общества и, в том числе, крестьянства.

Можно констатировать, что сплошная форсированная коллективизация, сопровождавшаяся широким применением государственного насилия и приведшая к голоду 1932 – 1933 гг., еще более усилила гендерные диспропорции среди населения коллективизированной деревни. Данный вывод в полной мере применим и к селам и станицы Дона, Кубани и Ставрополя. По итогам

¹ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 438.

² Рассчитано по: ГАСК, ф. р-1886, оп. 2, д. 214, л. 40об; оп. 3, д. 756, л. 2; ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 35, л. 68об; д. 143, л. 81об; ГАКК, ф. р-1480, оп. 1, д. 580, л. 232об, 348.

коллективизации значительное количество мужчин вольно или невольно покинули деревню в результате репрессий, «раскулачивания», отходничества, а удельный вес женщин в составе колхозов превысил 60 %. Вместе с тем феминизация в наибольшей степени проявлялась в колхозном производстве, но не в сфере управления коллективными хозяйствами. В результате воздействия патриархальных традиций и стереотипов общественного сознания удельный вес женщин в колхозном административно-управленческом аппарате был невысок, особенно в верхних его эшелонах. Причем наименьшим удельным весом женщин среди колхозных управленцев отличался Северо-Кавказский (с 1937 г. – Орджоникидзевский) край, в границах которого объединялись национальные регионы Северного Кавказа, где патриархальные стереотипы были особенно сильны.

2. РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИН-КОЛХОЗНИЦ В УСЛОВИЯХ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

2.1. Роль женщин-колхозниц в общественном производстве (факторы трудовой активности)

По мере развертывания коллективизации в советской прессе все чаще стали звучать призывы о максимально полном вовлечении женщин-колхозниц в общественное, то есть колхозное, производство. В одной из статей в «массовом колхозном журнале» «Коллективист» за февраль 1931 г. указывалось, что в преддверии весеннего сева перед колхозами стоит важная задача, заключающаяся в том, чтобы «использовать полностью женскую рабочую силу». Причем, как подчеркивалось в статье, от решения этой задачи зависит развитие не только аграрного, но также индустриального, сектора экономики.¹ Таким образом, задача вовлечения женщин в колхозное производство имела значение не только для сельского хозяйства, но в целом для экономики СССР.

Однако, в противовес призывам партийно-советского руководства, задача вовлечения женщин в колхозное производство выполнялась далеко не столь быстрыми темпами, как того хотелось властям. В том же 1931 г. в советской прессе отмечалось, что «в колхозах запас женской рабочей силы используется меньше, чем мужской».² В частности, по материалам выборочного обследования итогов сельскохозяйственной деятельности колхозов за 1931 г., было установлено большее вовлечение мужчин по срав-

¹ В статье отмечалось: «Проводя активное вовлечение свободной женской рабочей силы в колхозное производство, мы тем самым увеличиваем возможность расширения и полного выполнения производственного плана колхоза, а также освобождаем часть мужских и женских рабочих рук для отхода в промышленность, совхозы, лесничества, строительства и т. д.» (Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 4).

² Там же, С. 5.

нению с женщинами в колхозные работы.¹ В обследованных колхозах Северо-Кавказского края затраты мужского труда за год составляли 53,1 %, а женского – лишь 21,2 %.² По данным другого обследования, проводившегося примерно в это же время, в четырех колхозах Кропоткинского района в первом квартале 1931 г. затраты мужского труда составили 34,82 %, а женского – только 4,3 %. Во втором квартале затраты труда составили соответственно 54,12 % и 32,65 %, в третьем квартале – 70,76 % и 49,22 %, в четвертом квартале – 68,14 % и 35,11 %.³

Конечно, в первом квартале, то есть зимой, в колхозах не велись напряженные работы, и женщины (исключая тех, кто был занят в животноводстве) в основном занимались заботами по дому. Но показательно, что даже во втором и третьем кварталах, с апреля по сентябрь включительно, на которые приходились основные сельхозработы, участие женщин в колхозном производстве было гораздо меньше, чем мужчин.

Проблема недостаточного вовлечения женщин в колхозное производство не могла, разумеется, пройти мимо внимания И.В. Сталина, чьим детищем, собственно, и являлась коллективизация. На первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г., Сталин расценил как «большую ошибку» то, что многие колхозники и представители колхозной администрации «недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними». Далее вождь произнес свои, ставшие знаменитыми, слова: «женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом, значит до-

¹ Обследование было проведено сотрудниками и слушателями Научно-исследовательского колхозного института (НИКИ) и Аграрного института Коммунистической академии (Комакадемии). Обследовались колхозы Украины, Белоруссии, Узбекистана и РСФСР, в том числе и коллективные хозяйства Северо-Кавказского края. Всего в крае были обследованы 10 колхозов Миллеровского, Мечетинского и Кропоткинского районов.

² Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 199.

³ Галиченко А. Роль управления в планировании колхозного производства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 5. С. 34.

пустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело».¹

Как видим, даже к началу 1933 г. (когда коллективизация была признана завершенной в основных зерновых районах страны²) женщины еще не были «пущены в дело» в коллективных хозяйствах СССР. Точнее, «пущены в дело» они все-таки были (об этом свидетельствуют хотя бы материалы, приведенные в предшествующей части нашей работы), но, с точки зрения руководства страны, недостаточно. Подчеркнем, что речь должна идти именно о недостаточной степени вовлеченности женщин в колхозное производство, а не о том, что они вообще в колхозах не работали.

Причем, по нашему мнению, можно говорить о двух взаимосвязанных аспектах затронутой проблемы. Во-первых, речь может идти именно о недостаточной вовлеченности женщин в колхозное производство, которая имела, так сказать, количественные и качественные параметры. Иными словами, недостаточное участие женщин в колхозном производстве могло выражаться как в том, что не все колхозницы принимали участие в работах, так и в том, что ими не были освоены какие-либо сферы занятости в аг-

¹ Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 251. Поскольку и впоследствии руководство колхозов, по мнению лидеров страны, не очень-то «пускало женщин в дело», Сталин вновь обращался к этому вопросу. Так, на совещании льноводов и конопелеводов в марте 1936 г. Сталин, услышав, что среди 206 делегатов насчитывается 55 женщин, обронил: «Женщин мало» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 220, л. 6.). Пресса же, по советской традиции, неоднократно апеллировала к февральскому высказыванию «вождя», критикуя невнимание колхозных администраторов к вовлечению женщин в общественное производство. Так, в передовой статье, помещенной в одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 1940 г., указывалось: «негодным окажется тот руководитель колхоза, который сбросит со счета эту огромную силу, не создаст колхозницам необходимых условий для плодотворной работы» (Повышать роль женщины в колхозе // Орджоникидзевская правда. 1940. 3 июля).

² Как известно, И.В. Сталин, выступая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., заявил, что программа пятилетки по коллективизации перевыполнена в три раза, так что форсировать далее темпы «колхозного строительства» уже не нужно, а нужно заняться укреплением уже созданных колхозов (Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 195).

рарном секторе (скажем, трудовое участие женщин было минимальным в сфере механизации, недостаточно высоким на таких работах в полеводстве, как пахота, сев и пр.). Во-вторых, можно говорить о низкой трудовой активности женщин-колхозниц, в результате которой определенная часть женского населения колхозов участвовала в колхозном производстве лишь формально, но не фактически (во всяком случае, отдавала работам в сельхозартелях гораздо меньше времени и сил, чем домашнему хозяйству).

Сложная ситуация с вовлеченностью женщин в колхозное производство в 1930-х гг. может показаться несколько странной. Ведь в доколхозной деревне ведение хозяйства было немыслимо без женщин, вплоть до того, что неженатый крестьянин считался неполноценным хозяином, «бобылем». Очевидно, что сельские традиции, согласно которым аграрное производство базировалось не только на мужском, но и женском труде, были восприняты и в колхозах; здесь женщины также работали, нередко наравне с мужчинами. Так в чем же состояли причины того, что на протяжении 1930-х гг. в колхозах (в том числе и на Юге России) женский труд использовался недостаточно полно?

На наш взгляд, можно выделить несколько таких весомых причин (факторов). В их числе:

- Позиция местного руководства по отношению к колхозницам, обусловленная сельскими гендерно-производственными традициями;
- Уровень материального вознаграждения за труд в колхозах;
- Степень вовлеченности колхозниц в домашнее хозяйство;
- Гендерные позиции членов колхозных семей – как мужчин, так и женщин (особенности взаимоотношений в семьях, желание или нежелание жен участвовать в общественном производстве, отношение к этому мужей, и пр.);
- Наличие и степень развития культурно-бытовых заведений (столовых, прачечных, а особенно детских дошкольных учрежде-

ний), призванных временно освободить женщину от домашних забот и ухода за детьми для участия в общественном производстве.

О роли женщины в домашнем хозяйстве и степени ее вовлеченности в данную сферу производства социальных благ мы будем говорить в отдельной части нашей работы. Поэтому, дабы не нарушать цельности изложения, мы не будем касаться отмеченного сюжета и в рамках данного параграфа ограничимся освещением остальных выделенных нами факторов трудовой активности женщин-колхозниц и степени вовлеченности их в производство.

Говоря о том, каким образом позиция властей влияла на вовлеченность женщин в колхозное производство, следует отметить, что отчасти за это несли ответственность не только местные, но и вышестоящие органы власти. Так, колхозсоюзы разных уровней (окружные, областные, краевые, республиканские), первоначально являвшиеся органами непосредственного руководства колхозами, очень мало внимания уделяли вопросам женского труда. Когда в конце 1930 г. Колхозцентр СССР разослал на места запросы о положении в сфере трудовой занятости женщин в коллективных хозяйствах, соответствующие отчеты смогли предоставить только три колхозсоюза. Показательно также, что в созванном в январе 1931 г. Всесоюзном совещании по труду не участвовала ни одна женщина-колхозница.¹

Впрочем, в условиях развертывания «колхозного строительства» и погони за ростом процентов коллективизации было бы наивно ожидать от местного партийно-советского руководства внимания к частным вопросам организационно-хозяйственного состояния колхозов, в том числе – к вовлечению женщин в общественное производство. Не случайно в 1929 г. работники Кубанской окружной РКИ констатировали, что в условиях ускоренного создания колхозов Крайколхозсоюз не смог уделить должного

¹ Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 4.

внимания колхозной сети, и «значительная часть колхозов (свыше 500 [из 1 380 хозяйств]) не была обслужена ни в хозяйственном, ни в агрономическом отношении».¹

На наш взгляд, более существенное влияние на степень вовлеченности женщин в общественное производство оказывали действия низовых органов власти: сельсоветов, колхозной администрации. Действия эти были обусловлены прежде всего крестьянскими (применительно к Югу России – и казачьими) патриархальными традициями, согласно которым женщины и дети считались как бы существами «второго разряда» по сравнению с мужчиной, что соответствующим образом сказывалось на внутрисемейном душевом распределении произведенной продукции.

Следуя этим традициям, во многих колхозах первоначально устанавливались такие нормы распределения материальных благ, которые можно, пожалуй, назвать дискриминационными. Согласно сведениям 30 коллективных хозяйств Ставропольского округа Северо-Кавказского края за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г., во всех (!) сельсоветах, где располагались эти колхозы, существовала неравная оплата мужского и женского труда за одни и те же работы. Например, ТОЗ «Интернационал» сообщал, что в его сельсовете цена на рабочие руки составляет 1 – 1,5 руб. для мужчин и 1 – 0,5 руб. для женщин. В среднем по разным сельсоветам оплата женского труда, по сравнению с мужчинами, была ниже на 20 – 40 копеек.²

Такое же положение во многих колхозах сохранялось на протяжении ряда последующих лет. В начале 1932 г. заместитель председателя Колхозцентра СССР и РСФСР Н.А. Татаев говорил, что в ходе обследований ряда колхозов (в том числе и на Юге России) были установлены многочисленные факты, когда «при

¹ ГАКК, ф. р-226, оп. 1, д. 505, л. 1.

² ГАСК, ф. р-595, оп. 1, д. 753, л. 2, 50б, 8, 12, 14, 180б, 200б, 22, 24, 26, 28, 30, 37, 39, 41, 43, 45, 47, 49, 51, 55, 61, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 78.

выработке одинаковой с мужчиной нормы и при одинаковом качестве работы женщине все-таки начисляют за работу меньше, чем мужчине: это, мол, женщина, а не мужчина».¹ В некоторых колхозах даже вводились своеобразные «тарифные сетки», согласно которым колхозные доходы распределялись следующим образом: «здоровый мужик – большая ставка, слабый мужик меньше, женщина – еще меньше, а подросток – еще меньше»² (следуя таким правилам, в ряде колхозов Северо-Кавказского края подросткам за одинаковую работу с мужчинами платили на 25 % меньше³). Подобный подход к оценке женского труда никоим образом не способствовал ни вовлечению женщин в общественное производство, ни их активности на колхозных работах.

Существенным фактором женского участия в колхозном производстве было также желание (или, напротив, нежелание) супругов менять складывавшиеся веками в российской деревне гендерные роли, согласно которым муж выступал в роли добытчика, занятого на самых важных и тяжелых работах, а жена являлась хранительницей домашнего очага, взваливая на себя многочисленные заботы по хозяйству. Казалось бы, наиболее разумной семейной стратегией для супругов-колхозников являлось обоюдное участие в колхозном производстве: ведь их совокупный заработок превышал бы доход только лишь мужчины. Нередко, однако, такой рациональный подход колхозниками игнорировался, и, «несмотря на все призывы к обратному, в крестьянской семье царил обычай, согласно которому, если и муж и жена были рядовыми колхозниками, муж больше времени проводил на колхозных полях, а жена – на приусадебном участке».⁴ Этим сельские семьи данного периода

¹ Татаев Н.А. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 2. С. 123.

² Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 5.

³ ГАРО, ф. р-2399, оп. 1, д. 56, л. 31, 32, 67, 117.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 166.

времени существенно отличались от городских семей, в которых и муж, и жена были заняты на производстве.

Во многом такое, казалось бы, неразумное поведение супругов-колхозников объяснялось как раз практическим расчетом, причем можно говорить о двух взаимоисключающих мотивах. Для городских семей участие обоих супругов в производстве в значительной мере являлось необходимостью из-за относительно низкой оплаты труда; поскольку зарплаты одного лишь мужа не хватало для достаточного обеспечения семьи, дополнительный доход приносила женщина-работница. В колхозной деревне в это же время оплата труда была еще ниже, но именно ее мизерностью и объяснялось нежелание колхозниц надрываться на колхозных работах: ведь у сельских женщин, в отличие от горожанок, был приусадебный участок. Многие колхозники предпочитали оставлять своих жен в домашнем хозяйстве по той причине, что не ожидали от колхоза хороших доходов (даже за ударный труд), и надеялись больше на свои огороды и скотину. А чтобы не подвергнуться исключению из колхоза, они и вырабатывали определенное количество трудодней на колхозных полях (по той же причине колхозники-мужчины, когда и сами уклонялись от участия в общественном производстве, посылали на поля своих детей-подростков, «иногда прямо ребятишек»¹). Такой мотив (об этом пойдет речь в разделе о домашнем хозяйстве) был весьма распространен в первой половине 1930-х гг., когда колхозы подвергались непомерно большим хлебозаготовкам и не могли достойно оплатить труд своих членов.

Но, с другой стороны, колхозницы, которым повезло выйти замуж за сельских жителей, чей труд оплачивался более-менее неплохо, не стремились работать в колхозах именно потому, что семье вполне хватало зарплаты супруга. Так, в 1934 г. в отдельных МТС Азово-Черноморского края трактористы получали гораздо

¹ Радин Ал. Саботаж в Полтавской // Социалистическое земледелие. 1933. 9 января.

большую оплату труда по сравнению с колхозниками, и их жены (по большей части колхозницы тех селений, откуда были родом эти механизаторы) отказывались участвовать в колхозном производстве, утверждая, что мужья вполне способны их прокормить.¹

Вместе с тем можно назвать и психологические причины нежелания супругов-колхозников менять гендерные роли. В этом случае жены были не прочь сменить роль домохозяйки на роль колхозницы-ударницы, полностью отдающей общественному производству. Но мужья зачастую запрещали или хотя бы противились активному труду своих жен на колхозных полях, так как не хотели конкуренции в семье, завидовали, комплексовали, и пр. В конце 1939 г. кубанские руководители признавали, что «есть целый ряд рядовых колхозников, как жены трактористов, которые совершенно не хотят идти на работу. Когда мы начинаем с мужьями разговаривать, то они заявляют, что не позволяют жене работать».² В источниках содержатся даже упоминания об избивании мужьями жен-ударниц (причем чаще всего злобствовали те мужья, которые не очень-то утруждались на колхозных полях).³

Отдельно следует сказать о женах представителей колхозной администрации. Формально эти женщины ничем не отличались от остальных колхозниц и должны были наравне со всеми работать в коллективном хозяйстве. Однако и они сами, и их мужья в подавляющем большинстве случаев выступали против этого. Здесь сказывались и экономические расчеты, и мотивы психологического порядка. С хозяйственно-экономической точки зрения женам колхозных управленцев можно было и не работать: семье

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 121.

² ЦДНИ КК, ф. 1774-а, оп. 1, д. 978, л. 10.

³ Так, в 1934 г. в одном из колхозов Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края, колхозник Аким Еременко, сам не отличавшийся рвением в колхозном производстве, постоянно избивал свою жену, которая, напротив, отличалась «ударной работой» (Колхозный путь. Орган политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 1 декабря).

хватило бы и доходов мужа (который, пользуясь властью, мог также и присвоить часть общественного дохода). Но, пожалуй, важнее были психологические мотивы, так как жены колхозного руководства рассуждали: «муж – начальство, а я буду пахать или сорняки жечь[?!]». ¹ Нередко жены «начальства» ревниво следили друг за другом, и, стоило одной из них перестать работать в колхозе, как другие категорично заявляли мужьям: «ну, и я не пойду [на колхозную работу]» ² (этот пример, взятый из письма колхозника сельхозартели им. Красной Армии Рязанского района Азово-Черноморского края Н.Г. Жилиева, лишний раз доказывает, что «власть развращает»). В ряде случаев колхозные руководители нанимали рядовых колхозниц или жен единоличников и рабочих, трудодни которых перечислялись их женам. ³

Рядовые же колхозники, которые спокойно относились к неучастию в общественном производстве собственных жен и жен своих односельчан (разумеется, тех, кто был равен им по статусу), крайне резко отзывались об отлынивавших от работы супругах колхозных управленцев, называя их «колхозными барынями». ⁴ Такая позиция рядовых колхозников, очевидно, объяснялась тем, что уклонение от работы жен колхозного руководства являлось в их глазах нарушением принципов социальной справедливости. Раз в колхозе все женщины формально были равны, то всем следовало и работать, либо же – не работать никому. Видимо, не случайно рядовые колхозники заявляли своему начальству, требовавшему выхода их жен на поля: «пусть [сначала] ваши жены и члены семьи идут на работу и тогда мы пошлем своих». ⁵

¹ Гандкин А. Мечетинский «стиль» // Молот. 1934. 11 апреля.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 70.

³ Например, так поступили в 1939 г. в колхозе «Красный партизан» Зеленчукского района Северо-Кавказского края председатель Находчий и учетчик Кушнарев (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 480, л. 66).

⁴ Больше бдительности, непримиримости к врагу! // Молот. 1934. 24 марта.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 70.

Одним из важнейших факторов вовлечения женщин в колхозное производство, и особенно их трудовой активности, являлся уровень вознаграждения затраченных трудов усилий. Здесь существовала прямая зависимость: чем выше была оплата труда в колхозе, тем активнее работали колхозницы, и наоборот, при низкой оплате труда колхозницы (как и их мужья) относились к участию в общественном производстве спустя рукава.¹

Таблица 4

Средние выдачи денег и продуктов в колхозах (в границах Азово-Черноморского края) в 1931 – 1936 гг.²

Годы	Средние выдачи на трудодни	
	Денег (в рублях)	Продуктов (в кг)
1931 г.	0,40	2,3
1932 г.	-	1,3
1933 г.	0,40	2,1
1934 г.	0,43	2,4
1935 г.	0,93	3,1
1936 г.	1,80	5,7

Факт прямой зависимости оплаты труда и степени участия женщин в колхозном производстве был признан уже современниками коллективизации.³ Причем, наиболее тяжелая ситуация в

¹ Выдающийся отечественный ученый-аграрник А.В. Чаянов, гениально прозревая уродливые черты будущего сталинского «социализма», писал о том, что в условиях командно-административной системы «факт работы, конечно, имел место, но напряжение работы отсутствовало, ибо не имело под собой оснований» (Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А.В. Венецианское зеркало: Повести / Вступ. Статья и примеч. В.Б. Муравьева. М., 1989. С. 188).

² Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация. С. 267.

³ Так, Э.В. Лукашенко писала в 1932 г.: «там, где колхозное хозяйство в силу организационно-хозяйственных достижений обеспечивает значительное количество материальных благ, подлежащих распределению среди колхозников, там женщина-колхозница вкладывает в колхозное производство гораздо больше труда в процентах от запаса рабсилы по сравнению с теми колхозами, где доход, подлежащий распределению, ниже» (Лукашенко Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 201).

сфере оплаты труда складывалась в колхозах Дона, Кубани и Ставрополья в первой половине 1930-х гг., когда организационно-хозяйственный уровень колхозной системы был крайне низок. В это время средние выдачи на трудодень в колхозах Юга России были зачастую мизерны, как о том свидетельствует таблица 4, составленная на материалах коллективных хозяйств Дона и Кубани.

Согласно данным таблицы, чаще всего на один трудодень приходилось в данное время лишь в пределах 2,5 кг зерна. Как отмечают исследователи, подобные нормы оплаты трудодней не гарантировали колхозникам даже прожиточного минимума, не говоря уже о кормах для скота или о продаже части полученного зерна на рынке.¹ Естественно поэтому, что женщины-колхозницы уклонялись от участия в общественном производстве.

Источники предоставляют массу примеров подобного рода. В начале 1930-х гг. М.А. Шолохов ярко описал в одном из своих писем к Сталину, как завышенные хлебозаготовки, не оставлявшие в колхозах хлеба для распределения по трудодням, убивали трудовую активность колхозников и колхозниц.² Взамен колхозницы обрабатывали свои огороды (данное суждение на конкретных приме-

¹ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация. С. 268. Причем представители власти специально подчеркивали, что колхозники должны смириться с уменьшением потребления в пользу государства. Известный советский деятель Е. Преображенский был совсем не одинок, когда в записке, поданной в марте 1930 г. в секретариат ЦК ВКП(б), беззастенчиво предлагал «в каждом колхозе установить такие нормы потребления, которые автоматически обеспечивают выполнение заготовок» (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 153, л. 78). Учитывая существенное снижение уровня производства сельхозпродукции, произошедшее в начале 1930-х гг. под влиянием коллективизации, нормы потребления, предлагаемые Преображенским, должны были быть полуголодными.

² Шолохов писал Сталину: «В августе в течение трех недель шли дожди... Копны, испятнившие всю степь, надо было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся, (ищут паразитов в волосах друг у друга – *авт.*) словом, празднуют. Обозленный, я спрашиваю: «Почему не растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?». И, при сочувственном молчании остальных, одна из бабенок мне объяснила: «План в нынешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить» (Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов (Публикация, вступительная статья и примечания Ю.Г. Мурина) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 10).

рах будет обосновано в третьей главе нашей работы). Причем, как будет показано далее, хотя во второй половине 1930-х гг. уровень материального обеспечения членов колхозов Юга России заметно возрос, женщины-колхозницы в большей мере, чем мужчины, продолжали ориентироваться на домашнее хозяйство и, соответственно, уклоняться от участия в общественном производстве.

Невзирая на факты такого рода, сталинский режим продолжал выкачивать из колхозной деревни максимум произведенной продукции. В итоге местное руководство, обязанное обеспечить колхозы необходимым количеством рабочих рук, но не имеющее средств для материального стимулирования трудовой активности колхозников и колхозниц, применяло методы принуждения и насилия. Самым мягким средством воздействия в данном случае были штрафы,¹ но иной раз действия местных властей заставляли вспомнить о временах дикости и варварства. Так, один из комсомольцев Апшеронского района Майкопского округа Северо-Кавказского края писал М.И. Калинин в 1930 г., что уполномоченный ОГПУ Шмиль, временно исполняя обязанности секретаря райкома, «дал по всему району письменное распоряжение прекратить всякие лесовывозки на пять дней и мобилизовать все население для полки. Если нужно, то всех погнать винтовкой».² В мае 1933 г. в колхозе «Пятилетка» Ново-Александровского района Северо-Кавказского края колхозница Токарева не вышла на работу по болезни. Тогда ей связали руки и в таком виде водили по станции, а затем потащили в степь; когда она падала, ее «поднимали избиением кнутом».³ В июле 1933 г. в станице Удобной Отраденского района Северо-Кавказского края местное начальство

¹ Например, в 1931 г. правление колхоза «Ильич» Курского района Северо-Кавказского края списало с целого ряда женщин и нескольких мужчин по 1 трудодню за невыход на прополку, и предупредило их, что в случае повторного уклонения от работы будут применены более жесткие меры (ГАСК, ф. р-2034, оп. 1, д. 5, л. 64).

² «Посевы все позаросли...» // Тепцов Н.В. В дни великого перелома. С. 63.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 241.

устроило облаву на базаре с целью отправить всех пойманных на прополку колхозных полей. Когда женщины начали разбегаться, председатель сельсовета гонялся за ними с наганом в руках. Менее проворных силой оправаляли на поля: сельские активисты «тащили упирающихся женщин за руки и направляли в сельсовет, откуда последние были посланы на прополку».¹

Наконец, серьезным фактором вовлеченности женщин в колхозное производство являлось наличие (или отсутствие) в колхозах сети культурно-бытовых заведений: общественных столовых, прачечных, детских садов, яслей, площадок. Данный фактор отличался от уже выделенных и проанализированных нами определенной спецификой: он оказывал влияние в первую очередь именно на степень вовлеченности женщин в колхозное производство, и уж потом, во вторую очередь – на их трудовую активность. То есть, если в колхозе не было культурно-бытовых заведений (или они были, но плохо работали или не функционировали вообще), колхозницы, имевшие малолетних детей и связанные домашними обязанностями, зачастую вообще не выходили на работу.²

Как отмечали исследователи в начале 1930-х гг., наибольшие трудовременные затраты колхозниц (так же, как и единоличниц) в домашнем хозяйстве приходились на приготовление пищи, уход за огородом и скотиной, присмотр за детьми.³ Это время можно было считать потерянным для колхозного производства. Создание в колхозах культурно-бытовых заведений позволяло перераспределить трудовременные затраты женщин в пользу колхозов, освободив их

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 251.

² Подчеркивая эту специфику, современники коллективизации отмечали: «женщины составляют половину взрослого населения колхозов, а между тем из-за отсутствия в колхозах общественных столовых, хлебопекарен и, главным образом, детяслей и площадок на весенние полевые работы выходит не более 10 процентов трудоспособных женщин» (Павлова. Организуйте детучреждения к весеннему севу // Коллективист. 1931. № 4. С. 56).

³ По материалам обследований, проводившихся в 1930 г., на приготовление пищи у колхозниц уходило 34 – 44 % от общих затрат труда, и даже на такую простую операцию, как снабжение хозяйства водой, затрачивалось 4,7 – 14,4 % труда (Лукашенко Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 204).

от многих забот по дому. Обследование ряда колхозов Северо-Кавказского края, проведенное Колхозцентром в начале 1931 г., показало, что при наличии культурно-бытовых учреждений использовалось 22,8 % женского труда (от общих затрат за год); при их отсутствии или неудовлетворительном функционировании, использовалось только 17,6 % женского труда.¹ Не случайно в материалах ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) содержалось и предложение улучшения «социально-бытового обслуживания колхозного населения, в особенности женщин (устройство яслей, общественное питание и т. п.)».²

Основная проблема, однако, состояла в том, что налогово-заготовительная политика сталинского режима, согласно которой из колхозной деревни выкачивался максимум произведенной продукции, не позволяла многим колхозам создавать культурно-бытовые заведения и поддерживать их функционирование: для этого попросту не хватало средств и продуктов. Организации таких заведений мешала и крайняя организационно-хозяйственная слабость множества поспешно созданных колхозов.

В частности, налогово-заготовительная политика сталинского режима препятствовала организации в колхозах общественных столовых. Мало того, что из-за непомерно высоких хлебозаготовительных планов для этого не хватало продуктов, – в ряде случаев органы власти вводили временные запреты на общественное питание в колхозах, видя в этом «один из основных каналов кулацкого разбазаривания хлеба и укрепления лодырничества и иждивенческих настроений в колхозах».³ В этом случае власти действовали под благовидным предлогом «борьбы за полновесный трудодень» и противодействия уравниловке. Дело в том, что при общепите

¹ Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 205.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 2, без нумерации.

³ ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 548, л. 133.

хлеб выдавался всем колхозникам, без учета их трудовой активности.¹ Зерно, из которого пекли этот хлеб, автоматически вычиталось из оплаты трудодней (так, в колхозе «Путь Ленина» Анапского района Северо-Кавказского края в 1931 г. на общепит удерживалось по 0,8 центнеров зерна с каждого трудоспособного²). Но фактически запреты властей были направлены на ограничение продовольственного потребления в колхозах ради увеличения хлебопоставок. Иными словами, это был еще один метод максимально полного изъятия произведенной колхозниками продукции.

В итоге к началу 1931 г. только 3 % советских колхозов имели общественные столовые³ (в кубанских колхозах к этому времени общепит практически отсутствовал⁴), а качество питания было крайне низким. Так, в августе 1933 г. в русских районах Северо-Кавказского края «во многих колхозах» значительно ухудшилось качество общественного питания, в результате чего участились невыходы колхозников на работу. Насколько ухудшилось качество общепита, можно судить по следующим примерам: 26 августа в колхозе «Захудалый» Павловского района свыше 20 колхозников отравились хлебом, на выпечку которого пошла мука из самого плохого зерна, смешанного с семенами белены; примерно в то же время в Морозовском районе в больницу поступили 8 колхозников с гангреной ног, причиной чего, по предположению врача, стало «отравление от систематического употребления в пищу ржаного хлеба, зараженного спорыньей».⁵ Источники со-

¹ Надо сказать, что уравнильное распределение продуктов обуславливалось принципами крестьянской «моральной экономики», которая обеспечивала «всего лишь выживание человека на уровне полуголодного существования, на уровне простого воспроизводства, правда, всех членов общества» (Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из вступительного слова В.П. Данилова // Отечественная история. 192. № 5. С. 4).

² Большой И. В полтора и два раза повысился доход колхозной семьи // Коллективист. 1931. № 21. С. 64.

³ Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 5.

⁴ ГАКК, ф. р-226, оп. 1, д. 652, л. 9.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 32, 52.

держат немало других подобных примеров.¹ В условиях отсутствия общепита или крайне низкого его качества во многих колхозах Дона, Кубани и Ставрополья колхозники по-прежнему ориентировались на домашние обеды, что не лучшим образом сказывалось на вовлеченности женщин в колхозное производство.

Не лучшее положение складывалось с прачечными. Многие колхозы вообще не позволяли себе такой роскоши: показательно, что в региональных статистических обзорах, где перечислялись городские прачечные, ничего не говорилось о прачечных в колхозах.² В тех же коллективных хозяйствах, где прачечные все-таки организовывались, они нередко закрывались после короткого периода функционирования из-за бесхозяйственности, недостатка средств на оплату служащих и пр. Так, в феврале 1934 г. в колхозе «Большевик» Батайского района Азово-Черноморского края открылась прачечная, призванная обслуживать в основном колхозников, занятых на молочно-товарной ферме (МТФ); по роду деятельности их одежда часто пачкалась. Но прачечная проработала лишь месяц и закрылась, в результате чего стирка белья вновь стала домашней заботой. Хуже всего было холостым колхозникам, которые ходили в грязной одежде «до тех пор[,] пока не спадет с плеч».³

Особое внимание властей уделялось организации в колхозах детских дошкольных учреждений, чрезвычайно важных для вовлечения женщин в колхозное производство. Как выразился один из кубанских партработников в конце 1930-х гг., детские ясли – «это мелочь, но это такая мелочь, без которой мать, имеющая детей, выйти на работу не может».⁴

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 99; ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 140; д. 115, л. 10, 111.

² См., например: Ростовская область за 40 лет. Ростов н/Д., 1957. С. 245 – 246; Ростовская область. Природа, население, хозяйство, культура / Под ред. А.И. Гозулова и П.Г. Шумилина. Ростов н/Д., 1961. С. 323 – 324.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 11.

⁴ Из выступления секретаря Краснодарского крайкома ВКП(б) П.К. Бычкова на VII пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б) об итогах весеннего сева и организации прополочных работ на полях края // Краснодарский край в 1937-1941 гг. С. 416.

Действительно, даже активные и трудолюбивые колхозницы, в мыслях не имевшие уклоняться от общественного производства, зачастую не могли нормально работать при отсутствии в колхозе детских дошкольных учреждений.¹ Не случайно в обращении краевого слета работников райсобесов и касс общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц Северо-Кавказского края в июле 1933 г. отмечалось, что «нашей основной задачей является обеспечить выход на работу всего трудоспособного населения сил колхозов[,] создав для того необходимые условия путем внедрения социалистических форм быта в колхозе, организацией детских, площадок...».² Представители же руководства новообразованного Северо-Кавказского края в первой половине 1934 г. со знанием дела констатировали, что колхозные детские учреждения заметно повышают трудовую дисциплину среди колхозниц.³

Детские дошкольные учреждения создавались в колхозах в рамках общей программы формирования системы колхозного социального обеспечения (точнее, социального страхования,⁴ основанного на принципах взаимопомощи). Задачи социального обеспечения и социального страхования возлагались как на колхозы,

¹ Показательно в данном отношении письмо, присланное в редакцию журнала «Колхозница» Азово-Черноморского края молодой крестьянкой сельхозартели «Путь Ильича» Милютинского района края: «Пишу вам, а сама плачу. И вот отчего плачу. Сегодня бригадир меня обругал и обругал обидными словами: назвал меня лодырем. А за что? За то, что я вышла на работу с опозданием. Но почему я опоздала? У меня дочка 3-х лет, Маша, вот я и бегала по хатам – просила соседок поглядеть мою девочку в то время, когда я буду на пахоте. А детской площадки у нас нет. И сколько ни говорила нашим руководителям, чтобы была площадка, ответ один: да нет помещения, да нет воспитательниц» (Бутко. Письмо в редакцию // Колхозница. 1937. № 4. С. 19). Этой колхознице еще повезло, что ее просто обругали. А вот в колхозе «Сельмашстрой» Равноапостольской МТС того же края в марте 1934 г. председатель вызвал одну из колхозниц, не ходивших на работу из-за отсутствия яслей, «закрыв двери и избил, после чего заставил ее идти с рогожным знаменем по селу, подталкивая ее коленом» (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 142).

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 442, л. 82.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 6.

⁴ В.С. Григорьев в этой связи обоснованно замечает, что деятельность КОВК, по замыслам органов власти, «должна была иметь социально-страховой характер» (Григорьев В.С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921 – 1941 гг.). Дис... докт. ист. наук. М., 1997. С. 384).

так и на специально созданные учреждения – кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК),¹ созданные в РСФСР еще в 1931 г., а по всему СССР – с 1 февраля 1932 г.² В том числе на КОВК возлагалась и задача организации детских яслей и садов.³

Средства для решения этих задач КОВК получали от колхозников (вступительные и членские взносы) и колхозов. В «Примерном уставе сельхозартели» от 1 марта 1930 г. декларировалось, что артель обязана «всеми доступными мерами улучшать бытовые условия членов артели, в особенности женщин и детей».⁴ Эта расплывчатая формулировка ни к чему не обязывала колхозную администрацию, так что местным властям самим пришлось устанавливать необходимый минимум средств на социальные нужды. Например, в октябре 1934 г. на бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) было решено, что колхозные фонды на культурно-бытовые мероприятия создаются в размере 0,5 % от общего дохода.⁵

Центр также был вынужден отреагировать на эти недомолвки. В «Примерном уставе сельхозартели» от 17 февраля 1935 г. четко указывалось, что артель обязана обеспечить вовлечение женщин в колхозное производство, «разгружая их по возможности от домашних работ путем создания яслей, детских площадок и так далее».⁶ При распределении полученных доходов колхоз должен

¹ В различных документах варьируются названия данных учреждений: кассы общественной взаимопомощи колхозников; кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц; кассы общественной взаимопомощи колхозов.

² См.: Примерный устав кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц // Сокращенное собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР для сельских советов. Вып.11. М., 1931. С. 353 – 357; Постановление Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 211.

³ Постановление Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 211.

⁴ Примерный устав сельскохозяйственной артели от 1 марта 1930 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 173.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 58, л. 9об.

⁶ Примерный устав сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 429.

был создавать фонды помощи нуждающимся (в том числе «на содержание детских яслей и сирот») в размере не более 2 % валовой продукции.¹ Четкость в определении социальных функций колхоза и размеров соответствующих фондов способствовала оптимизации мер по вовлечению колхозниц в производство.

Можно говорить о трех типах детских дошкольных учреждений в колхозной деревне 1930-х гг.: детских садах, яслях и площадках. Детские сады, как правило, представляли собой постоянные учреждения, действовавшие весь год. Детские ясли могли быть постоянными или сезонными; в последнем случае они организовывались на период напряженных сельхозработ, с апреля по сентябрь – октябрь включительно (хотя в начале 1930-х гг. они нередко создавались в колхозах только перед уборкой, то есть в конце лета²). В ряде случаев практиковалось создание так называемых «походных» или «полевых» детяслей, устраивавшихся непосредственно в поле, неподалеку от матерей.³ Детские же площадки действовали на протяжении одного сезона, чаще всего весенне-летнего. Кроме того, обычно детские сады создавались для детей разных возрастов. В яслях же, как правило, содержались дети в возрасте до четырех лет, а площадки организовывались для детей четырех – семи лет. Впрочем, если в колхозе насчитывалось не более двадцати детей, достаточно было открыть одно из таких заведений.⁴

¹ Примерный устав сельскохозяйственной артели от 17 февраля 1935 г. // История колхозного права. Т. 1. С. 430.

² Павлова. Организуйте детучреждения к весеннему севу // Коллективист. 1931. № 4. С. 56.

³ Еще в середине 1931 г. Северо-Кавказский крайколхозсоюз и краевое земельное управление (крайзу) приняли постановление «О ходе прополочной кампании в колхозах и единоличных хозяйствах края», где говорилось о необходимости широкого развертывания сети «детских полевых яслей» (Молот. 1931. 12 июня). Такие ясли, например, были устроены во время жатвы 1932 г. в колхозе «Мопр» (МОПР – Международная организация помощи борцам революции) Ставропольского района Северо-Кавказского края (Ставропольский М. Достойные премирования // Коллективист. 1932. № 16. С. 10).

⁴ Шустова М. Детские ясли и площадки в колхозе // Колхозное производство. 1944. № 2 - 3. С. 25

Как правило, во всех детучреждениях за детьми присматривали весь рабочий день. Учитывая специфику сельского хозяйства, в период основных сельхозработ рабочий день продолжался с раннего утра и до позднего вечера. Правда, сначала ясли работали лишь 6 – 7 часов, так что в 1931 г. специалисты рекомендовали увеличить продолжительность их функционирования до 8 – 10 часов.¹

При этом с детьми в возрасте приблизительно от года до нескольких лет особых проблем обычно не возникало: их кормили, с ними играли, укладывали спать. Но в яслях содержались и грудные дети, требовавшие гораздо большего внимания. Далеко не все колхозы могли позволить себе нанять достаточное количество нянь для ухода за младенцами. Поэтому в начале 1930-х гг. в яслях зачастую применялся весьма своеобразный вариант присмотра за грудничками. В этом случае утром, перед уходом на работу, матери кормили младенцев и относили их в ясли. Когда приходило время следующего кормления, детей грузили на телегу и везли в поле или на ток, к матерям, а затем возвращали в ясли, – до нового кормления.² В ряде колхозов такая практика сохранялась до самого конца 1930-х гг.³ В отдельных колхозах, судя по их уставам, кормящим матерям предоставлялась возможность самим прийти в ясли для кормления: для этого им давали работу в относительной близости от села и разрешали перерывы

¹ Павлова. Организуйте детучреждения... // Коллективист. 1931. № 4. С. 56.

² В колхозе им. Крупской Тихорецкого района Северо-Кавказского края в 1931 г. «в работу были втянуты многие женщины, кормящие ребят грудью... когда надо кормить ребят, запрягает дед Щербаков пару лошадей в подводу, на ней – на двух шестах – кумачовый лозунг: Нам нужна здоровая смена». «Смену» из детяслей бережно укладывают на подводу, а чтобы мухи и солнце не тревожили, покрыта подвода прохладным парусом, натянутым на основу». Детей везли к матерям, которые кормили их прямо на рабочем месте (Омельченко А. Домоседки у молотарки // Социалистическое земледелие. 1931. 2 сентября). С учетом подобной практики понятно, что имели в виду участники первого Северо-Кавказского съезда колхозников-ударников в марте 1934 г., говоря: «надо провести подвоз детей к матерям» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 166).

³ В. Ильенков в рассказе «Мечта» описал встречу на проселочной дороге с телегой, в которой младенцев «два раза на день... через каждые четыре часа», возили к матерям, работавшим в поле (Ильенков В. Мечта // Колхозник. 1939. № 1. С. 58 – 59).

«через каждые 2 – 3 часа».¹ Так, в ходе сельхозработ 1932 г. в немецком колхозе им. Тельмана Матвеево-Курганского района Северо-Кавказского края «при прополке женщины были разбиты на две категории: одни группы из молодежи и бездетных женщин работали на дальних участках, другие из домохозяек и многодетных работали на участках[, расположенных] ближе к селу».²

Первоначально дети должны были содержаться в колхозных дошкольных учреждениях за «счет их родителей».³ Как правило, механизм перечисления средств был прост: колхоз удерживал на детясли часть причитающихся колхозникам средств при распределении доходов на трудодни.⁴ В этой связи секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) М. Малинов указывал весной 1934 г., что «колхозники для детяслей должны вносить продукты из причитающихся им по трудодням»; исключение можно сделать лишь для ударников, дети которых в яслях могут питаться за счет отчислений из фондов колхоза.⁵ Только наиболее богатые коллективные хозяйства могли себе позволить за собственный счет создавать и поддерживать функционирование детских дошкольных учреждений.⁶ Впрочем, даже в этом случае колхозники вносили свою лепту в обеспечение детворы. Так, в 1931 г. в колхозе «Гремучий»

¹ Бородин А. О правилах внутреннего распорядка в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 1. С. 47.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 3184, л. 19.

³ «Коллективист» отвечает // Коллективист. 1932. № 17. С. 29.

⁴ Селькор Кочанов. «Мудрый» председатель // Колхозный путь. Газета политотдела Кореновской МТС. 1934. 22 июля.

⁵ Малинов М. За место в шеренге передовых // Молот. 1934. 8 апреля.

⁶ Нередко в начале 1930-х гг. колхозы засеивали определенные площади, урожай с которых шел на питание детей (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 101, л. 43, 67). Естественно, когда колхоз брал на себя обязанность обеспечения детучреждений всем необходимым, это лишь приветствовалось их работниками (не говоря уже о колхозниках), которым в таком случае не надо было бегать за родителями, дабы собрать с тех необходимые средства. Так, колхозница Игнатова радостно рассказывала делегатам первого Северо-Кавказского съезда колхозников-ударников в марте 1934 г.: «на 1934 г. мы не имеем такой заботы о детяслях, мы не идем собирать копейки, как это было раньше, для того, чтобы обеспечить ясли. У нас уже имеется фонд от колхоза и наши детские ясли уже обеспечены, как бельем, так простынями и кроватями» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 128).

Ставропольского района Северо-Кавказского края существовали детские ясли на 90 детей и детплощадка на 60 детей. По материалам прессы, в этих дошкольных учреждениях «питание детей [было] поставлено образцово»: дети получали белый хлеб, масло, макароны, вермишель, рис. Тем не менее, колхозницы все же доставляли «детям в общий котел коровье масло».¹ Нередко при организации яслей предметы быта (постельные принадлежности и пр.) приносили родители, как, например, в колхозе «Красное Черноморье» Геленджикского района Азово-Черноморского края в 1934 г.²

Лишь к исходу 1930-х гг. многие колхозы стали содержать детские дошкольные заведения за свой счет, выделяя помещения, продукты, инвентарь, оплачивая работу служащих. Взамен от колхозников требовалось только одно – полностью посвятить себя труду. В противном случае в качестве штрафных санкций, применяемых к провинившимся, выступала и такая мера, как оплата самими крестьянами расходов на содержание и уход за их детьми.³

Детучреждения в массовом порядке стали возникать в деревне в связи с коллективизацией; до этого они, как правило, создавались только в коммунах.⁴ Но коммун в составе колхозов было не столь уж и много (7 240 в 1930 г. в целом по СССР⁵) и, кроме того, далеко не в каждой из них имелись культурно-бытовые учреждения.⁶ В других типах колхозов (сельхозартелях и ТОЗах) культурно-бытовому обслуживанию не уделялась практически никакого вни-

¹ Чернухин Д. Включаемся в конкурс (Колхоз «Гремучий» Ставропольского района, Северо-Кавказского края) // Коллективист. 1931. № 15 – 16. С. 23.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 245.

³ ГАРО, ф. р-4340, оп. 1, д. 32, л. 2.

⁴ Так, к 1930 г. в коммуне им. А.П. Смирнова Терского округа Северо-Кавказского края дети находились «на полном иждивении» данного коллективного хозяйства, получали молоко и питание, а одежду им выдавали по мере износа (Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 93 – 94).

⁵ Уральский А. Формы колхозов на различных этапах движения к бесклассовому обществу // На аграрном фронте. 1934. № 9. С. 12.

⁶ Об этом, в частности, свидетельствуют материалы обследований эмигрантских коммун Северо-Кавказского края, проведенных во второй половине 1920-х гг. (ГАРО, ф. р-1185, оп. 2, д. 51, л. 12об, 138).

мания. Представители партийно-советского руководства СССР презрительно заявляли в конце 1920-х гг., что в деревне «о яслях больше говорят, чем их строят».¹ О том же сообщалось в докладной записке о кооперации сельского хозяйства на Ставрополье в конце 1928 г.: «совсем слабо поставлена культурно-бытовая работа в колхозах: школьное, внешкольное, медицинское и ветеринарное обслуживание».² Есть и другие подобного рода сообщения,³ на фоне которых увеличение в 1929 г. в ставропольских колхозах количества детских с 9 до 30 выглядит очень скромным достижением.⁴

В период коллективизации основной формой колхозов была провозглашена сельскохозяйственная артель, и теперь детские дошкольные учреждения стали создаваться в СССР десятками тысяч, в соответствии с количеством артелей. В частности, только в Армавирском округе Северо-Кавказского края за 1930 г. было открыто 600 детских площадок на 19 тыс. мест (в то время как в 1928 – 1929 гг. здесь было только 95 детских площадок на 4,4 тыс. мест).⁵ В этой связи в 1932 г. Северо-Кавказское крайоно сообщало правлениям коллективных хозяйств, что открывает курсы по дошкольному воспитанию для колхозниц, так как «предполагается расширение сети дошкольных учреждений при колхозах» (причем, что любопытно, это решение крайоно было основано еще на соглашении Центрколхозсоюза и Народного комиссариата просвещения СССР от 27 декабря 1927 г.!).⁶

Правда, процесс создания и организации функционирования детских дошкольных учреждений в колхозах Юга России (как, впрочем, и всей страны) продвигался с большим трудом. Коллективизация носила насильственный характер; поэтому колхозы и

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 38, л. 4об.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 439, л. 261об.

³ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 19, л. 15.

⁴ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1257, л. 9.

⁵ ГАРО, ф. р-1185, оп. 3, д. 4, л. 28об.

⁶ ГАРО, ф. р-2399, оп. 1, д. 666, л. 31а.

все, что было с ними связано (в том числе и детучреждения), вызывали отторжение крестьян. В советской прессе возмущенно отмечалось, что в Северо-Кавказском крае «кулаки», стремясь сорвать развертывание сети культурно-бытовых заведений, распространяли слухи о том, что «детей будут увозить в Китай на улучшение породы». На волне таких слухов многие крестьянки в станицах Каневской и Щербиновской выступили против организации яслей.¹ Сказывалась, конечно, и бездеятельность властей.²

Гораздо более серьезной проблемой являлась организационно-хозяйственная слабость большинства коллективных хозяйств Юга России (да и всей страны), которые зачастую попросту не могли создать детские ясли, сады, площадки, а если и создавали, то уровень обслуживания детей в них был ниже всякой критики. В конце 1930 г. в прессе Северо-Кавказского края признавалось, что положение с культурно-бытовыми заведениями в колхозах оставляло желать лучшего: «больших успехов в этой области [колхозы] еще не достигли», лишь в 21,8 % колхозов имелись детские ясли, у 9,7 % – детские сады.³ Были, конечно, успешные колхозы, сумевшие наладить работу детских дошкольных учреждений.⁴ Но не эти (относительно немногочисленные) колхозы определяли ситуацию в сфере надзора за детьми, а огромное большинство коллективных хозяйств, слабых и в организационном, и в хозяйственном плане. Впрочем, колхозы Юга России не пред-

¹ Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 5; Лукашенко Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 205.

² Так, в 1930 г. в Кубанском округе Северо-Кавказского края руководство колхозов и вышестоящие власти не уделяли «внимания вопросу организации детяслей и детплощадок» (ГАКК, ф. р-226, оп. 1, д. 652, л. 21).

³ Донской И. Край сплошной коллективизации. 1930 г. и перспективы на 1931 г. // Северо-Кавказский край. 1930. № 12. С. 45.

⁴ Иногда в одном коллективном хозяйстве создавались сразу несколько детяслей или детплощадок, как, например, в сельхозартели им. 9 января Мечетинского района Северо-Кавказского края, имевшей 7 детских яслей (Половенко, Беденко, Ершов, Мисюк. Принципы и практика организации постоянных бригад в колхозах // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 4. С. 119).

ставляли собой никакого исключения из правила: те же тенденции господствовали и по всей стране. Так, советские авторы констатировали, что в начале 1931 г. лишь 8,7 % советских колхозов было охвачено услугами детучреждений.¹

Правда, Н.А. Татаев, оценивая итоги 1931 г., говорил о «гигантских успехах» в деле «организации культурно-бытовых учреждений, которые освобождают мать-колхозницу от постоянных забот по уходу за ребенком, дают ей возможность участвовать в общественной и производственной жизни колхоза».² Но вышеприведенные материалы позволяют утверждать, что это было поспешное и голословное заявление, приукрашивавшее действительность. Слова Татаева стали более-менее соответствовать действительности лишь к середине 1930-х гг. Так, в марте 1934 г. в Северо-Кавказском крае планировалось охватить детяслями 80 тыс. детей и площадками – 120 тыс.³ В июне того же года первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов утверждал, что налицо «огромное развертывание ясельного дела», так как в крае было открыто 273 постоянных ясель на 65 тыс. детей и 1 188 сезонных ясель на 40 тыс.⁴ Таким образом, намеченные планы были даже перевыполнены (хотя сложно судить о реализации планов относительно детплощадок).

Однако, при положительных количественных сдвигах, качество функционирования многих колхозных детучреждений в первой половине 1930-х гг. оставалось далеким от идеала. Хотя еще в 1928 г. колхозам рекомендовалось предоставлять для детских ясель «помещения из 3-х комнат, питание для детей и бесплатный персонал (заведывающая, две няни и одна кухарка)»,⁵ зачастую эти требова-

¹ Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 5.

² Татаев Н.А. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 2. С. 105.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 111.

⁴ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 12.

⁵ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 19, л. 15.

ния не соблюдались. Источники первой половины 1930-х гг. пестрят сообщениями о том, что детские дошкольные учреждения зачастую размещались в непригодных помещениях, дети не получали необходимого питания (что вело к массовым заболеваниям и отравлениям), обслуживающий персонал был плохо подготовлен, относился к своим обязанностям спустя рукава, и т. п.¹ Характерный пример являли собой ясли колхоза им. Андреева Выселковской МТС Азово-Черноморского края: «в полутемной комнате душный, спертый воздух... Хлопья паутины мерно покачиваются над котлом. На печи, поверх духовки, обыкновенно, греются дети... У всех четырех стен стоят топчаны, покрытые грязными, замасленными ряднинками.² Стекла в окнах разбиты».³

Тяжелую ситуацию в сфере детского обслуживания в колхозах Юга России как бы подытожила представитель Новороссийского горздравотдела Горяйнова на межрайонном совещании секретарей колхозных партийных ячеек (Новороссийск, 28 февраля – 1 марта 1934 г.). По ее словам, «до сих пор мы считали, что важно засыпать семена, подготовить тягловую силу, инвентарь и прочее, а вот ясли всегда остаются на последнем месте... Нужно делать наши ясли показательными, а выходит так, что ясли открыли, детей согнали, а в яслях ничего нет: ни кроваток, ни стульев, ни столов, ни посуды. Часть детей обедает, а часть ожи-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 244; ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 111; д. 69, л. 18; д. 71, л. 15; ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 5, 28 – 29.

² Ряднина, рядно – кусок грубой ткани.

³ Ходос Ф., Гончаров А. Яслям необходима помощь // Молот. 1934. 26 марта. Не лучшее зрелище представляла собой детская площадка колхоза «Волна хлебороба» Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края: «в кроватках развелось много клопов, их никто не выводит. Из-за этого дети не хотят ночевать на детплощадке, а бегут домой. Днем дети бродят по улице и ходят купаться в грязный пруд, никакого наблюдения за ними нет» (Селькор. Короткие сигналы // Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 12 сентября). Детские ясли колхоза «Украинец» Анапского района Азово-Черноморского края были помещены в доме, расположенном рядом с конюшней и свинарником. Когда заведующая яслями попыталась исправить положение («нужно отделить детвору от свиней»), колхозное начальство ответило ей, что других помещений нет (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 101, л. 88).

дает, такое положение никуда не годится».¹ В этих словах явно чувствуется, что проблема заключалась именно в качественной составляющей детского обслуживания: к 1934 г. ясли были организованы при большинстве колхозов Юга России, но функционирование их было очень далеко не то что от идеала, но от более-менее приемлемых норм санитарии и гигиены.

В немалой мере причиной неудовлетворительного санитарно-гигиенического состояния многих детских дошкольных заведений в колхозах Дона, Кубани и Ставрополья являлось их слабое финансирование. Государство, по существу, устранилось от решения этой задачи, возложив содержание детучреждений на колхозы и самих колхозников; но ни первые, ни вторые не обладали необходимыми для этого средствами. Так, в 1931 г. в Северо-Кавказском крае колхозы отчисли на культурно-бытовые нужды только 0,7 % валового дохода (а, например, средства, пошедшие на административно-хозяйственные расходы, составили 1,8 % валового дохода²). Естественно, что в этих условиях детучреждений получали лишь минимум средств, которых не могло хватить для обеспечения их эффективного функционирования. И, конечно, на состоянии детских дошкольных заведений в колхозах сказывалась безалаберность, халатность и злоупотребления колхозной администрации.³

Во второй половине 1930-х гг., в ходе дальнейшего укрепления колхозной системы и некоторого (впрочем, не очень значительно-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 101, л. 34 – 35, 36.

² Володкович М. О распределении доходов колхозах // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 42.

³ Нередко колхозные управленцы использовали помещения детских садов и яслей для других целей: как отмечали члены проверочных комиссий Северо-Кавказского края в 1936 г., в целом ряде колхозов края «многие помещения детских садов до последнего времени были заняты под квартиры, под курсы – под что угодно, только не под детские сады» (Детский участок посевной. Сады и площадки в колхозах // Северо-Кавказский большевик. 1936. 30 марта). Иной раз руководители колхозов обворовывали детей, «приписывая» продукты, отпущенные для детучреждений. Этим, например, занимался в 1933 г. член правления колхоза им. Луначарского Кропоткинского района Северо-Кавказского края Щуцкий (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 76).

го) усиления внимания государства к нуждам деревни, положение с детучреждениями в колхозах Юга России заметно улучшилось. Так, расходы государства, колхозов и общественных организаций на социально-культурные мероприятия в расчете на душу населения увеличились с 61, 73 руб. в 1932 г. до 234,74 руб. в 1937 г.¹

Советские авторы в это время справедливо отмечали, что «активное вовлечение женщин в производственную работу сопровождается широким развертыванием в колхозах строительства детских учреждений, детских садов, яслей, площадок, организацией общественного питания, прачечных и пр.».² Действительно, сеть детских дошкольных учреждений росла с каждым годом. Так, в марте 1936 г. Азово-Черноморский крайком ВКП(б) решил утвердить сеть детских дошкольных учреждений с охватом детей «примерно на 10 % больше против фактической сети и охвата в прошлом году».³ Подавляющее большинство колхозов обзавелись такого рода учреждениями. В Краснодарском крае в 1939 г. в постоянных сельских яслях насчитывалось 13,6 тыс. мест⁴ (это общие цифры, а в собственно колхозных постоянных яслях было 10,7 тыс. мест), в сезонных колхозных яслях – 78 тыс. мест.⁵ В 1940 г. в донских колхозах имелось 229 постоянных и 2 212 сезонных детских яслей, рассчитанных в общей сложности на 85,8 тыс. мест, а также 49 постоянных и 476 сезонных детских садов и площадок, которые могли принять около 17 тыс. детей.⁶

Во второй половине 1930-х гг. немало колхозов, подобно сельхозартели им. Военсовета СКВО Ростовской области, обес-

¹ Вылцан М.А. Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 21.

² Котов Г., Стуков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150.

³ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 251, л. 87.

⁴ Статистические данные о состоянии просвещения, культуры, здравоохранения края в 1937 – 1939 гг. // Краснодарский край в 1937 – 1941 гг.... С. 525.

⁵ ГАКК, ф. р-687, оп. 1, д. 3, л. 22.

⁶ ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 1. л. 98.

печивали детей всем необходимым и могли себе позволить потратить 4 тыс. рублей на детские игрушки.¹ Но, несмотря на довольно многочисленные положительные примеры, и в данное время состояние многих колхозных детсадов, яслей или площадок оставляло желать лучшего. По-прежнему детучреждения размещались в непригодных помещениях, за детьми плохо присматривали, кормили недоброкачественными продуктами, и т. д. По-прежнему представители колхозной и местной администрации незаконно занимали помещения яслей. Подобные факты содержались, например, в одной из статей в журнале «Колхозница» Азово-Черноморского края, написанной по материалам исследовательской работы ряда сельских корреспондентов.²

Все же, невзирая на негативные примеры, в целом развитие в колхозах сети детских дошкольных учреждений и повышение эффективности их функционирования к исходу 1930-х гг. можно считать одним из весомых факторов повышения трудовой активности женщин-колхозниц, выразившейся в увеличении количества выработанных ими трудодней. К исходу 1930-х гг. женщины составляли 59,5 % сельских трудовых ресурсов,³ выработав по стране только в 1936 г. 35,8 % трудодней от их общего количества.⁴

Итак, в 1930-х гг. существовал ряд важных факторов, оказывавших существенное, а зачастую определяющее, влияние на вовлечение женщин в колхозное производство и уровень их трудовой активности. Нередко (особенно в первой половине 1930-х гг.) процесс вовлечения женщин в колхозное производство замедлялся. Происходило это не только из-за влияния крестьянских и ка-

¹ Куприянов П.В. Платежи колхоза им. Военсовета СКВО // День нашей жизни. С. 201.

² Юрасова П., Зинчук А.И., Васильцова У., Смирнова. Позорное топтание на месте // Колхозница. 1937. № 4. С. 19 – 21.

³ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

⁴ Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Советская деревня в третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150.

зачьих традиций, но, главным образом, в силу организационно-хозяйственной слабости колхозной системы. Вместе с тем, поставленная властями задача максимально полного приобщения женщин к общественному труду выполнялась на протяжении 1930-х гг. достаточно активно; Р.Т. Маннинг в этой связи справедливо замечает, что «государственная поддержка женщины-производительницы особенно сильна была в деревне».¹ В итоге усилий органов власти и самих колхозов, а также в результате общего организационного и экономического укрепления коллективных хозяйств к исходу 1930-х гг., негативное влияние перечисленных в нашей работе факторов производственной активности женщин колхозниц было минимизировано.

2.2. Особенности трудовой занятости женщин-колхозниц (виды и специфика работ в колхозах)

Коллективизация представляла собой комплекс насильственных, но все же преобразований российской деревни, в рамках которых перестраивались в соответствии с требованиями времени («осовременивались») формы, способы и приемы хозяйствования, социальное устройство, весь жизненный уклад крестьянства. В результате механизации, развития агротехники, создания крупных форм животноводства значительно усложнился и стал намного более разнообразным труд крестьянина: появилась масса новых занятий, производственных операций, профессий. Все это в конечном итоге существеннейшим образом отразилось и на женском труде в коллективных хозяйствах.

Свидетельством модернизации сферы женского труда в коллективизированной деревне выступало, прежде всего, повышение трудовых затрат, по сравнению с доколхозным периодом. Спору нет, в досоветской и в доколхозной деревне женщине хватало за-

¹ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

бот (поле и огород, скотина, приготовление пищи, дети, пряжа и ткачество, и пр., и пр.); справедливы утверждения исследователей, что в доколхозной деревне «на женщину смотрели прежде всего как на семейную работницу, способность работать нередко была главным критерием при выборе невесты».¹ Но в рамках колхозной системы заботы женщины возросли как минимум вдвое, поскольку к необходимости заниматься домашним хозяйством добавилась обязанность участия в общественном производстве.² Причем обязанность эту следовало выполнять как можно более активно, к чему колхозниц разнообразными способами побуждали органы власти. Нельзя забывать и о повинностях колхозников, не связанных с аграрным производством.³

К этому следует добавить повышение трудовой нагрузки в колхозах по сравнению с индивидуальными хозяйствами. По оценкам советских исследователей, уже в начале 1930-х гг. нагрузка на одно коллективное хозяйство в два, а в ряде случаев даже в три раза превышала нагрузку на одно индивидуальное хозяйство.⁴ Подобное положение явилось закономерным следствием расширения посевных площадей в колхозах и сокращения численности колхозников за счет оттока в города и на производство (а также результатом уклонения многих членов колхозов от участия в общественном производстве).

¹ Вишневский А.Г. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 131.

² Как пишет Л.Н. Денисова, «если бы работа женщин по дому и в семье рассматривалась в качестве одного из видов производственной деятельности, то общий объем производства, по данным ООН, увеличился бы на 25 – 30 %, хотя такая работа никак не оплачивается и считается, что эта женщина «не работает» (Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки... С. 410).

³ К таким повинностям относились лесозаготовки (к ним привлекались мужчины в 16 – 55 лет и женщины 16 – 45 лет), торфоразработки (те же возрастные категории), дорожная, или трудо-гужевая, повинность (содержание дорог, предоставление властям тягловой силы; к выполнению этой повинности привлекались мужчины 18 – 45 лет и женщины 18 – 40 лет), и т. д. (Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930 – 1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 98, 100 – 191).

⁴ Караваев А., Иезуитов В. Колхозное строительство накануне второй пятилетки // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 5. С. 9.

Надо признать, что по мере развития колхозной системы (особенно из-за повышения уровня механизации сельхозработ) трудовые затраты колхозниц в общественном производстве постепенно снижались, труд их становился легче, чем в доколхозной деревне. Но это произошло гораздо позже исследуемого нами периода, не ранее 1960-х – 1970-х гг. В 1930-х гг., когда уровень механизации в колхозах еще не был достаточно высок, а численность мужчин сократилась, степень женских трудовых затрат заметно возросла.

Модернизация женского труда на селе в 1930-х гг. выражалась также в значительном расширении сферы приложения трудоусилий колхозниц. В доколхозной деревне круг женских обязанностей был, безусловно, широк, но более однообразен, чем в колхозах. Как уже отмечалось выше, перед колхозной системой была поставлена задача не только привлечь к производству максимально возможное количество женщин, но и направить их в те отрасли, на те работы, которые ранее считались типично «мужскими». В период коллективизации власти настоятельно рекомендовали: «каждый колхоз должен обеспечить выдвижение женщин на квалифицированные работы бригадиров, заведующих отраслями, на работы при сложных машинах и т. п. При посылке на те или иные курсы следует закреплять твердый процент за колхозницами, особенно девушками».¹ Действительно, согласно положению о вечерней школе колхозной молодежи (ШКМ), утвержденному Наркоматом просвещения РСФСР и Колхозцентром РСФСР 24 апреля 1932 г., эти заведения создавались с целью подготовки «кадров массовой квалификации» для колхозов и МТС (полеводов, бригадиров, механизаторов, и пр.). Причем среди учащихся (возраст их колебался от 16 до 25 лет) должно было быть «не менее 50 % девушек-колхозниц».² Тем самым советско-партийное руководство стремилось расширить сферу применения женского труда в кол-

¹ Малевич Ф.Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 7.

² ГАРО, ф. р-2373, оп. 1, д. 20. л. 73.

хозах (хотя мотивы подобного стремления не исчерпывались только практическим расчетом, ибо для большевиков было вообще характерно провозглашать равноправие женщин с мужчинами, в том числе и в труде).

Думается, отчасти подобные действия сталинского руководства оправдывает стремление рационально использовать трудовые ресурсы советской деревни. При условии расширения сферы применения женского труда удалось бы высвободить часть мужчин-колхозников и перебросить их из сельского хозяйства в промышленность, нуждавшуюся в свободных рабочих руках. В этом (а также в повышении материальной независимости женщины, превращении ее в равноправного партнера мужчины-работника) заключалось достоинство модернизации сферы женского труда в колхозах. Но при всех плюсах хватало и минусов. Достаточно указать хотя бы на то, что труд в «мужских» отраслях, которые в 1930-х гг. активно осваивались колхозницами и вообще жительницами села, был очень тяжел, что далеко не лучшим образом сказывалось на здоровье и физическом состоянии женщин, а в долгосрочной перспективе – на генофонде нации.

Источники позволяют утверждать, что в 1930-х г. женщины были заняты практически во всех отраслях колхозного производства: полеводстве, огородничестве, садоводстве, луговодстве, животноводстве и т. д. Но степень использования женского труда была различной в каждой из данных отраслей. В то же время женщины активно вовлекались в сферу механизации (трактористки, комбайнерки), на работу в опытно-исследовательские учреждения (колхозные хаты-лаборатории), в культурно-бытовые учреждения, на руководящие должности, и пр. В предшествующих частях нашего исследования мы уже говорили о роли и удельном весе женщин в составе колхозной администрации, о культурно-бытовых учреждениях в колхозах. Не будем повто-

ряться и остановимся на освещении производственной деятельности женщин в колхозах, на ее специфике, на сочетании (порой причудливом) традиций и новаций.

Ведущей отраслью экономики большинства колхозов Юга России являлось полеводство, то есть выращивание таких сельскохозяйственных культур, как зерновые (в частности, колосовые – пшеница, ячмень, овес и пр.) и бобовые, свекла, подсолнечник, лен, клещевина и пр. Так, к исходу 1937 г. на Кубани насчитывалось 2 677 колхозов,¹ из которых две трети занимались полеводством: 368 коллективных хозяйств были ориентированы на производство зерновых культур, 332 – масличных (клещевина, подсолнух, и пр.), 413 – лубяных (лен-долгунец, и т. д.), 164 – на производство хлопка, 436 являлись свекловичными. Только 300 колхозов принадлежали к плодовоовощному направлению аграрного производства, а еще 664 выращивали табак.² Учитывая специфику колхозного производства, именно в полеводстве было занято подавляющее большинство колхозников, в том числе и женщин. По данным Э.В. Лукашенко, в 1932 г. в колхозах Северо-Кавказского края 66,2 % затраченного за год женского труда было использовано в полеводстве, 9,4 % – в животноводстве и примерно 6,5 % – в садоводстве и огородничестве.³

В колхозном полеводстве было достаточно ярко выражено разделение труда; женщины здесь принимали участие не во всех производственных операциях. Как правило, женский труд почти не использовался на таких тяжелых работах, как пахота и сев (хотя в условиях организационно-хозяйственной неразберихи, присущей вначале большинству колхозов, бывали исключения из

¹ В середине года на Кубани было 2 433 колхоза. Увеличение до 2 677 колхозов было достигнуто, видимо, путем разукрупнения коллективных хозяйств во время нового районирования, произошедшего после раздела Азово-Черноморского края на Ростовскую область и Краснодарский край (ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 3, л. 142).

² ЦДНИ КК, ф. 1774-а, оп. 1, д. 87, л. 26.

³ Лукашенко Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 202.

этого правила¹). В основном женщины привлекались к прополке и к уборке урожая, причем во время уборочной кампании опять-таки наблюдалось разделение труда, о чем мы скажем ниже.

Необходимо отметить, что гендерное разделение труда в полеводстве было присуще и доколхозной деревне. Исследователи указывают, что в XIX – начале XX вв. на Ставрополье во время уборки урожая мужчины косили, а женщины вязали снопы (хорошей вязальщицей считалась та крестьянка, которая одна успевала вязать за своим косарем).² Поэтому можно утверждать, что в 1930-х гг. занятость женщин в колхозном полеводстве не претерпела принципиальных изменений (при всем том, что появились новые профессии, новые занятия). Зато разделение труда в колхозах в значительно большей мере, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах, способствовало социальной защищенности женщин.

Мы имеем в виду тот факт, что в индивидуальном крестьянском хозяйстве в случае смерти мужа на женщину ложилась вся тяжесть хозяйственных забот (пахота, сев, и пр.). В условиях же коллективного хозяйства смерть или уход супруга не влекли за собой необходимость для женщины выполнять «мужские» производственные операции, так как этим занимались другие колхозники. Крестьянки и казачки Юга России по достоинству оценили это преимущество колхозного устройства, говоря: «в казачьей семье без мужчины было трудно, не то, что в колхозе, где есть разделение труда и самые тяжелые работы выполняются мужчинами».³

Прополка, от которой напрямую зависело качество и размер урожая, являлась почти исключительно женским делом. В 1934 г.

¹ В частности, на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. говорилось: «у нас бывают такие чудеса, что за плугом ходит подросток, иногда девочка лет двенадцати, а отец ее в это время на солнышке греется» (Обращение первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников ко всем крестьянам-колхозникам Союза ССР // Коллективист. 1933. № 3 – 4. С. 9).

² Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне: очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994. С. 34, 35.

³ Трофименко Е.Е. По стахановской дороге // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 3.

начальник политсектора Северо-Кавказского крайзу Шацкий подчеркивал, что «в прополке играет большую роль женщина».¹ Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов был еще более категоричен, говоря в 1935 г.: «женщина у нас огромнейшая решающая сила и сейчас [она] по сути дела решает проблему прополки и будет играть огромную роль на уборке».²

Что любопытно, на Юге России мужчины не только не расстраивались по поводу «огромной роли» женщин в прополке, но без спора готовы были уступить слабой половине человечества пальму первенства в данном мероприятии. Такая позиция, по свидетельству современников, объяснялась в первую очередь гендерными стереотипами, сложившимися на Юге России, особенно в казачьих районах: «у нас в колхозах не изжит еще один очень вредный предрассудок. Этот предрассудок вытекает из мелкого индивидуального производства. заключается он в том, что женщины могут работать только на одной определенной работе, а мужчины – только на другой. Существует такой порядок например на Кубани, на Тереке, на Нижней Волге, где казак-мужчина не может идти полоть подсолнухи, не хочет полоть огороды... Видите ли, ниже его мужского достоинства заниматься полкой подсолнуха, сои, кукурузы, свеклы, картофеля».³

Упорное нежелание мужчин ронять собственное достоинство путем участия в прополке действительно превращало женщину в решающую силу, осуществлявшую прополочные кампании. Правда, как уже отмечалось, в первой половине 1930-х гг., когда колхозники нередко получали за свой труд символическое вознаграждение, многие женщины предпочитали работать на собственных огородах, а не пропалывать колхозные поля. Уже летом

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 35, л. 46.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 15.

³ Татаев Н.Я. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 2. С. 123.

1930 г. представители руководства Северо-Кавказского края признавали, что на прополку выходило мизерное количество колхозников, «и то, главным образом, молодняка».¹ Летом 1934 г. на Кубани прополка подсолнуха была выполнена на 30 – 70 %, а в трех районах – лишь на 0,8 – 14 %.² Таким образом, женщины, как «огромнейшая решающая сила» колхозного полеводства, могли не только выполнить прополку, но и сорвать ее.

Важную роль колхозницы играли и в уборке зерновых, пропашных и технических культур. Источники позволяют утверждать, что в 1930-х гг. колхозницы в основном не занимались непосредственно кошением зерновых культур (если не считать женщин, которые по окончании специальных курсов работали на комбайнах и пиккерах³). Конечно, и здесь не обошлось без исключений из правила. Так, в 1939 г. в 12 колхозах Сенюхинской МТС (Спокойненский район Краснодарского края) колхозники «всю площадь [зерновых] скосили серпами»;⁴ понятно, что этим занимались преимущественно женщины. Бывало, что в некоторых колхозах из-за безалаберности руководства и гендерных стереотипов к уборке отдельных сельхозкультур привлекались исключительно женщины. В частности, осенью 1937 г. в Бурлацком районе Орджоникидзевского края уборка хлопка превратилась в «чисто женское дело»; председатель колхоза им. Молотова Логвинов, вместо того, чтобы организовать применение мужского труда, стремился «рационализировать» труд женщин и рассуждал, «что доярки после утренней дойки могут до вечера собирать хлопок».⁵ На наш взгляд, в данном случае сыграло свою роль то обстоятельство, что уборка хлопка производилась путем срывания созревших «коробочек». Вероятно, с точки зрения ставропольских колхозников выполнение этой, относитель-

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1074, л. 50б.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 166 – 167.

³ Пиккер – машина для уборки кукурузы.

⁴ ЦДНИ КК, ф. 1774-а, оп. 1, д. 978, л. 83.

⁵ На хлопковых полях не видно мужчин // Орджоникидзевская правда. 1937. 15 октября.

но несложной, операции (как и выполнение прополки) наносило ущерб их достоинству и самолюбию, в связи с чем на поля отправлялись женщины. Кроме того, по всей видимости, мужчины не стремились на хлопковые поля потому, что урожайность хлопка в колхозах была низка и он не приносил высоких доходов.

Факты подобного рода не были единичными, но все же не имели столь широкого распространения, чтобы нельзя было говорить о наличии гендерного разделения труда в колхозах во время уборки урожая. Результаты анализа источниковой базы, имеющейся в нашем распоряжении, дают основания полагать, что, например, зерновые культуры на Юге России косили мужчины-колхозники: либо вручную, либо на жатках и лобогрейках на конной или механической тяге. Женщины же собирали скошенные колосья, связывая их в снопы или складывая в копны и скирды. После того, как во второй половине 1930-х гг. на Юге России уборка колосовых стала выполняться в основном комбайнами, женщинам оставалось убирать только солому, скирдуя ее.

Бригады, занимавшиеся сбором скошенного хлеба, обычно делились на вязальщиков, носильщиков и укладчиков,¹ причем обязанность вязать снопы возлагалась исключительно на женщин.² Переносить же снопы и складывать их в копны, а также скирдовать разрозненные колосья могли как женщины (на фотодокументах нередко можно увидеть женщин, скирдующих хлеб³), так мужчины и подростки. Правда, в первой половине 1930-х гг. перед многими коллективными хозяйствами Юга России возникла неожиданная проблема, не наблюдавшаяся (более того, немыслимая) в доколхозной деревне и вызванная в основном коллективизацией. Проблема эта заключалась в том, что в ходе

¹ Чернухин Д. Включаемся в конкурс (Колхоз «Гремучий» Ставропольского района, Северо-Кавказского края) // Коллективист. 1931. № 15 – 16. С. 23.

² Судаков. Образцы большевистской работы // Коллективист. 1933. № 18. С. 24 – 25.

³ Коллективист. 1931. № 15 – 16. С. 45.

«колхозного строительства» молодые жители села утратили (точнее, не успели приобрести) целый ряд производственных навыков, таких, как ручной разбросной сев, сноповязание, и т. п.

В доколхозной деревне молодежь обучалась премудростям сельского труда с детства, помогая старшим. Так, в семьях ставропольских крестьян девочки начинали учиться вязанию снопов с 10 – 12 лет, работая вместе с родителями на уборке урожая.¹ Но в период коллективизации произошла резкая, ускоренная смена хозяйственных укладов (индивидуальные крестьянские хозяйства были заменены хозяйствами коллективными), в рамках которой изменились и формы организации производства. На смену крестьянской семье как форме организации труда пришла производственная бригада, в которой колхозники-родители утратили роль учителей для своих детей. В качестве других причин утраты молодыми колхозниками ряда производственных навыков, хорошо знакомых жителям доколхозной деревни, следует назвать неналаженность системы сельхозобучения, разрыв поколений, нередко принимавший формы прямой вражды, а также некоторое повышение уровня механизации аграрного производства (впрочем, постепенная механизация сельского хозяйства, вытеснявшая ручной труд, наблюдалась еще до коллективизации). Да и вообще с разворачиванием коллективизации перечисленные трудовые навыки считались «устаревшими», присущими уходящему в прошлое единоличному крестьянству, и поэтому им никто специально не обучался; казалось, колхозникам, вооруженным различными механизмами, они уже не будут нужны. Но суровая реальность властно поправила замыслы энтузиастов «колхозного строительства»: пришлось заниматься и сноповязанием, и ручным севом, и т. д.

В итоге многие молодые колхозницы не умели вязать снопы, что ставило коллективные хозяйства в тяжелое положение: ведь

¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 35.

специальных машин-сноповязалок катастрофически не хватало, и скошенные колосья, оставленные на поле в валках, гнили под дождем. В этой ситуации на помощь колхозам пришли колхозницы старших возрастов. Они не только сами вязали снопы (что было отнюдь не легкой задачей, учитывая почтенный возраст этих женщин, нередко превышавший 60 лет), но и одновременно обучали этому молодежь. Инспектор по качеству одного из колхозов Азово-Черноморского края Ульяна Дубривная рассказывала в 1934 г.: «на снопах работаю я, вязальщица. Стали вязать у нас, молодые плачут[,] не умеют. Ну поехала я. Я умею. Мы украинцы, так все вязали. Рассказала. Несколько душ, душ 50 научила и сама работала с ними».¹ О том же говорила колхозница Маршайкина на первом Северо-Кавказском краевом съезде колхозников-ударников в марте 1934 г.²

Овладев искусством сноповязания, девушки-колхозницы работали ничуть не хуже, чем их бабушки и матери. Как правило, молодежь в большей мере, чем старшее поколение, была готова мириться с низкой оплатой труда в колхозах, поскольку верила, что самоотверженный труд приближает наступление «светлого будущего». К тому же молодежь была более восприимчива к новым методам стимулирования трудовой активности, в частности, к «социалистическому соревнованию». Подобного рода соревнования часто устраивались между разными колхозами или бригадами и звеньями внутри одного коллективного хозяйства. Соревновались и сноповязальщицы. Так, во время уборочной кампании 1932 г. в колхозе «МОПР» Ставропольского района Северо-Кавказского края впереди шло звено Марии Аниськовой, состоявшее исключительно из женщин.³

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 11, л. 4.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 36 – 37.

³ Ставропольский М. Достойные премирования // Коллективист. 1932. № 16. С. 10.

Если в полеводстве женский труд применялся наравне с мужским или преобладал лишь в ходе выполнения отдельных производственных операций, то огородничество и бахчеводство являлись «женскими» отраслями колхозной экономики. Так было и в целом по СССР, как отмечает В.Б. Жиромская,¹ и на Юге России, где еще в XIX в. «уход за огородом считался женским делом».²

Необходимо, впрочем, отметить, что огородничество и бахчеводство далеко не сразу были признаны в колхозах СССР, что соответствующим образом отражалось и на степени использования здесь женского труда. Вообще-то огородничество представляло собой выгодную отрасль для колхоза, особенно если он располагался недалеко от города, где можно было легко и быстро реализовать выращенные овощи.³ Но в первой половине 1930-х гг. власти требовали от колхозов максимального расширения площадей зерновых и технических культур, а не овощей, картофеля, бахчевых. Лишь к исходу 1930-х гг. перед колхозами была поставлена задача обеспечить городское население картофелем и овощами. Однако многие колхозы игнорировали данное решение, не желая перестраивать свои производственные планы. Краевое руководство Краснодарского края, например, докладывало в 1940 г., что многие колхозы, даже расположенные в пригородных зонах, не только не увеличивают, но уменьшают площади овощей и картофеля.⁴

Вместе с тем, несмотря на указанные негативные тенденции, специфика коллективных хозяйств Юга России была такова, что здесь огородничество и бахчеводство были развиты в большей степени, чем во многих других краях и областях Советского Союза

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 169.

² Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 42.

³ Так, колхоз «Пятилетка» Ейского района Северо-Кавказского края в 1933 г. мог выдать своим колхозникам до 4 руб. на трудодень, так как имел «богатейшие сады и крупнейшие огороды». Остальные колхозы района выдавали своим членам на трудодень лишь по 15 – 30 коп., а то и вообще ни копейки (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 16, л. 35).

⁴ ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 10, л. 12.

(хотя степень развития указных отраслей все же нельзя было признать удовлетворительной). В частности, краевое руководство Краснодарского края в 1940 г., хотя и констатировало печальную тенденцию сокращения многими колхозами площадей картофеля и овоще-бахчевых культур, но отмечало, что удельный вес данных культур в общих посевных площадях края достаточно велик.¹

Поэтому уже в начале 1930-х гг. исследователи отмечали, что в колхозах Северо-Кавказского края, по сравнению с мужчинами, «удельный вес женского труда в работах, относящихся к огородничеству, составляет 61,1 %»² (причем, если в центральных районах СССР на колхозные сады и огороды уходило 1,2 – 5,6 % общих затрат женского труда, то в Северо-Кавказском крае – 6,5 %³). Бригады, занятые на колхозных огородах и бахчах, состояли в подавляющем большинстве из женщин. Так, в 1939 г. в колхозе им. 5 декабря Арзгирского района Орджоникидзевского края в двух полеводческих бригадах было 185 мужчин и 193 женщины, а в огородно-бахчеводческой бригаде – 5 мужчин и 10 женщин.⁴ Согласно производственному плану сельхозартели «Борьба за урожай» того же района на 1940 г., в 2 полеводческих бригадах должно было состоять 100 мужчин и лишь 23 женщины, а в огородной бригаде – 10 женщин и только 2 мужчин.⁵ В одной из публикаций в «Орджоникидзевской правде» шла речь о прекрасном огороде колхоза им. Красной Армии Буденовского района, причем среди работавших здесь были названы лишь колхозницы: Марина Рудоманова, Анна Скрипченко, Прасковья Дегтярева, Мария Данилова, Мария Коханцева, Анна Лукашева и Пелагея Сафонова.⁶

¹ ГАКК, ф. р-1378, оп. 2, д. 4, л. 48.

² Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 203.

³ Там же, С. 202.

⁴ ГАСК, ф. р-5350, оп. 1, д. 6, л. 2.

⁵ ГАСК, ф. р-2870, оп. 1, д. 12, л. 2, 2об.

⁶ Меркулова Д. На колхозных огородах // Орджоникидзевская правда. 1939. 16 июня.

Добавим, что в колхозах, специализировавшихся на производстве огородно-бахчевых культур, практиковалось разделение труда, подобно тем коллективным хозяйствам, которые акцентировали усилия на полеводстве. Так, в колхозе «Красное Черноморье» Геленджикского района Азово-Черноморского края огородные бригады делились на группы сажальщиц, поливальщиц и польщиц.¹

В отличие от полеводства, огородничества, бахчеводства, в колхозном животноводстве Юга России женщины долгое время играли менее важную роль. Можно выделить ряд причин этого явления.

Прежде всего, женщины, как правило, работали доярками и свинарками на колхозных молочнотоварных (МТФ) и свинотоварных (СТФ) фермах.² Но животноводство Дона, Кубани и Ставрополя понесло огромные потери в ходе коллективизации и из-за колхозной бесхозяйственности, выражавшейся в недостатке, не приспособленности или неустроенности ферм, нехватке кормов, неналаженности ветеринарного обслуживания, и пр. По сравнению с 1928 г., в 1932 г. в Северо-Кавказском крае оставалось только 43,1 % крупного рогатого скота и 40,8 % свиней.³ Резкое сокращение поголовья скота имело следствием минимальное количество рабочих мест на колхозных молочно- и свинотоварных фермах.

Второй причиной относительно небольшой занятости женщин в колхозном животноводстве (особенно в ряде его отраслей) можно назвать гендерные стереотипы населения Северо-Кавказского региона. В национальных районах Северного Кавказа животноводство считалось мужским делом, женщины сюда не допускались: в первую очередь это касалось овцеводства и коневодства, в мень-

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 243об.

² Руководители Крымского района Северо-Кавказского края в 1931 г. прямо подчеркивали этот факт, указывая, что «в молочном хозяйстве главная роль принадлежит... женщине» (Слобухов П. Колхозница стоит в стороне от управления колхозом // Коллективист. 1931. № 4. С 10).

³ Сысоев Ал., Ильинская А.С. Состояние и задачи животноводства края // Северо-Кавказский край. 1932. № 3 – 4. С. 18, 19.

шей мере – разведения крупного рогатого скота. Причем такое положение, по словам представителей краевого руководства Орджоникидзевского края, сохранялось даже в конце 1930-х гг.¹ Да и в русских регионах Северного Кавказа женщины почти не участвовали в овцеводстве и коневодстве.

Правда, в 1934 г. в колхозах Северо-Кавказского края женщины-колхозницы, по призыву краевого руководства, встали на охрану конского поголовья, до крайности истощенного вследствие бесхозяйственности.² Однако это было временное явление, вызванное кризисом «чувства хозяина» у мужчин южнороссийской деревни (кризис же этот, в свою очередь, стал следствием разрушительного импульса коллективизации). Впоследствии все вернулось на круги своя, и даже сегодня нам трудно представить себе женщину-чабана или женщину-конюха. Впрочем, учитывая, насколько тяжел труд доярок и свинок,³ даже отрадно, что во время коллективизации не произошло вовлечение женщин в овцеводство и коневодство, где им так же пришлось бы затратить довольно значительное количество трудов усилий.

До самого конца 1930-х гг. женский труд преобладал лишь в указанных нами отраслях животноводства (на МТФ и СТФ); не случайно специалисты указывают, что в советских колхозах к исходу рассматриваемого десятилетия среди скотников, конюхов, доярок 45 % составляли женщины.⁴ Кроме того, женщины безраздельно господствовали на птицеводческих колхозных фер-

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 480, л. 68.

² Как отмечали представители местного руководства и сами колхозницы, женщины «взялись кормить коня, чистить его», «сейчас женщины делают все, мужчины только смотрят, [как] женщины чистят лошадей» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 4, 9). По этому поводу первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов сказал: «так по-старому – корова – дело бабье, а лошадь – дело мужика. Мужик от лошади отступился[,] а баба справилась с лошадыю» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 13).

³ Л. Иванов, освещающий тяжелый труд доярок, писал: «Многие доярки говорили мне: – На нашей работе мужик не выдерживает!..» (Иванов Л. Лицом к деревне // Новый мир. 1966. № 5. С. 67).

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 168.

мах.¹ Но в овцеводстве и коневодстве удельный вес женского труда, в лучшем случае, приближался к мужскому, а чаще уступал ему. В итоге, если рассматривать колхозное животноводство Юга России в целом, без различия отраслей, то можно констатировать, что доля женского труда здесь была ниже, чем мужского. Характерным примером выступает разделение рабочих мест между мужчинами и женщинами в животноводческой бригаде колхоза «Борьба за урожай» Арзгирского района Орджоникидзевского края. По производственному плану на 1940 г., зимой в животноводстве должно было работать 50 мужчин и 17 женщин, летом – 50 мужчин и 32 женщины.² Сезонные колебания численности женщин, при неизменности мужского состава, объяснялись, на наш взгляд, тем, что зимой требовалось меньше доярок; скотникам же, коневодам, чабанам хватало забот и зимой, и летом.

В 1930-х гг., помимо традиционных занятий (работа в поле, на огороде, на ферме), женщины-колхозницы Юга России вовлекались и в те сферы занятости, которые в доколхозной деревне либо не существовали вовсе, либо не считались областью приложения женского труда. В частности, колхозницы сыграли определенную роль в развитии колхозных хат-лабораторий, представлявших собой опытно-исследовательские учреждения, «объединявшие и внедрявшие в производство опыт и достижения передовиков, новаторов сельского хозяйства».³ Известен целый ряд женщин, заведовавших хатами-лабораториями: Грибова (колхоз «2-я пятилетка Славянского района Азово-Черноморского края»), Щеглова (колхоз им. Кирова Абинского района Азово-Черноморского края), А.Т. Дубинина (колхоз им. Кагановича

¹ Правда, колхозное птицеводство, как отмечалось в прессе, до самого конца 1930-х гг. находилось в забвении, поскольку «на птицу, на ее разведение смотрели ведь как на «мелочное дело» (Хайтович Л. Всемерно развивать птицеводство в колхозах // Учет и финансы в колхозах. 1940. № 8. С. 22).

² ГАСК, ф. р-2870, оп. 1, д. 12, л. 2.

³ Поспелов К.М. Прошлое и настоящее крестьян Ставрополя. Ставрополь, 1947. С. 19.

ст. Пашковской Краснодарского края), Голубева (колхоз им. Кирова Ессентукского района Орджоникидзевского края),¹ и др. Некоторые из них достигали заметных результатов в своей работе. Так, в 1936 г. первое место в конкурсе хат-лабораторий Азово-Черноморского края завоевала хата-лаборатория Грибовой, которая проводила занятия с колхозниками, осуществляла анализ посевного материала, сбор местных удобрений, подкормку пшеницы золой, следила за уровнем агротехники.²

Но надо признать, что женщины гораздо реже мужчин становились заведующими хатами-лабораториями. В упомянутом выше конкурсе на лучшую колхозную хату-лабораторию Азово-Черноморского края участвовали 11 данных заведений, и лишь двумя из них заведовали женщины.³ В номерах журнала «Колхозное опытничество» за 1938 г. содержится корреспонденция от заведующих хатами-лабораториями и агрономов Дона, Кубани и Ставрополя: среди них 17 мужчин и ни одной женщины.⁴

Вряд ли подобные диспропорции объяснялись меньшей агротехнической грамотностью женщин-колхозниц по сравнению с мужчинами (по крайней мере, данная причина нам не представляется ни единственной, ни важнейшей). Ведь известно немало женщин – бригадиров и звеньевых, которые добивались высоких урожаев на своих участках путем применения передовых агротехнологий. К тому же заведующими хатами-лабораториями становились, как правило, молодые колхозницы, образовательный уровень которых был не ниже, чем у их одногодков-мужчин. Вероятно, одной из важных причин меньшей представленности женщин в руководстве хат-лабораторий были все же гендерные стереотипы, согласно ко-

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 2314, л. 43об, 53об, 54об; Достойнова Е. Интересные опыты Голубевой // Орджоникидзевская правда. 1937. 7 декабря; Пашковская Д. Недостойно агронома // Большевик. 1938. 6 апреля.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 2314, л. 43об – 54об.

³ Там же, л. 43об, 53 – 56.

⁴ См.: Колхозное опытничество. 1938. № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8 – 9, 11 – 12.

торым слабый пол не имел необходимого потенциала, чтобы эффективно направлять работу предприятий и учреждений.¹

Среди новых профессий, которыми овладевали колхозницы в 1930-х гг., безусловно, наиболее известна профессия механизатора, овеянная некоей романтикой и популярная среди сельской молодежи, «которая наиболее активно и настойчиво пошла на штурм высот новой техники – трактора, комбайна, автомашины и всей другой техники в сельском хозяйстве».² Если говорить лишь о колхозницах, то механизаторами становились в основном молодые девушки, еще не обремененные семьей и детьми и прошедшие курс начального обучения в сельских общеобразовательных школах. Так, в 1936 г. из 23 лучших комбайнеров Азово-Черноморского края 8 были женщины в возрасте от 21 года до 28 лет.³ Знаменитая Паша Ковардак, трактористка Канеловской МТС на Кубани, получила орден Трудового Красного знамени за отличные производственные показатели на тракторе в 22 года.⁴ Напротив, колхозницы старшего возраста, «детные и неграмотные»,⁵ не имели ни сил, ни желания для того, чтобы стать комбайнерами или трактористами.

Многие сельские девушки в 1930-х гг. стремились получить профессию механизатора. Одних в ней привлекала своеобразная романтика,⁶ другие верили советским пропагандистским фильмам,

¹ В данном случае показателен следующий пример. В 1934 г. в колхозе «Ударник» (ст. Пашковская Азово-Черноморского края) правление назначило заведующей хатой-лабораторией колхозную уборщицу Карецкую, решив: «пусть производит уборку правления и сторожит усадьбу хаты-лаборатории, все равно там делать нечего». Однако Карецкая всерьез взялась за руководство лабораторией, что вызвало раздражение управленцев, явно не ожидавших от женщины (к тому же имевшей невысокий социальный статус) подобных способностей: «уборщица, а туда же[,] требует сведения, работу показать хочет» (Кудяров Н.И. О работе хат-лабораторий // Колхозный путь. 1935. № 2. С. 31).

² Социализм и колхозная молодежь // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 5. С. 11.

³ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 2314, л. 62 – 63.

⁴ Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.

⁵ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 9.

⁶ Как писала колхозница М. Финько, «я сама живу очень хорошо в материальном отношении, но не совсем счастлива, потому что я не трактористка, а имею большую охоту быть трактористкой» (Финько М. Особенный год // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 16).

выставлявшим механизаторов в виде передовых людей колхозной деревни, третьи желали получить востребованную профессию как гарантию самостоятельности и материальной стабильности.¹

Профессиональную подготовку будущие механизаторы проходили либо в уже упоминавшихся выше школах колхозной молодежи (ШКМ), либо на 2 – 4-х месячных курсах, организуемых при совхозах и машинно-тракторных станциях (МТС). Колхозы были обязаны отправлять на эти курсы, в соответствии с разнарядками, определенное количество колхозников, в том числе девушек. Так, в январе 1932 г. правление колхоза «Ильич» Курского района Северо-Кавказского края, выполняя распоряжение Ессентукского райколхозсоюза, направило 6 колхозников для прохождения курсов трактористов; в январе 1933 г. из колхоза на такие же курсы отправились 4 человека, из них 2 девушки.²

Представители власти всячески стремились активизировать процесс формирования механизаторских кадров за счет женского населения деревни. Как уже отмечалось, власти требовали, чтобы в числе слушателей ШКМ не менее половины составляли девушки. Партийное руководство на Юге России не оставляло без внимания гендерный подход в сфере подготовки механизаторских кадров. Бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) своим постановлением «О развертывании подготовки механизаторских кадров» от 24 декабря 1933 г. обязывало райкомы, политотделы МТС и дирекцию совхозов «обеспечить выдвижение женщин и комсомольцев» на курсы механизаторов.³ Поскольку механизаторами становились в основном молодые жительницы села, задача

¹ О последнем из указанных нами мотивов превосходно выразился один из советских авторов, сказав о механизаторах, что «колхозный строй, сталинская забота о людях вывели их на широкую дорогу, дали квалификацию, создали условия для материального и культурного роста» (Абрамов В. Сталинская забота о колхозных кадрах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 1. С. 34).

² ГАСК, ф. р-2034, оп. 1, д. 6, л. 21 – 22; д. 10, л. 1.

³ Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развертывании подготовки механизаторских кадров» от 24 декабря 1933 г. // Молот. 1934. 2 января.

более активного привлечения их на механизаторские курсы возлагалась и на местные организации ВЛКСМ.¹

О том, чем руководствовались представители власти в своем стремлении «посадить женщину на трактор», недвусмысленно сказал руководитель профсоюза рабочих МТС и батрачества Н.М. Анцелович в 1930 г.: «Те, кто философствует, что женщина не годится для трактора, забывают, что сейчас не так много мужчин найдешь... Возьмите сейчас некоторые районы, где развивается промышленность – там не хватает рабочей силы. Кроме того, надо учесть и интересы обороны страны... Когда стране будет грозить опасность, не все мы будем сидеть на тракторе».² Таким образом, пополняя кадры механизаторов за счет женщин, представители власти надеялись, с одной стороны, восполнить недостаток мужчин в данной профессии, а с другой – высвободить часть мужских рабочих рук для работы в промышленности. Немаловажны были и соображения о том, что подготовленные женщины смогут заменить мужчин-механизаторов во время войны.

Кроме того, на наш взгляд, нельзя недооценивать особенности отношения к женщине вообще и к женскому труду – в частности, господствовавшего в данное время в СССР. В 1930-х гг. (да и в последующие десятилетия) советское общество не доросло до понимания того очевидного факта, что женщине требуются более легкие условия труда: не только в силу ее физических характеристик, но и еще и потому, что на ней лежит задача огромной важности – сохранение и передача будущим поколениям генофонда нации. Советское законодательство, как правило, не видело различий между механизаторами разных полов. Здесь явно

¹ Как отмечалось в это время в прессе, «комсомольские организации должны в первую очередь возглавить движение женщин за освоение сложной сельскохозяйственной техники» (Горбачев В. Помочь женщине освоить трактор и комбайн // Тракторист и комбайнер. 1939. № 1. С. 15).

² Цит. по: Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 59.

сказывалось наследие российской деревни, помноженное на «большевистский феминизм», требовавший от женщины равноправия во всем, в том числе и в труде.

Добавим, что Н.М. Анцелович не сказал еще об одной важной причине вовлечения женщин в сферу механизации аграрного производства. Он умолчал о существовавшей на всем протяжении 1930-х гг. огромной текучести механизаторских кадров, вызывавшейся неудовлетворительными материально-бытовыми условиями работы трактористов и комбайнеров.

Как отмечают специалисты, «существовала огромная пропасть между пропагандистским мифом об увлекательной, престижной, передовой и даже героической профессии механизатора и реальным положением вещей, когда обучение и оплата труда трактористов не соответствовали требованиям жизни, а сопряженная с большой ответственностью профессия занимала невысокое место в колхозной иерархии».¹ О положении механизаторов хорошо сказал начальник Северо-Кавказского крайзубояр в марте 1934 г.: «у нас не выработалось такого отношения [к трактористу,] которое бы соответствовало тем задачам и труду, которые возложены на этого человека. Часто он у нас спит под трактором, грязный, раздетый, выплата трудо-дня ему до сих пор не произведена, ест он как попало, вынимая из своего грязного кармана черный кусок[,] не похожий на хлеб».²

Естественно, что подобные условия труда и быта не вызывали у механизаторов никакого желания сохранять верность своей профессии; многие из них переходили из одной МТС в другую или вовсе меняли род деятельности. В начале 1930-х гг. отмечалось, что «текучесть трактористов по отдельным МТС доходит до

¹ Оджей М. К вопросу о кадрах механизаторов советском сельском хозяйстве (1929 – 1939 гг.) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 177.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 39.

80 – 90 %».¹ К исходу 1932 г. текучесть удалось несколько снизить в результате введения гарантированной оплаты труда трактористов, доплат за хорошее состояние трактора, за ночные работы, за экономию горючего и т.д. Однако советские авторы признавали, что и в это время «положение с трактористами в МТС остается далеко еще неудовлетворительным».² До 1933 г. из МТС «ежегодно выбывала почти половина механизаторов», и даже в 1934 – 1939 гг. – «примерно четверть».³

Не надеясь снизить текучесть мужчин-механизаторов путем повышения оплаты труда и улучшения производственного быта (поскольку это было практически нереально в условиях сталинской налогово-заготовительной политики, направленной на выкачивание максимума произведенной продукции из деревни), органы власти стремились восполнить кадровые потери трактористов, комбайнеров, пиккеристов и пр. за счет женщин. Однако по ряду причин выполнение этой задачи продвигалось с большим трудом.

Во-первых, конкретные исполнители на местах (руководство МТС и курсов по подготовке механизаторов), неохотно брали на обучение и последующую работу женщин, не без оснований полагая, что мужчины менее прихотливы в смысле бытовых условий и по своим физическим параметрам больше подходят для работы на технике. Так, в сохранившихся документах Пятигорского профсоюза рабочих МСТС и батрачества за 1931 г. много говорится о подготовке квалифицированной рабочей силы для МТС и машинно-тракторных мастерских (МТМ), но о женщинах-механизаторах не сказано ни слова.⁴ Показательно, что в 1933 г. женщины составляли лишь 3 % слушателей на курсах механизаторов Северо-

¹ Шесть условий тов. Сталина – в основу работы МТС // На стройке МТС. 1932. № 1. С. 5.

² Ангерт И.Б. МТС к XV годовщине Октября // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 84 – 85.

³ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 47.

⁴ ГАНИ СК, ф. р-1157, оп. 1, д. 64, л. 10, 23, 42, 44.

Кавказского края.¹ Любопытно, что в феврале 1936 г. бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) дважды переносило рассмотрение вопроса о подготовке женщин-трактористок и комбайнеров, и лишь в марте, наконец, было принято решение о подготовке 4 тыс. трактористок путем обучения их непосредственно на производстве.² Видимо, в данном случае также сказывалось неверие краевых властей в потенциал женщин как механизаторов.

Во-вторых, женщине действительно было гораздо труднее физически работать на тракторе или комбайне, чем мужчине. Технические средства 1920-х – 1930-х гг. требовали приложения значительных физических усилий. Один из советских журналистов, описывая осенью 1936 г. школу комбайнеров в станице Кущевской Азово-Черноморского края, отмечал, что из 63 принятых сюда девушек ни одна не могла самостоятельно так повернуть рычаг, чтобы завести мотор комбайна; это удавалось сделать только мужчине-инструктору.³ Кроме того, тракторы и комбайны, как закупленные за границей, так и произведенные на советских заводах (в основном по западным образцам), были рассчитаны исключительно на габариты мужчины. Женщинам, работавшим на таких машинах, было даже сложно дотянуться до рычагов или руля, не говоря уже о других действиях. Руководство Наркомзема СССР в августе 1936 г. предписало переделать сиденья колесных тракторов на более удобные для женщин, но местные власти проигнорировали это решение.⁴

¹ Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развертывании подготовки механизаторских кадров» от 24 декабря 1933 г. // Молот. 1934. 2 января.

² ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 248, л. 2; д. 251, л. 44, 87об.

³ Годович Я. Комбайнерки // Колхозница. 1937. № 6. С. 18.

⁴ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 96. М.А. Шолохов в одном из своих произведений привел рассказ председателя донского колхоза о том, насколько тяжело было девушкам работать на тракторе (рассказ, правда, относится к послевоенному периоду, но, поскольку техника за это время почти не изменилась, обрисованные в нем реалии вполне применимы и к 1930-м гг.): «завести от руки нахолодавший трактор, – как ты его ни грей, – скажем, дело не легкое. И вот идешь по полю, а она, девчонка-трактористка, за два километра к тебе по

С учетом специфики технических средств 1930-х гг. становится понятно, что женщины-механизаторы, добивавшиеся стахановских показателей в работе, были героинями вдвойне. Но большинство женщин-механизаторов не были способны выдерживать подобные нагрузки, и меняли сферу деятельности; текучесть кадров была характерна для механизаторов обоих полов.

В-третьих, женщины не задерживались в сфере механизации по тем же причинам, что и мужчины: из-за низкой заработной платы, тяжелых материально-бытовых условий, и пр. Причем значение данных факторов применительно к женщинам даже возрастало. Например, во время полевых работ механизаторы, как правило, жили в вагончиках, рассчитанных на несколько человек, нередко спали вповалку, и т. д. Девушка, оказавшись в таких условиях в компании молодых мужчин, чувствовала бы себя явно некомфортно. Не случайно представители власти предпочитали формировать из женщин отдельные механизаторские бригады. В частности, такая бригада возникла в начале 1930-х гг. в Некрасовской МТС на Кубани.¹ К исходу 1934 г. в Северо-Кавказском крае насчитывалось 11 тракторных, 3 комбайнерских и 1 пиккерная женских бригады.² Но, несмотря на все меры, женщины нуждались в большей личной гигиене, тяжелее мужчин переживали материально-бытовое неустройство и поэтому уходили из МТС.

В результате влияния указанных причин численность женщин-механизаторов была невысокой. В 1930 г. в целом по стране женщин-трактористок насчитывалось 2 – 3 тыс., то есть на каж-

борозде бежит, спотыкается. «Дяденька Корней Васильевич, крутни! Силы у меня не хватает». А ты ведь понимаешь, как с девичьим, нежным животом, такую тяжесть провернуть?! Тут нетрудно и надорваться. Тут и наш мужчинский, кряжистый костяк, и тот иной раз в хрящах похрустывает...» (Шолохов М.А. Слово о родине // Шолохов М.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1975. С. 154).

¹ Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ре. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. С. 115.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 70.

дую из имевшихся к 1 июня 1930 г. в РСФСР и Украине 637 машинно-тракторных станций и тракторных колонн приходилось 4,7 женщин;¹ фактически эти показатели были еще меньше, так как часть женщин-механизаторов работала в совхозах.

На Юге России сложилась схожая ситуация. По данным Трактороцентра СССР, в 1932 г. в Северо-Кавказском крае 4 833 колхозницы работали в качестве «рулевых трактористов».² Однако в 1934 г. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях в совокупности насчитывалось всего лишь 1 878 трактористок (и еще 1 083 комбайнерки),³ – почти на 3 тыс. меньше, чем в 1932 г. Виной этому была текучесть кадров, наблюдавшаяся в обоих краях. В частности, в июне 1934 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов с гордостью сообщал, что к весенней посевной кампании в крае было подготовлено 1 500 женщин-рулевых (из общего количества 7 264 курсантов) и 44 женщины, возглавлявших тракторные бригады (из 900).⁴ Но в декабре 1934 г. член крайкома Шацкий утверждал, что в крае насчитываются 618 женщин-трактористок, 321 комбайнерка, 299 пиккеровщиц (а также 325 прицепщиц, 323 машинистки, 12 механиков).⁵ При сопоставлении данных Евдокимова и Шацкого возникает закономерный вопрос: куда же делись как минимум 800 из 1 500 подготовленных трактористок? Очевидно, часть из них вовсе не пошла работать по специальности, а часть покинула МТС.

В результате текучести удельный вес женщин в составе механизаторов Юга России был невысок. Если воспользоваться приведенными данными за 1934 г. по Азово-Черноморскому

¹ Рассчитано по: Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 12, 13.

² Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 203.

³ Подсчитано по: ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 70; Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е. С. 311.

⁴ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 8.

⁵ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 70.

краю (1 260 женщин-трактористок и 762 комбайнерки), то получится, что в среднем в каждой из 226 машинно-тракторных станций края работали 5,6 тыс. трактористок и 3,4 комбайнерки.¹ Разумеется, в данное время, когда численность механизаторов на Юге России исчислялась десятками тысяч, столь низкие показатели не могли устроить краевое руководство.

Численность женщин-механизаторов возросла во второй половине 1930-х гг., особенно к концу десятилетия, когда была развернута широкомасштабная кампания «девушки – на трактор!». Надо сказать, что в это время основным мотивом вовлечения женщин в сферу механизации стала опасность надвигающейся войны (хотя не утратила влияния сохранявшаяся, пусть и в меньших размерах, текучесть кадров). Весной 1939 г., ЦК ВЛКСМ, Наркомзем СССР и Наркомсовхозов СССР приняли постановление о подготовке без отрыва от производства 100 тыс. девушек-трактористок. После этого пресса и знаменитые трактористки (П. Ангелина, П. Ковардак, и др.) стали призывать колхозниц овладеть профессией механизатора, чтобы в случае войны заменить мужчин.² Широкое распространение получила практика передачи профессионального опыта, когда уже обученные и наработавшие определенный стаж трактори-

¹ Рассчитано по: Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е. С. 311; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 767.

² Речь тов. Белозеровой // Орджоникидзевская правда. 1937. 11 ноября; Горбачев В. Помочь женщине освоить трактор и комбайн // Тракторист и комбайнер. 1939. № 1. С. 14; Борина Л. Развернуть оборонную работу // Тракторист и комбайнер. 1939. № 3. С. 10; Двадцать первая годовщина Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-морского флота // Тракторист и комбайнер. 1939. № 3. С. 7; Подготовим сто тысяч трактористок // Тракторист и комбайнер. 1939. № 10. С. 5. Добавим, что подобного рода призывы с еще большей силой зазвучали в начале Великой Отечественной войны, когда, например, в Орджоникидзевском крае из-за резкого сокращения мужчин вследствие мобилизации, требовалось подготовить 15 тыс. трактористов (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 111; д. 39, л. 45). Любопытно, что в ноябре 1941 г. Орджоникидзевский крайком ВКП(б) решил готовить кадры механизаторов из учащихся старших классов средних школ, техникумов, вузов, служащих и домохозяек: видимо, ресурсы колхозниц оказались ограниченными, к тому же далеко не все из них изъявляли желание работать на тракторах (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 42, л. 137).

стки (и их коллеги-мужчины) брались за подготовку новых механизаторских кадров из числа девушек-колхозниц.¹

Представители власти, придавая большое значение вовлечению колхозниц в ряды механизаторов, стремились рационально использовать опыт женских тракторных бригад, созывая с этой целью специальные совещания.² Одновременно предпринимались попытки наладить постоянный контроль за процессом подготовки женщин-механизаторов. Видимо, не случайно Орджоникидзевский крайком ВКП(б) в декабре 1940 г. вдруг заинтересовался тем, сколько женщин было подготовлено к работе на тракторах в 1929 – 1940 гг., и разослал по районам соответствующие запросы.³ Контроль был отнюдь не лишним, поскольку районные и колхозные руководители нередко демонстрировали полное пренебрежение к призывам «девушки, на трактор!», и пытались отделаться формальными отписками, как, например, Петровский и Советский райкомы ВКП(б) Орджоникидзевского края.⁴

В результате принятых в конце 1930-х гг. мер несколько повысился удельный вес женщин, проходивших обучение профессиям тракториста, комбайнера, бригадира механизаторских бригад. Так, к началу 1940 г. в стационарных школах подготовки ме-

¹ Подготовим новые кадры женщин-трактористок // Орджоникидзевская правда. 1939. 18 апреля; Девушки, на трактор. Опытные трактористы берутся обучать колхозниц // Орджоникидзевская правда. 1939. 18 апреля. Надо сказать, что не всегда эти женщины добровольно брали на себя обязательства обучать женщин навыкам вождения трактора. А.Г. Хопрякова, работавшая трактористкой в Горняцкой МТС Ростовской области, писала в 1940 г., что она как-то раз рассказала мужу о своих производственных успехах, на что он ей ответил: «Это неплохо, а вот только ты должна заниматься с колхозницами, учить их тракторному делу, чтобы была смена мужчинам на случай войны» (Хопрякова А.Г. Добьюсь участия на выставке // День нашей жизни. С. 97). Нередко роль такого «политически грамотного» мужа играли органы власти.

² Одно из таких совещаний, в котором участвовали 45 женщин-бригадиров тракторных бригад, прошло в июне 1940 г. при Орджоникидзевском крайкоме ВЛКСМ (Совещание женщин – бригадиров тракторных бригад // Орджоникидзевская правда. 1940. 12 июня).

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 682, л. 88.

⁴ Лось Н. Девушкам не создали условий для учебы // Орджоникидзевская правда. 1939. 9 июля; Воробьев П. Плохо организовано обучение трактористок // Орджоникидзевская правда. 1939. 21 сентября.

ханизаторских кадров Ростовской области училось 294 женщины (34 % к общему числу учащихся), бригадиров тракторных отрядов – 29 женщин (17 %), механиков машинно-тракторных мастерских – 14 женщин (8 %), а на курсах трактористов при МТС – 951 женщина (32 %).¹ Эти изменения были разительны, особенно если вспомнить, что в 1933 г. в Северо-Кавказском крае на курсах механизаторов женщины составляли лишь 3 % курсантов. Повысилась и численность женщин-механизаторов. Если в СССР к исходу 1935 г. было 19 тыс. женщин-механизаторов, то в 1938 г. – 57,5 тыс., в 1940 г. – 64 тыс. (не считая 25 тыс. женщин, работавших в 1939 г. на комбайнах и прицепных орудиях).²

Те же тенденции наблюдались и на Юге России; собственно, иначе быть и не могло, поскольку здесь процент механизации был выше, чем в среднем по стране, что определяло численность трактористок и комбайнерок. Как отмечалось в литературе, к 1939 г. в Орджоникидзевском крае, где, по заверениям местных исследователей, «за руль трактора охотно садятся колхозные девушки», 600 колхозниц «стали хорошими трактористами».³ Причем процесс подготовки женских механизаторских кадров продолжался. Так, в течение 1939 г. в колхозах Георгиевского района Орджоникидзевского края было подготовлено без отрыва от производства 40 трактористок, и к весне Георгиевская МТС намеревалась создать 4 женских тракторных бригады.⁴ В январе 1940 г. 30 девушек села Александровского (одноименного района Орджони-

¹ ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 201, л. 85.

² Котов Г., Стуков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150; Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 59; История советского крестьянства. Т. 2. С. 297; История советского крестьянства. Т. 3. С. 59.

³ Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края) / Под ред. В. Воронцова и Р. Саренца. Вып. 1-й. Пятигорск, 1939. С. 31.

⁴ Женские тракторные бригады // Орджоникидзевская правда. 1940. 18 января.

кидзевского края) получили удостоверения трактористов.¹ Еще выше численность женщин-механизаторов была на Дону и Кубани. Только в МТС Ростовской области, к 1 июля 1939 г., насчитывалось около 2 тыс. женщин-механизаторов: 353 комбайнерки, 546 трактористок, 18 бригадиров тракторных бригад, 74 шофера, 15 механиков и т. д.² Учитывая эти данные, можно согласиться с современниками эпохи, утверждавшими, что «женщина вникла во все поры колхозной жизни».³

Однако и во второй половине 1930-х гг. сохранялись перечисленные выше причины, препятствовавшие вовлечению и закреплению женщин в сфере механизации. Местное руководство довольно прохладно относилось к обучению и приему на работу женщин-механизаторов, не без оснований ожидая, что они все равно скоро покинут производство. Так, в документах Северо-Кавказского (затем Орджоникидзевского) крайкома рабочих МТС много говорится о насущных проблемах (неудовлетворительная постановка обучения механизаторов, ликвидации неграмотности среди них, и пр.), но о женщинах нет упоминаний.⁴ Даже в феврале 1941 г. пресса признавала, что «особенно плохо обстоит дело с подготовкой женских механизаторских кадров».⁵

Крайне медленно улучшалась ситуация в сфере материально-бытового обеспечения механизаторов: им по-прежнему задержива-

¹ Плахотников Н. Девушки на отлично овладели трактором // Орджоникидзевская правда. 1940. 22 января.

² Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. С. 256.

³ Вождю, учителю и другу колхозниц! Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области // Колхозница. 1937. № 11. С. 11.

⁴ ГАНИ СК, ф. р-1016, оп. 1, д. 16, л. 6, 9, 11, 19об, 46, 58; д. 17, л. 19, 29; д. 24, л. 17об; д. 42, л. 11, 14. Девушки, которые под влиянием пропаганды стремились стать механизаторами, но наткнулись на сопротивление местных властей, иной раз видели в этом происки «врагов народа». Как писала А. Писковацкова, «мастер комбайновой уборки» Усть-Быстрианской МТС Ростовской области, «стать настоящим комбайнером... мне удалось не сразу. До этого я прошла не легкий путь, переборола трудности... Орудовавшие в нашей МТС враги народа не допускали женщин к машинам» (Писковацкова А. Первенство в области // Тракторист и комбайнер. 1939. № 5. С. 11).

⁵ Готовиться к выезду в поле // МТС. 1941. № 2. С. 2.

ли зарплату, не обеспечивали нормальных условий на производстве, плохо кормили (хотя в целом ряде колхозов питание трактористов было организовано на высоком уровне¹), и пр.² Не случайно на III Орджоникидзевской партконференции в 1938 г. признавалось, что все еще нуждается «в коренном улучшении» работа по культурно-бытовому обслуживанию механизаторов.³ Не поменялось и отношение к женщинам советского законодательства, которое по-прежнему не видело особых различий между механизаторами разных полов. Достаточно ярко об этом свидетельствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных станциях», где нормы выработки не дифференцировались по гендерному признаку.⁴

Под влиянием указанных причин высокая текучесть женских механизаторских кадров сохранялась и в конце 1930-х гг.⁵ Так, к весне 1939 г. Троицкая МТС Краснодарского края «растеряла»

¹ Баршуков П. Меню в тракторной бригаде // Большевик. 1938. 5 апреля.

² ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 72, л. 2об – 3; ГАСК, ф. р-2395, оп. 2, д. 10, л. 6; ГАКК, ф. р-687, оп. 1, д. 13, л. 14; Колованов З. Бездушное отношение к трактористам // Орджоникидзевская правда. 1937. 12 октября; Гончаренко С. и др. Почему о нас не заботятся? // Большевик. 1938. 6 апреля.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 312, л. 43.

⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных станциях», // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 45. Правда, согласно действовавшему законодательству, женщины-трактористки освобождались от работы на тракторе за 2 месяца до родов и должны были переводиться «на легкие работы в колхозе». За месяц до родов и в течение месяца после родов они освобождались от работы полностью, причем для наиболее ретивых трактористок в законе специально подчеркивалось, что «после родов они допускаются работать на тракторе лишь по истечении двух месяцев». За два месяца полного освобождения от работы им начислялись трудодни в размере одной двенадцатой общего количества трудодней, выработанных ими за 12 предшествующих месяцев (Законодательство // Учет и финансы в колхозах. 1937. № 9. С. 45). Но, к сожалению, это было исключение из правила, появившееся во второй половине 1930-х гг. в русле общей государственной политики, направленной на повышение рождаемости. В целом же, повторимся, советское законодательство не видело особых гендерных различий между механизаторами

⁵ Впрочем, женщины мало чем отличались от мужчин-механизаторов, многие из которых тоже не задерживались в своих МТС: в частности, к началу 1941 г. в Орджоникидзевском крае не хватало 900 трактористов (ГАСК, ф. р-2395, оп. 2, д. 32, л. 31об).

23 из 28 обученных девушек-механизаторов.¹ Нередко женщины, окончив курсы механизаторов, просто не поступали на работу.

В целом по стране удельный вес женщин в составе механизаторов даже во второй половине 1930-х гг. был вовсе не так высок, как хотелось бы представителям власти. В 1935 г. среди механизаторов женщины-трактористки составляли 4 %, комбайнерки – 3 %. Даже в 1940 г., «когда были приняты энергичные меры для привлечения женщин в МТС», их удельный вес в составе трактористов и комбайнеров не превышал 8 %, помощников комбайнеров – 17 %, механиков – 2 %.² В любом случае несколько десятков тысяч женщин-механизаторов были лишь малой каплей среди «свыше полутора миллионов трактористов, комбайнеров», насчитывавшихся к началу 1941 г. в аграрном секторе экономики СССР.³

Суммируя вышеизложенное, отметим, что итоги сталинской модернизации аграрного производства применительно к женщинам, к их трудовой занятости в колхозах, выглядят двояко. С одной стороны, позитивными представляются такие явления, как повышение социальной мобильности и защищенности женщин. В колхозах женщины могли приобрести новые, более востребованные и значимые профессии (и, соответственно, получать более высокие доходы). Кроме того, в результате разделения и специализации труда колхозницы уже не зависели столь сильно от супруга, как это было в индивидуальном хозяйстве.

Но, с другой стороны, из-за сокращения численности колхозников (репрессии, уход на работу в промышленность) органы власти стремились максимально полно использовать женский труд не только в традиционных сферах занятости, таких, как полеводство, огородничество, животноводство и т. д., но и в новых:

¹ Подготовим сто тысяч трактористок // Тракторист и комбайнер. 1939. № 10. С. 4–5.

² Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР... С. 60; История советского крестьянства. Т. 2. С. 303.

³ МТС (Историческая справка) // МТС. 1941. № 1. С. 20.

в частности, в сфере механизации. В итоге сталинская модернизация аграрного производства (то есть коллективизация) обернулась для крестьянок не уменьшением, но увеличением трудовых затрат и расширением сфер приложения трудоусилий. Осуждая подобные последствия коллективизации и горько иронизируя над своей жизнью, сельские женщины сложили хлесткую частушку, пережившую и сталинский режим, и колхозную систему:

Вот спасибо Сталину,
Сделал с меня барыню!
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.
Я и сею, я и жну,
На себе дрова вожу!

2.3. Участие женщин-колхозниц в общественной жизни

В 1930-х гг. сельские женщины рассматривались представителями партийно-советского руководства не только как важный трудовой ресурс коллективных хозяйств. В полном соответствии с идейными постулатами большевиков, женщины Советской России (Советского Союза), и колхозницы в их числе, активно привлекались к участию в общественной жизни и деятельности органов власти: от сельсоветов до высших государственных учреждений. При этом необходимо подчеркнуть, что право женщин участвовать в общественно-политической жизни страны на равных основаниях с мужчинами было не только признано «де-факто», но оформлено «де-юре», вплоть до Основного закона. Так, в Конституции СССР 1936 г. (глава X, статья 122) прямо и недвусмысленно указывалось: «женщине в СССР предоставляются равные

права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».¹

Вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь советского государства являлось, с одной стороны, реализацией большевистских идей о равноправии полов, ибо «после победы большевиков их идейные установки стали частью государственной политики».² Вместе с тем в основании таких процессов скрывался здравый политический расчет: новая власть стремилась использовать общественно-политическую активность женщин в собственных интересах, для скорейшего и наиболее эффективного решения тех или иных намеченных ею внутри- и внешнеполитических задач. В 1920-х гг. общественная деятельность сельских женщин содействовала укреплению позиций большевистского режима в деревне. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. главной задачей сельских активисток (особенно колхозниц) стало содействие «колхозному строительству», а на протяжении десятилетия – укреплению коллективных хозяйств.

Исходя из преобладающей совокупности задач, которые прямо или косвенно решались сельским активистками Юга России, можно представить периодизацию общественной деятельности крестьянок и колхозниц на протяжении рассматриваемого нами периода. Данная периодизация, на наш взгляд, состоит из ряда этапов:

1. Конец 1920-х гг. – начало 1933 г. Этот этап, совпадающий с периодом сплошной форсированной коллективизации, отличается тем, что на его протяжении общественная деятельность активисток в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополя преследовала

¹ Конституция (Основной закон) СССР // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 23. С. 691.

² Булыгина Т.А. «Свое» и «чужое» в отечественной историографии 20 – 30-х годов XX века // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6 (специальный): Материалы междунар. науч. семинара «Свое» и «чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей», г. Пятигорск, 16 – 18 апреля 2004 г. – Ставрополь, 2004. С. 19.

главную цель: содействие скорейшему осуществлению «колхозного строительства». Цель эта достигалась путем формирования позитивного по отношению к колхозам общественного мнения, противодействия антиколхозным высказываниям и выступлениям со стороны «кулаков», «подкулачников» и других «классово-чуждых элементов», безоговорочного одобрения различных хозяйственно-политических кампаний, и пр. Исходя из вышеизложенного, указанный этап общественной деятельности сельских активисток можно обозначить как «этап содействия коллективизации», или «социально-политический этап».

2. Начало 1933 г. – конец 1936 г. В рамках выделенного этапа общественная деятельность колхозниц-активисток преследовала уже не задачу содействия коллективизации (ибо она была объявлена завершенной в основных зерновых регионах страны), но была направлена на организационно-хозяйственное укрепление колхозов. С этой целью женщины участвовали в акциях, направленных на укрепление трудовой дисциплины, выполнение колхозами «государственных обязательств», и т. п. Специфика отмеченного этапа позволяет трактовать его как «этап закрепления результатов коллективизации», или «социально-экономический этап».

3. Период, озаглавленный 1937 г., и завершившийся в связи с началом Великой Отечественной войны в июне 1941 г. В данное время общественная деятельность колхозниц также была направлена на организационно-хозяйственное укрепление коллективных хозяйств (осуждение колхозников, уделявших больше сил и внимания своим личным подсобным хозяйствам, нежели общественному производству, одобрение введения обязательного минимума трудодней, и пр.). Однако, в связи с развертыванием «Большого террора», в общественной деятельности сельских женщин отчетливо выделяется такое направление, как поддержка идеолого-политических мероприятий правительства и руково-

дства компартии, направленных против «врагов народа» всех мастей. В силу специфики отмеченного этапа его можно характеризовать как «хозяйственно (экономико) -политический этап».

Предложенная нами периодизация отличается известной условностью, так как общественно-политические мероприятия с участием сельских активисток, предпринимавшиеся в рамках одного этапа, вполне могли проводиться и на протяжении других этапов. «Раскулачивание» начала 1930-х гг. фактически продолжалось и по завершении коллективизации: хотя «кулаков» в деревне уже не осталось, к их числу причисляли уцелевших единоличников, колхозников и даже представителей колхозной администрации. Организация широкой поддержки сельским населением репрессивных мероприятий против «врагов народа» началась не в 1937 г., а уже в 1934 г., после убийства С.М. Кирова.

Условность периодизации невозможно устранить, так как период 1930-х гг. отличается внутренним единством, наличием ряда общих характеристик. Вместе с тем источники не позволяют говорить и о полном единообразии данного периода применительно к сельской местности. В этой связи о различии отдельных этапов из предложенной нами периодизации свидетельствуют не отдельные мероприятия сельских женщин-активисток (которые могли совпадать в рамках разных периодов), но их превалирующая, доминирующая совокупность.

Прежде чем говорить о направлениях и методах деятельности колхозниц-общественниц, следует отметить, что некоторый рост общественной активности женской части сельского населения на Юге России наблюдался уже в 1920-х гг., что в значительной мере являлось прямым результатом усилий органов власти. Местные руководители говорили по этому поводу, что «организованная работа

среди крестьянок даром не прошла»,¹ что в деревне заметно «огромное движение по части пробуждения женщины»² и наличествует «бесспорно возросший [женский] актив».³

В 1920-х гг. при местных административных учреждениях были созданы отделы по работе среди женщин (женотделы), обязанные организовать женский актив и оказывать ему помощь в общественной деятельности, защищать права и интересы женщин. Неоднократно проводились районные и окружные конференции крестьянок, оказывавшее стимулирующее влияние на рост женской активности самым фактом своего проведения: ведь сельские активистки, побывавшие на таких конференциях, убеждались, что они не одиночки в своей деятельности. Были предприняты титанические усилия по ликвидации неграмотности и малограмотности крестьянок путем организации пунктов ликбеза⁴ и изб-читален.⁵ На Кубани в конце 1920-х гг. практиковалась такая форма просветительной и пропагандистской работы, как «хатки делегатов», которые «представляли собой красные уголки в доме авторитетной делегатки или общественницы, оформленные плакатами, лозунгами. В них имелись передвижные библиотечки, газеты, журналы».⁶

Зримым выражением роста общественной активности женщин-крестьянок являлось возрастание их удельного веса в сель-

¹ Письмо председателя Бобровской уездной комиссии в Губженотдел // Крестьянские истории. С. 192.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 704, л. 83.

³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 1.

⁴ Только в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1925 г. женщины составляли в пунктах ликбеза 60 % учащихся, причем подавляющее большинство слушателей были именно крестьянки: 4 320 из 4,5 тыс. (Аракелова М.П. Ликвидация неграмотности среди женщин в первой половине 20-х годов // Социс. 1994. № 3. С. 77).

⁵ Избы-читальни являлись культурно-просветительными центрами на селе и играли важную роль в просвещении крестьянок и массово-разъяснительной работе среди них. Не случайно в резолюции совещания секретарей сельских партячеек Донского округа Северо-Кавказского края в феврале 1925 г. подчеркивалась необходимость охвата крестьянок услугами изб-читален (Резолюция совещания секретарей сельских ячеек Донского округа «О работе в деревне среди женщин» от 22 февраля 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.) Сб. документов / Науч. ред. П.В. Барчугов. Ростов н/Д., 1962. С. 396).

⁶ Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа... С. 83.

ских советах. Только в Ставропольском округе Северо-Кавказского края в 1925 – 1926 гг. в заседаниях сельсоветов принимали участие 3 944 женщины, а в 1927 – 1928 гг. – уже 13 484.¹ То есть всего лишь за год численность женщин, принимавших непосредственное участие в работе местных органов власти на Ставрополье, выросла более чем в три раза.

Вместе с тем представители окружного и районного руководства, работники женотделов Северо-Кавказского края, оценивая эти позитивные сдвиги, проявляли весьма сдержанный оптимизм, указывая на то, что количественные достижения далеко не всегда сопровождаются глубокими качественными переменами. Сотрудники Ставропольского окрисполкома признавали, что, хотя численность женщин, принимавших участие в функционировании сельсоветов, резко увеличилась, все же «непосредственное участие [женщин] в работах Советов, рост [их] активности идет значительно медленней».² Иными словами, крестьянки зачастую не проявляли никакой инициативы на заседаниях сельских советов; по существу, они не участвовали в этих заседаниях, а лишь присутствовали на них. Неудовлетворительное положение с вовлечением женщин в общественную деятельность констатировали и работники Терского окружного комитета ВКП(б) в 1928 г.³

Источники позволяют утверждать, что в 1920-х гг. вовлечение крестьянок в общественную деятельность тормозилось такими факторами, как их низкий образовательный уровень (несмотря на функционирование системы ликбеза) и патриархальные традиции деревни, с силу которых, например, муж («грубый властелин своей жены»⁴), мог попросту не пустить ее на собрание и во-

¹ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1074, л. 18.

² ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1074, л. 18.

³ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 48.

⁴ Как ведется работа среди женщин и девушек в деревне // Крестьянские истории. С. 180.

обще запретить заниматься общественной работой.¹ Именно на это жаловались участницы конференции крестьянок, созванной летом 1923 г. в Благодаринском уезде Ставропольской губернии (будущий Благодарненский район Ставропольского округа). По их словам, «беда в том, что Советы, вернее, наши мужики-хохлы, не дают нам свободы, задерживают назади», да и «если-б мы, грамотные были, а то что, и балакать боимся на сходках».² С крестьянками были солидарны представители местной администрации, которые даже в конце 1920-х гг. указывали, что, «будучи не вполне раскрепощена, не имея квалификации и специализации своего труда, а также будучи малограмотной, [женщина не проявляет общественной активности, и поэтому] активное участие [женщин] в общественной работе слабое».³

Начало нового этапа в деятельности советско-партийных органов по привлечению сельских женщин к участию в общественно-политических мероприятиях совпадает с разворачиванием сплошной форсированной коллективизацией и относится к исходу 1920-х гг. Это вовсе не было случайностью. Большевистское руководство прекрасно понимало, что «именно от женщин-колхозниц зависел быстрый успех или затянувшаяся борьба за сельскохозяйственный артельный труд».⁴ Не случайно в январе 1930 г. представители руководства Северо-Кавказского края говорили: «Женщина – есть мать. Если она неосознательна – она тормозит работу мужа, мешает. Она не допускает детей в пионеры, в комсомол. Потому, при сплошной коллективизации края самое серьезное внимание надо обратить на женскую часть села. Через нее легче влиять на семью».⁵ Коллективизаторы стремились превратить как можно большее количество селянок в агита-

¹ Письмо А. Попова в «Крестьянскую газету» // Крестьянские истории. С. 179.

² Степная К. О работе крестьянок далеких степей // Крестьянка. 1923. № 8. С. 35.

³ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 107, л. 14.

⁴ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 7.

⁵ Прения по докладам тт. Пивоварова и Тюрникова // Молот. 1930. 10 января.

торов и борцов за колхозы. Уже во второй половине 1920-х гг. Терский окружком ВКП(б) настоятельно требовал усилить меры по вовлечению женщин в «работу советских, кооперативных и других организаций».¹ В апреле 1930 г. почти одновременно Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком приняли специальные постановления об активизации работ среди женщин.²

Прежде всего, была усилена работа по выдвижению активисток из числа крестьянок или колхозниц и по руководству их общественной деятельностью. В принятом Совнаркомом и Колхозцентром СССР в 1929 г. «Положении о советах содействия колхозному строительству при районных (окружных в автономных областях) исполнительных комитетах» предусматривалось, что в данный орган должны входить 11 человек: представители районных или окружных комитетов компартии и комсомола, исполкомов, земельных отделов, комитетов крестьянских обществ взаимопомощи, отделов образования и здравоохранения, «инструктор-колхозник», и т.д. Среди них был указан и сотрудник отдела по работе среди женщин (женотдела), на которого возлагались обязанности содействовать организации культурно-бытовых заведений в колхозах (тех же яслей), рационализации использования женского труда, развитию общественной инициативы колхозниц и единоличниц.³

В том же году было принято «Положение об уполномоченных по работе с общественницами». Согласно «Положению», такие уполномоченные выдвигались из состава членов президиумов окружных или областных исполкомов «в целях улучшения руководства и обобщения и учета опыта по работе с женщинами-

¹ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 8, л. 91 – 91об.

² См.: Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О работе среди женщин в русских округах края». Апрель 1930 г. // ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 176; Постановление Северо-Кавказского крайисполкома «Об оживлении работы среди женских батрачко-бедняцких и середняцких масс» (не ранее 13 апреля 1930 г.) // Молот. 1930. 13 апреля.

³ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1074, л. 28.

общественницами и по втягиванию женщин в советское строительство».¹ По существу, уполномоченные по работе с женщинами-общественницами (рассматривавшиеся как чрезвычайный институт) должны были выполнять те же функции, которые возлагались на женотделы. Сам факт принятия «Положения об уполномоченных по работе с общественницами» свидетельствовал о неудовлетворительном выполнении женотделами поставленных перед ними задач. Причем, что показательно, среди уполномоченных насчитывалось не так много женщин, как можно было бы полагать, учитывая их предназначение. В частности, в Ставропольском округе в 1929 г. насчитывался 141 уполномоченный по работе среди женского населения, причем 73 из них были мужчинами и только 68 – женщинами.² Данное обстоятельство также свидетельствовало о неудовлетворительной работе среди женщин, проведенной в 1920-х гг. Будь иначе, гендерный состав уполномоченных по работе с общественницами был бы совсем иным, с превалированием женщин – сельских активисток.

В апреле 1930 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) постановил развернуть работу среди женщин, выделив для этого во всех партийках ответственных женорганизаторов (членов бюро ячеек) в качестве руководителей, организующих «женработы среди колхозниц и невошедших в колхоз». Такие же женорганизаторы должны были быть выделены в квартальных ячейках, в бригадах, и т. д. Кроме того, следовало организовать, помимо женделегатских собраний общестаничных, такие же собрания в колхозах, кварталах и пятидесятидворках.³ Должности женорганизаторов «для проведения систематической работы среди женщин»⁴ предусматривались в колхозах, что резко повысило численность таких работников, учи-

¹ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 825, л. 1.

² Подсчитано по: ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 825, л. 209 – 214.

³ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 176.

⁴ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. Пятигорск, 1930. С. 70.

тивная масштабы и темпы коллективизации. В колхозах Юга России в начале 1930-х гг. было следующее «построение женских групп: колхозный женорганизатор, бригадный женорганизатор и организатор женской группы [в бригаде]».¹ Любопытно, что из 1 069 рабочих-двадцатипяти тысячников, «закрепленных на колхозной работе по Северному Кавказу», на 6 человек были возложены обязанности женоргов (женорганизаторов), а еще 40 человек стали инструкторами-организаторами (массовиками), и по роду занятий также проводили организационно-пропагандистскую работу среди женской части населения деревни.²

На протяжении последующих лет власти также не забывали о пополнении и укреплении кадров женоргов. Важным мероприятием, отразившимся и на работе среди женщин, стала организация политотделов МТС и совхозов, созданных в соответствии с резолюцией январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). В резолюции ничего не говорилось о работе среди женщин, но одна из важнейших задач политотделов была сформулирована следующим образом: «сколотить беспартийный актив вокруг партийно-комсомольских ячеек, отнюдь не отгораживаясь от беспартийных колхозников и рабочих совхозов, а наоборот, устанавливая с ними связь и отношения сотрудничества».³ Само собой

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1400, л. 9.

² Из обзора Колхозцентра СССР о работе 25-тысячников в колхозах. [Не ранее 6 июля] 1930 г. // Материалы по истории СССР. Т. I. С. 490. Правда, гендерный потенциал двадцатипяти тысячников в данном вопросе был использован далеко не полностью. Дело в том, что только среди южнороссийских рабочих-двадцатипяти тысячников (набранных в пределах Северо-Кавказского края, без учета присланных из Москвы и с Украины) насчитывалось 56 женщин (Из докладной записки Северо-Кавказского крайсовпрофа крайкому ВКП(б) о мобилизации тысячи рабочих на работу в колхозы. 10 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 246). Женоргами же стали, как отмечалось, лишь 6 рабочих. То есть большая часть женщин из числа двадцатипяти тысячников была направлена в другие сферы деятельности. Такое распределение вряд ли можно признать рациональным: ведь женщины с большей пользой могли осуществлять функции женоргов, чем мужчины.

³ Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов», принятая по докладу Л.М. Кагановича 11 января 1933 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов. С. 735.

подразумевалось, что в составе беспартийного актива должны были быть и женщины. Поэтому в состав работников политотделов были введены и организаторы работы среди женщин. Правда, эта штатная единица (вместе с еще одной должностью – редактора многотиражной политотдельской газеты) была введена не сразу, а уже после организации политотделов МТС и совхозов.¹ Только в районы Ставрополя и Терека было направлено для организации политотделов 392 человека, в том числе 91 женорг.²

Предпринимались и другие меры для повышения общественной активности женщин-колхозниц и поддержки сельских активисток. Так, в январе 1930 г. Терский окружком ВКП(б), констатируя неудовлетворительную подготовку к весеннему севу и медленное выполнение плана хлебозаготовок, решил отправить в села на двухдневный срок 100 уполномоченных, предписав, «чтобы в числе их было бы не меньше чем 20 женщин».³ Видимо, женщины-уполномоченные были необходимы для эффективной разъяснительной работы среди крестьянок и колхозниц, а также для руководства сельскими активистками. В марте 1933 г. в Северо-Кавказском крае (как правило, в городах) началась мобилизация 100 коммунисток для массово-пропагандистской работы среди колхозниц сроком на 2 – 3 месяца.⁴ Данная акция, на наш взгляд, была вызвана необходимостью успокоить общественное мнение в деревне, до крайности раздраженной непосильными хлебозаготовительными планами и организационно-хозяйственной слабостью многих колхозов.

¹ Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. С. 167.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 68.

³ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 13.

⁴ Из докладной записки начальника политсектора МТС Северо-Кавказского края А.М. Штейнгарта в ЦК ВКП(б), Политуправление Наркомзема СССР и крайком ВКП(б) о предварительных итогах работы политотделов края. 9 марта 1933 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 533.

Помимо укрепления административных органов, призванных стимулировать и направлять общественную деятельность сельских женщин, руководить ею (а также помимо создания новых институтов, на которые возлагались те же задачи), советско-партийное руководство СССР накануне и в период развертывания сплошной коллективизации предприняло меры, чтобы оживить непосредственно общественную деятельность колхозниц и крестьянок. Цель, которую преследовали при этом органы власти, очевидна: она заключалась в том, чтобы с помощью сельских женщин как активной общественно-политической силы в кратчайшие сроки выполнить намеченные планы «колхозного строительства» и различные хозяйственно-политические кампании (весенний сев, хлебозаготовки, мясозаготовки, «раскулачивание» и пр.). Для реализации указанной цели проводились, в частности, специальные совещания, конференции и съезды колхозниц и крестьянок.

Уже в марте 1929 г. в Северо-Кавказском крае были проведены районные и окружные совещания общественниц (6 марта 1929 г. такое совещание состоялось в Ставрополе как административном центре Ставропольского округа¹). В мае 1929 г. по краю состоялись районные и окружные съезды крестьянок и колхозниц (они проходили, в том числе, в Ставропольском и Терском округах²). На тот же месяц намечался краевой съезд сельских женщин, важнейшая задача которого, по словам первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева, заключалась в том, чтобы «пошуметь вокруг этого как следует»³ (то есть привлечь внимание сельского социума к вовлечению женщин в производственную, административную и общественную работу в колхозах). Причем уровень таких совещаний и съездов не ограничивался районом, окру-

¹ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 92, л. 102.

² ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 36, л. 16; д. 42, л. 194; ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 825, л. 13, 15; д. 1396, л. 60.

³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 18.

гом или краем. Так, осенью 1929 г. в Северо-Кавказском крае начался отбор кандидатур на первый Всесоюзный съезд колхозниц, который планировалось созвать в Москве в декабре того же года.¹

Массовые мероприятия по подъему активности женщин в деле «колхозного строительства» дали определенный положительный эффект, в связи с чем краевое руководство на Юге России было намерено широко использовать их и в процессе сплошной коллективизации. На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 9 декабря 1929 г. было решено проводить как меры содействия коллективизации «женские делегатские собрания и специальные женские конференции».²

Все эти женские совещания, собрания, конференции и съезды, при всем различии их уровней и статуса, выполняли общую для них всех внутри- (и даже внешне-) политическую задачу: они были призваны продемонстрировать гражданам СССР и зарубежной общественности, что аграрная политика советской власти (и коллективизация как одно из важных мероприятий в рамках данной политики), пользуется безоговорочной поддержкой широких масс крестьянства. По крайней мере, следовало создать хотя бы видимость такой поддержки. Перечисленные массовые мероприятия должны были, с помощью сельских активисток, сформировать общественное мнение, положительно настроенное к «колхозному строительству».

Источники позволяют утверждать, что эта цель была достигнута, ибо выступавшие на перечисленных массовых мероприятиях женщины, как крестьянки, так и уже состоявшиеся колхозницы, критиковали «кулацкие происки» против «колхозного строительства», одобряли и коллективизацию, и те методы, которыми она проводилась (в частности, насилие по отношению к «кулакам»). Так, на состоявшемся в мае 1929 г. Ставропольском район-

¹ ГАСК, ф. р-602, оп. 1, д. 88, л. 25.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 948, л. 5.

ном совещании женщин-делегаток от общественных районных организаций одна из выступавших женщин описала достоинства колхозов и происки «кулаков» в простых словах, доступных и наиболее подходящих сознанию большинства присутствовавших.¹ Не менее сильное впечатление на собравшихся должны были произвести слова крестьянки, выступавшей в январе 1930 г. на женской районной конференции Воронцово-Александровского районе Ставропольского округа: «я с мужем батрачила. Знаю, как тяжела эта жизнь; только в колхозе при объединенном труде мы получим облегчение». Не случайно по итогам выступлений конференция постановила «одобрить решение [Ставропольского] окружкома и окрисполкома о сплошной коллективизации всего нашего округа в 1930 г.».²

Единодушное одобрение коллективизации и других правительственных мероприятий в аграрной сфере, звучавшее в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на женских совещаниях, конференциях, съездах разных уровней, было, конечно, в значительной мере результатом умелой режиссерской работы представителей власти. Ведь к выступлениям (да, как правило, и к самим общественным мероприятиям) допускались лишь выходцы из беднейших и средних слоев деревни, а не представители «кулачества» или противники «колхозного строительства». Иначе не могло быть в условиях, когда демократические традиции российской

¹ По словам этой ставропольской крестьянки, когда она вступала в колхоз, «кулаки говорили: [«]куда ты идешь» иди – там тебе помогут. Но я не послушалась, в колхозе мне дали 20 р[ублей] на прокормление лошади, кулаки опять говорили: «бери, бери на свою шею». Я ответила: «а у вас если возьмешь, то на чью шею, тоже на мою» – сейчас я в колхозе уже заработала на этой лошади 50 р[ублей], а у кулаков я бы этого не заработала никогда, у меня было раньше 16 дес.[ятин] земли и я пользовалась только 1 – 2 дес.[ятинами], а остальной пользовались кулаки, а теперь все это в колхозе» (ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1398, л. 57).

² Из протокола конференции женщин Воронцово-Александровского района Ставропольского округа. 20 января 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 231 – 232.

деревни использовались сталинским режимом исключительно для достижения его собственных целей.

Однако, при всем размахе режиссерской работы, крестьянские совещания, конференции и съезды периода коллективизации не походили на парадные съезды ВКП(б) – КПСС, где с трибун звучали речи, в правдивость которых зачастую не верили сами ораторы. Крестьянки и колхозницы не кривили душой, когда звали односельчан в колхозы. Для многих из них, хлебнувших лиха «в своем единоличестве»,¹ коллективные хозяйства казались выходом из тяжелого положения, спасением от вечной нужды, голода и разорения.² Положительные оценки «колхозного строительства» на женских совещаниях, конференциях и съездах в конце 1920-х – начале 1930-х гг., свидетельствовали о наличии союза между властью и значительной частью российского крестьянства. Кто же из крестьян мог предвидеть, что колхозы превратятся в подконтрольные государству предприятия, где свободные ранее земледельцы будут «прикреплены к земле» и лишатся права распоряжаться плодами своего же труда?!

Помимо одобрения коллективизации, сельские общественницы-активистки участвовали в реализации данной политики и различных хозяйственно-политических кампаниях. Женщины входили в группы бедноты при сельских (станичных) советах, которые содействовали проведению коллективизации и «раскулачивания». Так, к маю 1930 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края такие группы были созданы при 97 сельсоветах из 145. В них входили 2 699 человек, в том числе –

¹ Кондрашин В.В. История села Лох // Крестьяноведение. М., 1997. С. 212.

² Как выразилась на проходившей в январе 1930 г. районной бедняцко-середняцкой конференции Славянского района Северо-Кавказского края крестьянка Валан, «колхоз наш друг» (Из протокола Славянской районной бедняцко-середняцкой конференции по сплошной коллективизации. 15 января 1930 г. // Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927 – 1941 гг.). С. 70).

673 женщины.¹ Создавались также женские вербовочные бригады,² агитировавшие крестьян за вступление в колхозы.

Среди хозяйственно-политических кампаний важнейшими являлись подготовка и осуществление посевной, уборки урожая, и пр. Уже в начале 1928 г. сельские женщины Юга России принимали участие в районных посевных совещаниях, где обсуждалась «политика партии в деревне» и планы весеннего сева. Только в Донецком округе на этих совещаниях женщины составляли (как того и требовал Северо-Кавказский крайком компартии) не менее 10 % от среднерайонного количества участников, измерявшегося цифрой 102 человека в каждом районе.³ Весной 1929 г., когда в Терском округе Северо-Кавказского края начали проводиться районные посевные бедняцко-середняцкие совещания (конференции), где обсуждались «политика партии в деревне и задачи поднятия сельского хозяйства», окружком ВКП(б) случайно требовал, чтобы женщины составляли не менее 20 % присутствовавших.⁴

Даже в антирелигиозных кампаниях, сопровождавших коллективизацию, сельские женщины принимали участие (хотя крестьянки, как правило, отличались гораздо большей религиозностью, чем мужская часть населения деревни). Иной раз разрыв колхозниц с религией принимал уродливые формы. Так, в коммуне им. А.П. Смирнова Терского округа, где, по сообщениям властей, «много коммунаров не ходят в церковь, выносят иконы», в начале 1930 г. «коммунарка Кацарина променяла свою икону за две головки капусты на Железноводском базаре. Коммунарка Шапкина продала икону за 50 коп., а другую променяла на кол-

¹ ГАСК, ф. р-595, оп. 1, д. 1006, л. 1.

² Созданы женские вербовочные бригады // Молот. 1931. 19 января.

³ Докладная записка Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) об итогах работы районных посевных совещаний. 24 марта 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 65.

⁴ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 35, л. 21об – 22.

басу».¹ При всем понимании специфики эпохи «великого перелома» становится как-то не по себе, когда читаешь подобные сообщения о том, как «освободившиеся от религиозного дурмана» советские крестьяне и крестьянки торговали верой своих отцов.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что общественная активность сельских женщин, умело направляемая органами власти (как центральными, так и местными, от Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) до райкомов и сельсоветов), являлась одним из важных факторов осуществления «колхозного строительства». Конечно, далеко не всегда советская бюрократическая система управления была способна на эффективную работу с населением, тем более с сельским (удаленным от городов как центров сосредоточения советско-партийных управленческих учреждений и потому для бюрократов как бы не существующим). Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в феврале 1930 г. пенял местным работникам: «Крайком в своих директивах указывал на всю важность работы с женскими массами. Однако это остается невыполненным».² Спустя месяц крайком вновь констатировал отсутствие работы среди женщин, признав тем самым невнимание местных властей к этому участку массово-пропагандистской работы.³ Даже в феврале 1931 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) вновь был вынужден признать, что «с особенной остротой встает вопрос о коренном улучшении работы среди женщин».⁴ В целом, однако, несмотря на многочисленные случаи равнодушия и бездействия представителей власти в деле привле-

¹ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 95.

² Из циркулярного письма Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) всем обкомам, окружкомам, райкомам и сельским ячейкам края об исправлении ошибок, допущенных при коллективизации. 18 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 266.

³ Директивное письмо Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) партийным организациям края о мероприятиях по укреплению колхозов в весеннем севе. 28 марта 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 287 – 288.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 945, л. 53.

чения сельских женщин к общественной деятельности, немало крестьянок и колхозниц Юга России стали активными сторонниками и реализаторами политики коллективизации.

Надо сказать, что общественная активность сельских женщин порождалась не только уровнем образования, воспитанием, степенью доверия большевистским лозунгам, но и такой банальной деталью (для женщины, впрочем, весьма важной, чуть ли не сакральной), как возраст. Большинство активисток были женщинами молодыми или среднего возраста, не более 35 – 40 лет. Так, известной своей трагической судьбой ставропольской крестьянке-активистке А.П. Брылевой (о ней еще пойдет речь ниже) в год «великого перелома» исполнилось 33 года.¹ Молодые и полные сил женщины, свято верившие в идеалы социализма, являлись активными и последовательными сторонниками «колхозного строительства». Да и тем сельским женщинам, которые были изломаны тяжелой крестьянской долей, сил придавала вера в «светлое будущее»: как они считали, «коммунистический рай» ими все-таки будет построен, пусть и не для себя, но для будущих поколений. Не случайно крестьянка Гординцева на районной конференции Воронцово-Александровского района Ставропольского округа в январе 1930 г. призывала присутствующих: «построим коммуны, если не для себя, то для наших детей».²

Вместе с тем в колхозах Юга России немало было колхозниц старшего и даже преклонного возраста, занимавшихся, и порой весьма результативно, общественной деятельностью. Об одной из них рассказывал в мае 1935 г. председатель колхоза «Красный партизан» Белореченского района Азово-Черноморского края Парамонов: «старуха Екатерина Каменская – пример всем моло-

¹ Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. Ставрополь, 1986. С. 131.

² Из протокола конференции женщин Воронцово-Александровского района Ставропольского округа. 20 января 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 231.

дым. Когда кулацкие последыши пустили провокационные слухи насчет комбайна,¹ она обходила все дворы колхозников и с большим восхищением, с мастерством художника обрисовывала замечательную работу комбайна».² Да и колхозницы преклонного возраста, выполнявшие обязанности инспекторов по качеству или просто трудившиеся на колхозных полях, уже самим фактом своей трудовой деятельности подавали пример молодым и тем самым косвенно выполняли общественно значимые функции. Общественная деятельность колхозниц старшего возраста служит основанием для существенной корректировки встречающихся в источниках запелляционных утверждений, что «старое поколение сильно тормозит развитие колхозной жизни».³

По мере расширения и укрепления колхозной системы перед сельским женским активом Дона, Кубани и Ставрополья возникали новые задачи. На протяжении второго из выделенных нами этапов общественной деятельности сельских женщин, продолжавшегося с 1933 г. по 1936 г. включительно, основное внимание было уделено не организации, но укреплению коллективных хозяйств. В рамках данного этапа различные слеты, конференции, совещания и съезды колхозниц, передовиков производства, ударниц (проходили даже слеты ударниц-старух)⁴ созывались не ради одобрения коллективизации, которая в начале 1933 г. была провозглашена законченной в основных зерновых районах страны. Теперь в ходе этих массовых мероприятий сельские активистки выступали за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за повышение трудовой дисциплины, за безус-

¹ Очевидно, имеются ввиду так называемые «антикомбайновые настроения», то есть нежелание колхозников и колхозного руководства использовать комбайны на уборке. Это было следствием высоких ставок натуроплаты МТС, отсутствия или недостатка тракторов и живого тягла, громоздкости и ненадежности комбайнов, представлявших собой сложные и легко выходящие из строя механизмы.

² Парамонов. Сообщение // Колхозный путь. 1935. № 5. С. 3.

³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 720, л. 56.

⁴ Бузиков. Небывалый интерес к съезду женщин-колхозниц // Молот. 1934. 25 января.

ловное и желательно досрочное выполнение «первой заповеди» (то есть плана хлебозаготовок), и т. д.

С 1936 г. специфическим направлением общественной деятельности сельских женщин Юга России стало участие в развернутой в это время кампании «за советское казачество». Донские, терские и кубанские казачки-колхозницы, учитывая особенности их социального статуса, не только одобряли данную кампанию (обещая советскому правительству крепить обороноспособность СССР), но и заверяли его в своей готовности активно трудиться в коллективных хозяйствах.¹

С 1934 г. колхозницы принимали участие в многочисленных кампаниях по борьбе с «врагами народа» самых разных мастей, осуждая их «контрреволюционную деятельность», одобряя выносимые им жесткие приговоры и клянясь не ослаблять «классовую бдительность». Однако, судя по имеющимся материалам (в частности, по частоте упоминаний в прессе) данное направление общественной деятельности приобретает самостоятельный характер лишь с 1937 г. и соседствует с задачей, не утратившей актуальности для колхозниц-общественниц на протяжении третьего из предложенных нами периодов (1937 – 1941 гг.) – задачей содействия организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Сочетание в общественной деятельности сельских активисток политических (борьба с «врагами народа») и хозяйственно-экономических (укрепление колхозов) мотивов выглядело вполне естественно. Ведь неполадки и упущения в функционировании

¹ Так, 8 марта 1936 г. в газете «Северо-Кавказский большевик» (г. Пятигорск) было опубликовано коллективное письмо 365 «терских казачек-матерей» Александрийско-Обиленского района Северо-Кавказского края, адресованное Сталину. Казачки писали генсеку ВКП(б): «Мы укрепили наши колхозы и живем теперь зажиточно и весело... Никто теперь нас не обманет и никто нас не свернет с большевистского пути. Мы – казачки, вырастим родине и тебе, любимый Сталин, новое большевистское, казачье поколение. И в случае, если враг посмеет напасть на Советский Союз, мы вместе с нашими мужьями и сыновьями, мы, советские казачки, не щадя сил и жизни, пойдем на защиту родины» (Родной, любимый Сталин! // Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта).

колхозов воспринимались как происки «врагов народа», стремящихся противодействовать «строительству социализма» и, в частности, «колхозному строительству». Поэтому колхозницы заверяли руководящие органы и лично тех или иных «вождей», что они будут не только крепить организационно-экономическую мощь колхозов, но и безжалостно бороться с «врагами народа». Например, осенью 1937 г. колхозницы сельхозартели «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области в своем коллективном письме, направленном лично И.В. Сталину, заверяли «вождя»: «Мы твердо помним, что наши победы вызывают люютую злобу врагов... Мы удесятерим свою классовую бдительность и еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина – Сталина, с еще большей самоотверженностью будем строить коммунизм».¹

Итак, на протяжении 1930-х гг. в общественной деятельности сельских женщин-активисток выделяется ряд этапов. Но изменялась ли степень общественно-политической активности женщин-крестьянок и колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья в границах рассматриваемого десятилетия?

На основании анализа источниковой базы мы можем ответить на этот вопрос утвердительно. В 1930-х гг., по сравнению с предшествующим десятилетием, общественная активность колхозниц (как на Юге России, так и в целом по стране) заметно повысилась. Речь, конечно, должна идти именно о колхозницах, так как в них превращались прежние крестьянки, по мере осуществления «колхозного строительства»; единоличницы же, в силу своего социального статуса и неуклонно сокращавшейся численности, не представляли для властей интереса с точки зрения поддержки ими тех или иных общественно-политических кампаний.

Вполне можно согласиться с прозвучавшими в конце апреля 1934 г. утверждениями членов Центрального исполнительного

¹ Вождю, учителю и другу колхозниц! Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области И.В. Сталину // Колхозница. 1937. № 11. С. 11.

комитета (ЦИК) СССР о том, что «женщины выросли как мощная и активная сила и в городе, и в деревне, и выдвинули из своих рядов многочисленные кадры передовых организаторов и борцов за строительство социализма».¹ В том же 1934 г. секретарь Петровского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края Пчелинцев рассказывал, что колхозницы «замечательно» ведут работу по коллективизации, в связи с чем у них в районе «женщины совершенно правильно поставили вопрос о разворачивании работы среди мужчин со стороны актива женщин».² Сами сельские активистки были полностью солидарны с мнением представителей власти. Как писали колхозницы сельхозартелю «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области в 1937 г. И.В. Сталину, «мы, Иосиф Виссарионович, выросли. Активнее, чем когда-либо, участвуем в общественно-политической жизни, в работе по управлению государством...».³

Подтверждением подобных высказываний служат, в частности, данные об увеличении женского представительства в сельских (станичных) советах. Если в 1926 г. в целом по стране на каждую тысячу членов сельсоветов приходилось только 99 женщин, то в 1934 г. – уже 262 женщин.⁴ При этом сельсовет не являлся пределом общественной или административной карьеры колхозниц-активисток. У них были вполне реальные шансы попасть в состав районных, краевых, областных исполкомов, или даже стать депутатом высшего органа государственной власти в Советском Союзе – Центрального исполнительного комитета (ЦИК).⁵ В частности, в 1936 г. среди членов ЦИК насчитывалась

¹ Постановление ЦИК СССР «О проведении международного женского дня» // Молот, 1 марта 1934 г.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 195.

³ Вождю, учителю и другу колхозниц! Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области // Колхозница. 1937. № 11. С. 10, 11.

⁴ Великая и полная победа // Колхозница. 1937. № 12. С. 10.

⁵ Центральный исполнительный комитет собирался в перерывах между созывами Съездов Советов СССР, которые официально являлись верховным органом власти Со-

101 женщина, и среди них – «донская казачка» Д.И. Сахно, до этого работавшая председателем Волченского сельсовета Азово-Черноморского края.¹ После 1936 г., когда согласно новой Конституции структура органов власти СССР видоизменилась, женщины могли быть избраны в высший орган власти – Верховный Совет СССР и участвовать в деятельности Президиума Верховного Совета. Так, в 1937 г. одним из депутатов Верховного Совета СССР от Краснодарского края была выдвинута трактористка Канеловской МТС П.И. Ковардак, которой на тот момент исполнилось 24 года² (еще один пример в пользу мнения, что общественной деятельностью занимались преимущественно сельские жительницы молодого и среднего возраста).

Рост общественной активности колхозниц в 1930-х гг. являлся прямым результатом коллективизации, которая существенно ослабила ряд присущих сельскому социуму явлений, препятствовавших такой активности. К числу таких явлений можно отнести низкий уровень грамотности женщин-крестьянок; их зависимость от мужчины-домохозяина, одобряемую общественным мнением деревни; негативное отношение крестьян к тому, чтобы женщина занималась общественной деятельностью, стремление не выпускать ее за рамки домашнего хозяйства, и т. д.

Хотя на протяжении 1920-х гг. активно велась работа по ликвидации неграмотности, в том числе и среди женщин, результаты ее к началу 1930-х гг. были далеко неудовлетворительны. Немало крестьянок и колхозниц оставались либо полностью неграмотными, либо малограмотными и в силу этого не ориентировавшимися в общественно-политической жизни Советского Союза.

ветского Союза. После принятия Конституции 1936 г. аналогом ЦИК стал Президиум Верховного Совета СССР, работавший в перерывах между сессиями Верховного Совета.

¹ Великая и полная победа // Колхозница. 1937. № 12. С. 10.

² Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.

Причем таковыми были не только пожилые женщины или старшего возраста, но нередко и сельская молодежь.

Характерный случай наблюдался в ноябре 1934 г. в одном из колхозов Кореновской МТС Азово-Черноморского края. В это время там проходила очередная проверка местных партийных ячеек. В ходе проверки, изучая уровень политической грамотности кандидатов и членов ВКП(б), проверяющие спросили у колхозницы Набатчиковой (кандидата в члены компартии), кто такой Сталин. На этот простой, казалось бы, вопрос, Набатчикова ответила: «Был работающий добросовестный труженик». Услыхав эту фразу (которая в устах «кулака» вполне могла быть расценена как «оскорбление величия»!), комиссия решила идти до конца, и поинтересовалась, где же «добросовестный труженик» Сталин работает в настоящее время? Но тут Набатчикова сдалась и, уже не пытаясь попасть пальцем в небо, честно ответила: «Не знаю. Мне муж всю ночь толк о Сталине, а я так и не запомнила».¹ И этот пример, перекликающийся с известными строками из «Поднятой целины» о том, кто же такой «ударник»,² далеко не единичен: колхозниц, подобных Набатчиковой, в коллективизированной деревне было достаточно много.

¹ На проверке – тов. Набатчикова // Колхозный путь. Газета политотдела Кореновской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 13 ноября.

² Когда во время весеннего сева Кондрат Майданников по нормам выработки обошел всех пахарей из его бригады, Давыдов, благодаря казаков-колхозников за хорошую работу, сказал: «Отдельное спасибо Майданникову, так как он – самый фактический ударник!». Вечером, когда довольный похвалой «Кондрат уже придремал», к нему под зипун забралась жена и робко спросила, кто же такой «ударник». «Кондрат много раз слышал это слово, но объяснить его не мог. «Надо бы у Давыдова разузнать!» – с легкой досадой подумал он. Но не растолковать жене, уронить в ее глазах свое достоинство он не мог, а потому и объяснил, как сумел: - Ударник-то? Эх, ты, дура-баба! Ударник-то? Кгм... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боёк, каким пистонку разбивают – его тоже самое зовут ударником. В винтовке эта штука – заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: ударник есть самая заглавная фигура, поняла? Ну, а зараз спи и не лезь ко мне!» (Шолохов М.А. Поднятая целина. М., 1960. С. 266).

Вместе с тем в колхозах была значительно усилена работа по подъему уровня общей и особенно политической грамотности колхозников и колхозниц. Как мы уже отмечали, в 1930-х гг., по сравнению с предшествующим десятилетием, на Юге России, да и в целом по стране, возросла численность женорганизаторов, поскольку эта должность была введена во многих колхозах (это был как бы ответ самой колхозной жизни на одно из предложений первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимова: «я за то, что может быть выделить члена правления колхоза женщину, которая специально ведала бы организацией женщин»¹).

Колхозные женорганизаторы по роду деятельности были обязаны систематически знакомить колхозниц с положением в стране и в мире, что, естественно, способствовало повышению их политического кругозора и, как следствие – росту общественной активности. Кроме того, в целом ряде колхозов колхозницы посещали школы; в колхозных бригадах устраивались громкие читки газет; в колхозных клубах выступали лекторы; перед крупными политическими событиями (такими, как выборы в верховные органы власти и т. п.) в коллективных хозяйствах организовывались кружки, где сельским жителям разъясняли смысл этих событий в контексте положения Советского Союза. Так, в уже упомянутом колхозе «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области в 1937 г. «регулярно» работали десять (!) кружков «по изучению Сталинской Конституции и Положения о выборах». Кружки эти посещали все колхозницы, «за исключением очень старых и немощных», да и к тем на дом ходили пропагандисты. «Все неграмотные и малограмотные [колхозницы], даже 70-летняя колхозница Лаврухина», посещали школу.²

К сказанному следует добавить политизированность в данный период советской системы образования, которая была ориен-

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 15.

² Вождю, учителю и другу колхозниц... // Колхозница. 1937. № 11. С. 12.

тирована не столько на просвещение, сколько на политвоспитание. Школа и вуз 1930-х гг. готовили не только (зачастую не столько) образованного человека, сколько советского гражданина, преданного большевистскому режиму, лично «вождям» и готового бороться с «классовыми врагами». В этом смысле показателен пассаж из одной газетной публикации 1934 г. о колхознице Хижняк, которая в 42 года научилась читать и писать: «Тов.[арищ] Хижняк хочет так научиться грамоте, чтобы собственной рукой написать письмо о колхозной жизни своим вождям».¹ Не менее характерны и строки из письма одной из кубанских колхозниц: «Очень хочу изучить какой-нибудь язык. – Кругом нашей земли враги, надо знать их язык»² (здесь уж вспоминается незабвенный Макар Нагульнов, героически пытавшийся выучить английский, чтобы без помех осуществить пролетарскую революцию в Соединенном Королевстве!). Эти примеры как нельзя лучше доказывают, что в данное время образование мыслилось необходимым не столько для нормальной жизнедеятельности, сколько для активного участия в общественно-политической жизни. Так что нет ничего удивительного или неожиданного в том, что общественно-политическая активность колхозниц Юга России 1930-х гг. находилась на неизмеримо более высоком уровне по сравнению с крестьянками 1920-х гг.

Коллективизация ослабила и такой сдерживающий фактор общественной активности сельских женщин, как патриархальные семейные отношения, когда муж или родня могли просто запретить жене, сестре, дочери участвовать в тех или иных массовых мероприятиях. Собственно, значение этого фактора снизилось уже спустя краткое время после установления советской власти, в результате осуществленных большевиками преобразований в

¹ Волков, Лурье. Первые шаги культпохода в Тимашевском районе // Молот. 1934. 3 января.

² Александрова П.А. Пережитое // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 9.

сфере семьи и брака (установление равноправия полов, предоставление женщине права на развод и пр.). Однако в условиях индивидуального крестьянского хозяйства, когда все имущество фактически принадлежало мужу, сельская женщина не имела материальной самостоятельности и, соответственно, не могла выйти из-под власти супруга; если он был против участия ее в общественной работе, то, как правило, ей оставалось лишь смириться.

Но «колхозы показали путь освобождения женщины».¹ Получив здесь относительно стабильный источник дохода, колхозница уже не в такой мере, как ранее, зависела от мужа. Если он был против ее общественной деятельности, женщина могла и уйти, как это сделала П.А. Александрова из станицы Зассовской Лабинского района Азово-Черноморского края. По ее словам, «муж меня всегда ругал за то, что я работаю, выполняю политические задания, и к каждому меня ревновал». Тогда она развелась со своим доморощенным Отелло и «вышла замуж за комсомольца и кандидата партии» А.П. Гудкова.²

Что касается осуждения общественно-политической деятельности крестьянок и колхозниц со стороны сельского социума, то с этим, как свидетельствуют источники, в 1930-х гг. было достаточно быстро покончено. Иначе не могло быть, поскольку подобные факты расценивались представителями власти как «вылазки классового врага». В этой связи весьма характерно, что первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов расценил как происки «кулаков» слухи, распускавшиеся по поводу состоявшегося в 1934 г. в крае первого съезда «женской молодежи» (говорили, «что на съезд отобрали девушек для того, чтобы областные и краевые работники женами могли их себе взять»)³.

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 3.

² Александрова П.А. Пережитое // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 9.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 88 – 89.

Наконец, попытки запугать сельских активисток или физически устранить их жестко и решительно карались советским государством. Такие попытки неоднократно предпринимались в деревне в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. (иногда и в конце десятилетия), в условиях вызванного коллективизацией обостренного социального противостояния.¹ Так, в августе 1928 г. «кулаки» пытались убить уже упоминавшуюся нами селькора А.П. Брылеву² из хутора Веселого Армавирского округа, за критику местных властей. Уполномоченный хутора А.С. Кравченко («кулак») и его дальний родственник И.И. Черненко (по некоторым данным, нанятый Кравченко за 400 руб.³) стреляли в Брылеву из обреза, убили ее дочь, а саму тяжело ранили. Но она выжила и назвала убийц, которые были приговорены к расстрелу.⁴ В конце 1928 г. на хуторе им. Шевченко Абинского района кулаки избили женщину – члена избиркома, активно выявлявшую лишенцев. За это суд приговорил организатора избиения кулака Вакуленко к заключению на пять лет «со строгой изоляцией» и конфискацией части имущества, а ближайший соучастник, «подкулачник» Черепок, был приговорен к трем годам лишения свободы «со строгой изоляцией».⁵

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113, л. 59; Акт классовой мести // Орджоникидзе́вская правда. 1937. 17 октября; Корреспонденция из газеты «Сальский пахарь» об убийстве кулаками комсомолки Карасевой в селе Белая Глина Донского округа. 25 декабря 1929 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 218 – 219

² В прессе того времени ее упорно именовали Брилевой, что характерно для документов 1930-х гг., в которых фамилия человека часто искажается, иногда по несколько раз в одной и той же газетной (реже журнальной) публикации. Таковы, впрочем, и другие дошедшие до нас источники (письма, сообщения политотделов МТС, ОГПУ, и пр.). Думается, явления такого порядка были не только и даже не столько следствием безалаберности журналистов, работников типографий или представителей власти, сколько свидетельством глубочайшего невнимания (даже презрения) к личности, столь присущем рассматриваемой нами эпохе.

³ Под контроль масс. Из сообщения Рабоче-крестьянской инспекции в газете «Правда». 27 октября 1928 г. // Документы свидетельствуют. С. 176.

⁴ Корреспонденция из газеты «Донецкий хлебороб» о покушении на селькора Брылеву на хут. Веселом Армавирского округа. 14 ноября 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 117.

⁵ Урок кулакам // Молот. 1929. 3 января.

Разумеется, при всем позитивных переменах нельзя переоценивать степень общественной активности всей массы женщин-колхозниц Юга России в 1930-х гг., как и степень готовности сельского социума эту активность принять и одобрить. Все-таки основная масса колхозниц пассивно относилась к общественной деятельности. В некоторой степени об этом свидетельствует тот факт, что в сельских партийных организациях женщины численно намного уступали мужчинам. Так, в начале 1934 г. в колхозе «Знамя коммуны» Новороссийского района Азово-Черноморского края из 15 членов ВКП(б) была только одна женщина, из 25 членов ВЛКСМ – лишь 7 девушек.¹

Да и советское общество в целом, с одобрением (или, по крайней мере, терпимо) относясь к деятельности наиболее известных активисток, не было готово к тому, чтобы общественной или административной работой занималось большинство женщин. Хотя, как уже отмечалось, в первой половине 1930-х гг. численность женщин в сельсоветах намного превысила уровень 1920-х гг., положение в данной сфере было далеко до идеала. «Политическая активность женщин очень высока и почти не уступает активности мужской части населения», утверждалось в советской прессе, «а число женщин-депутатов советов в три раза меньше числа депутатов[-]мужчин»; при этом постоянно наблюдается отсев женщин из сельсоветов под предлогом их «бездеятельности», а на самом деле это есть проявление «старорежимной косности многих советских работников».² При всей жесткости оценок эти утверждения были недалеки от истины.

Наконец, и это самое главное, следует отметить специфику общественной деятельности колхозниц в условиях сталинского политического режима. Произшедшие в советский период изменения в общественно-политическом устройстве и гендерной

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 24.

² Шабурова М. Женщина и советы // Колхозница. 1937. № 8 – 9. С. 10 – 12.

структуре, давшие женщинам больше прав и свобод, имели, конечно, позитивное значение (если сравнивать их с реалиями предшествующих исторических эпох). Но в условиях сталинского режима, окончательно оформившегося в 1930-х гг., общественно-политическая деятельность советских граждан, и женщин в том числе, носила преимущественно демонстративно-показной характер. Женщины могли быть избраны в высший орган власти Советского Союза (ЦИК или, с 1937 г., Верховный Совет), но фактическая власть принадлежала не им и не советским гражданам в целом, но Политбюро ЦК ВКП(б). Так что представители руководства Петровского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края были правы лишь отчасти, говоря присутствовавшим на районном женском совещании в мае 1929 г.: «женщины, мы с вами призваны быть вождями страны».¹

Правда, женщины колхозной деревни были счастливы уже тем, что они получили по итогам «колхозного строительства». В 1935 г. колхозницы Георгиевского района Северо-Кавказского края писали Сталину: «мужик был в угнетении и страшной бедности, а баба – вдвое. Но пришла настоящая жизнь и для деревенской женщины. Дали нам жизнь колхозы».² Надо думать, председатель Тишкинского сельсовета Тарасовского района Ростовской области В.Г. Лаврухина была искренней, когда утверждала, что «в дореволюционном прошлом наша сестра – баба знала только скотину, горшки, пеленки да каторжную работу в хозяйстве... Колхозы [же] совершенно изменили жизненный уклад женщины. Теперь женщина вникает во все колхозные и государственные дела».³ А.М. Гапоненко из колхоза им. 1-го Мая Тимашевского района Азово-Черноморского края, побывавшая в числе 82 представителей края на Съезде Советов в Москве в но-

¹ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 1398, л. 72.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 202, л. 65.

³ Лаврухина В.Г. На широкой дороге // Колхозница. 1937. № 11. С. 14.

ябре 1936 г., восторженно писала в редакцию журнала «Колхозница»: «я, женщина, раньше при царе не имела права даже в сельское правление зайти, а сейчас была в Кремле и своими глазами видела любимого друга и учителя, вождя народов товарища Сталина. Минутами казалось, что во сне все это».¹ Колхозница Е.С. Шейкина (Тимашевский район Азово-Черноморского края) в письме в тот же журнал просто захлебывалась от счастья: «Я – ничтожная кухарка, пробудилась к сознательной жизни, получила государственную власть! Я – председатель сельского совета, да еще и член крайисполкома. Я сама себя не узнаю!».²

Впрочем, эти восторги, понятные современникам 1930-х гг. и разделяемые ими, не могут скрыть от сегодняшнего наблюдателя очевидного факта: женщины-активистки, и среди них колхозницы Юга России, попросту использовались сталинским режимом для достижения сформулированных им задач. Режим осуществлял постоянный контроль за населением страны, и в том числе держал в жестких рамках общественную активность колхозниц.

Итак, представляется возможным заключить, что в ходе коллективизации общественная активность женщин-колхозниц Юга России заметно повысилась, по сравнению с предшествующим десятилетием. Произошло это как в результате целенаправленных мероприятий властей, так и вследствие ослабления в ходе «колхозного строительства» ряда факторов, ранее препятствовавших сельским женщинам заниматься общественной деятельностью (низкий уровень грамотности, влияние патриархальных традиций, и пр.). Вместе с тем потенциал колхозниц в данном отношении не был использован полностью и, в любом случае, общественная деятельность сельских активисток осуществлялась под неослабным на-

¹ Гапоненко А.М. На Сталинскую Конституцию ответим удвоенным урожаем // Колхозница. 1937. №1. С. 15.

² Шейкина Е.С. Сталин – великий продолжатель дела Ленина // Колхозница. 1937. № 1. С. 14.

блюдением сталинского режима, в установленных им границах. Эта общественная деятельность была подконтрольна органам власти, несвободна и направлена на достижение задач, значимых для сталинского режима: форсированного осуществления коллективизации, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, одобрения репрессий против всех инакомыслящих и потенциально опасных для власти граждан Советского Союза.

2.4. Гендерная специфика крестьянского протеста насильственной коллективизации

Ожидая от колхозов перемен к лучшему, многие крестьянки Дона, Кубани и Ставрополя в конце 1920-х – начале 1930-х гг. выразили полную поддержку «колхозному строительству». Однако эту позицию разделяли далеко не все сельские женщины: противников колхозов среди них было ничуть не меньше, чем сторонников. Накал негативных настроений по отношению к колхозам был особенно силен на начальных этапах «колхозного строительства», когда сталинский режим с помощью жестких мер пытался в кратчайшие сроки сломать традиционный уклад сельской жизни.

Уже в 1929 г. органы ОГПУ зафиксировали в советской деревне около 12,8 тыс. различных крестьянских акций протеста (в частности, только массовых волнений, выступлений и бунтов произошло не менее 1 074, а число «террористических актов»¹ достигло 7 228).² В 1930 г., по мере форсирования темпов коллективизации,

¹ В источниках 1930-х гг. под «террористическими актами», или «терактами», понимались случаи физического насилия над местными советско-партийными чиновниками и активистами, которое было совершено одним или несколькими крестьянами (таковые объявлялись «кулаками» или «подкулачниками»). В этом случае «теракты» квалифицировались как «физические». Кроме того, были также «имущественные теракты», представлявшие собой попытки либо уничтожить колхозное имущество, либо причинить материальный ущерб колхозам или их членам (См.: Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. С. 326, 392 – 393).

² Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788.

ситуация в деревне еще более обострилась. Аналитики Секретно-политического отдела ОГПУ констатировали, что 1930 г. «в основном, характерен решительным поворотом кулачества и всех других контрреволюционных сил в деревне... к открытой борьбе против Советской власти».¹ Если в 1929 г. в деревне произошло 12,8 тыс. различных крестьянских акций протеста, то в 1930 г. – около 32 тыс.² Одних только массовых выступлений, в целом по СССР, произошло в 1930 г. 13,8 тыс. (2,5 млн. участников), что более чем в 10 раз превышало уровень 1929 г.³

Северо-Кавказский край являлся одним из первоочередных объектов коллективизации, и поэтому здесь протест крестьянства против насильственного и повсеместного насаждения колхозов отличался особой силой. Согласно сводкам и отчетам ОГПУ за март 1930 г., Северо-Кавказский край относился к числу районов СССР, «сильно пораженных» протестным движением; он находился на втором месте (после Украины) по числу и масштабам крестьянских акций протеста, а по числу «терактов» – на пятом месте в стране.⁴ В целом за 1930 г. в крае произошло 1 467 массовых крестьянских выступлений,⁵ а в 1931 г. и в январе – марте 1932 г. – еще 186 (причем за 1931 г. – начало 1932 г. сотрудники ОГПУ привели данные лишь по десяти русским округам края, без учета национальных регионов).⁶

¹ Там же, С. 787.

² Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. Редакторское ввводное слово к сборнику документов // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 8 – 9.

³ Рассчитано по: Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788, 802, 804.

⁴ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 802; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. // Судьбы российского крестьянства. С. 267.

⁵ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 803.

⁶ Подсчитано по: Справка СПО ОГПУ «О характере и динамике массовых анти-советских проявлений в деревне с 1 января по 1 октября 1931 г.» (13 октября 1931 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 777; Спецсправка Секретно-политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и массовых выступлениях

При этом, как справедливо указывают исследователи, «активную роль в антиколхозном движении играли женщины»,¹ которые нередко выступали инициаторами волнений, а еще чаще – наиболее активными их участницами. По данным ОГПУ, в 1930 г. массовые выступления, участниками которых в основном были женщины, составляли около 27 % от всех подобных акций протеста, произошедших в советской деревне.² Более того, роль женщин в акциях протеста возрастала: если в первом полугодии 1930 г. женские выступления составляли 32 % от общего количества, то во втором полугодии – уже 40 %.³ Об огромной роли женщин в массовых антиколхозных выступлениях в 1930 г. свидетельствуют и другие обзорные документы ОГПУ.⁴

Отмеченная общероссийская (общесоюзная) тенденция была характерна и для Северо-Кавказского края. Об этом, в частности, свидетельствует циркулярное письмо Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), направленное местным руководителям в феврале 1930 г. Здесь признавалось: «во всех имевших место случаях проявления недовольства и даже эксцессов женщины-беднячки и середнячки – проявляли себя активно, поддаваясь кулацкому влиянию и кулацкой провокации».⁵ В сводке Северо-Кавказской краевой прокуратуры «О перегибах и противодействии текущим хозпо-

крестьянства в 1931 г. – марте 1932 г. (Не ранее апреля 1932 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 331.

¹ Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. С. 75.

² Рассчитано по: Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 802.

³ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 793, 794.

⁴ Из справки ИНФО ОГПУ «Об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни». 25 августа 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 420 – 421; Из справки ИНФО ОГПУ об участии женщин в активных антисоветских проявлениях в деревне по материалам на 5 января 1931 г. (8 января 1931 г.) // Там же, СМ. 544 – 550.

⁵ Из циркулярного письма Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) всем обкомам, окружкам, райкомам и сельским ячейкам края об исправлении ошибок, допущенных при коллективизации. 18 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 266.

литкампаниям на селе» из одиннадцати массовых крестьянских выступлений, произошедших 8 – 21 марта 1930 г., шесть были охарактеризованы как преимущественно женские по составу участников.¹ Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев говорил на бюро крайкома 11 апреля 1930 г., что женщина «была использована [кулаками] в качестве сильнейшего фактора противодействия колхозному движению».²

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. роль и значение женщин во многих массовых крестьянских выступлениях против коллективизации были настолько велики, что с полным основанием можно говорить о гендерной специфике крестьянского протеста. Да и на всем протяжении 1930-х гг. (даже после того, как коллективизация была объявлена успешно завершённой) сельские женщины нередко гораздо более активно, чем мужчины, выражали своей протест против негативных характеристик колхозной системы. Ситуация эта выглядит несколько необычно: ведь женщины по традиции считаются «слабым полом», не способным на решительные и жесткие действия (тем более, на действия, совершить которые не отваживаются даже мужчины). Каковы же были причины столь странного явления в период коллективизации?

Как нам представляется, основными и ведущими причинами крестьянского протеста «колхозному строительству» являлись насилие, грубость и бесцеремонность, с помощью которых представители сталинского режима проводили «социалистическое преобразование деревни». Вопреки официальным заверениям о том, что коллективизация проводилась «при прямой поддержке *снизу* (курсив источника – *авт.*) со стороны миллионных масс крестьян», а сопротивление ей оказывали только «кулаки» (которым, якобы, лишь изредка удавалось «подбить крестьян на прямые антисовет-

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 17 – 20.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 17.

ские выступления»)¹, источники убедительно свидетельствуют о массовости и широкой распространенности антиколхозных крестьянских акций. Принимая во внимание высокую численность участников крестьянских акций протеста (которая, как уже отмечалось, в 1930 г. исчислялась даже не сотнями тысяч, а миллионами человек), нет ничего странного и неестественного в том, что более-менее значительную группу среди них составляли женщины.

Наряду с этим можно выделить и ряд специфических факторов, обусловивших участие крестьянок в антиколхозных акциях протеста. На наш взгляд, заслуживает поддержки точка зрения В.А. Бондарева, который полагает, что вовлечение женщин в состав участников акций протеста происходило по таким причинам, как: воздействие предшествующих преобразований советской власти, направленных на эмансипацию женской части сельского населения; относительная мягкость наказаний, предусмотренных для женщин советским законодательством; постепенное сокращение в ходе репрессий численности мужчин, способных к открытому выражению неповиновения властям; воздействие особых черт женской психологии (стремление защитить «домашний очаг» и пр.); большая активность женщин, проявляемая ими при решении общественно значимых вопросов на уровне села.² Вместе с тем указанный перечень факторов женской антиколхозной активности нуждается в определенной доработке и систематизации.

Как нам представляется, причины, обусловившие важную роль женщин в протестном движении против «колхозного строительства», можно сгруппировать на ряд типологически различных групп. В этом случае факторы женской протестной активности будут распределяться на:

- гендерно-демографические (постепенное возрастание удельного веса женщин в составе участников антиколхозного

¹ История ВКП(б). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 292, 294.

² Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. С. 386–391.

протеста в результате репрессий; возможно, в данном случае в некоторой степени сказались и последствия Великого голода 1932 – 1933 гг., в ходе которого, по воспоминаниям очевидцев, чаще умирали мужчины, чем женщины);

- гендерно-психологические (стремление женщин защитить «домашний очаг», которому угрожали завышенные хлебозаготовки, обобществление скота и птицы и т. п.; большая активность женщин в ходе споров и конфликтов в рамках семьи или деревни);

- гендерно-политические (специфика аграрной политики сталинского режима, направленной на решение масштабных задач за счет сельского населения, что вызывало возмущение последнего; повышение общественной активности женщин в результате мероприятий советской власти – ликвидации неграмотности, вовлечения крестьянок в местные органы власти, и т. п.);

- гендерно-юридические (более мягкая позиция советского уголовного законодательства по отношению к женщинам, выступавшим против большевистской аграрной политики).

Все указанные факторы, так или иначе, воздействовали на женский протестный потенциал. Наиболее зримым, очевидным, было влияние факторов гендерно-демографического порядка, поскольку сотрудники ОГПУ фиксировали не только социальный, но и половой состав участников тех или иных акций крестьянского протеста. Как уже указывалось, в целом по СССР в 1930 г. более четверти всех массовых крестьянских выступлений и бунтов являлись преимущественно женскими. По мере же сокращения в деревне численности мужчин, способных выступить против власти, роль женщин в акциях протеста еще более возросла. Так, в русских округах Северо-Кавказского края за период с октября 1931 г. по март 1932 г. произошло 56 массовых крестьянских выступлений против

колхозов и коллективизации. В сводках ОГПУ подчеркивалось, что все (!) эти выступления были преимущественно женскими.¹

О существовании гендерно-юридических факторов женской протестной активности свидетельствовали сами работники ОГПУ, утверждавшие по итогам 1930 г., что налицо «излишне снисходительное отношение карательных органов к женщине – участнице того или иного антисоветского проявления».² Подобного рода утверждения содержали определенные элементы лукавства, поскольку при таком подходе получалось, что не политика сталинского режима вызывала протест жителей села (в том числе и женщин), а чрезмерная гуманность советского уголовного законодательства. Кроме того, если советская карательная система и проявляла относительную мягкость по гендерному признаку в 1930 г., то, что можно сказать о печально знаменитом постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., известном как «закон о пяти колосках» (или закон «семь-восемь»)? Согласно данному шедевр сталинского юридического творчества, за хищение в колхозе небольшого количества зерна или колосков предусматривалась смертная казнь или («при смягчающих обстоятельствах», как подчеркивалось в этом документе) лишение свободы «на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» и без права амнистии.³ Как известно, по «закону о пяти колосках» уже к исходу 1932 г. (то есть примерно за шесть месяцев) были осуждены на разные сроки не менее 54,6 тыс. человек, при-

¹ Спецсправка... (Не ранее апреля 1932 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 331, 332; Спецсправка СПО ОГПУ «Об отрицательных моментах и политическом состоянии отдельных районов Союза». Не ранее 1 апреля 1932 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 76.

² Из справки ИНФО ОГПУ... (8 января 1931 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 545.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 453 – 454.

чем 2 110 приговорены к расстрелу и в отношении каждого второго приговор приведен в исполнение.¹

А ведь женщин-колхозниц и единоличниц, срезавших на полях колоски с целью спасти от голода своих детей, было ничуть не меньше, чем мужчин-«парикмахеров».² Источники содержат массу подобных примеров. Так, в июне голодного 1933 г. колхозные объездчики станицы Каневской Северо-Кавказского края задержали на поле 55-летнюю колхозницу Ефимию Дубченко с 3 кг колосков. Тогда же в станице Старо-Деревянковской была задержана (также с 3 кг) 35-летняя Акулина Мищенко, в станице Медведовской – 36-летняя колхозница Шмалько, в станице Екатериновской – 60-летняя колхозница Вера Троян, и т. д.³

Показательно, что бдительные сталинские приспешники осуждали чрезмерную, по их мнению, мягкость судей, которым со-

¹ Мерль Ш. Голод 1932 – 1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 50. Добавим, что колхозницы и единоличницы, задержанные на полях за стрижкой колосков, не только арестовывались, но нередко подвергались издевательствам. Так, летом 1933 г. в колхозе им. Ворошилова Курганенского района председатель колхоза Бубликов связал руки колхознице, вся вина которой заключалась в том, что она сломала два початка кукурузы. Навесив колхознице на шею эти два початка, ее привязали к столбу, где она простояла всю ночь. Наутро в таком виде ее водили по колхозным бригадам (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 97).

² О том, через что приходилось пройти колхозницам, стремившимся путем хищения колосков спасти свои голодающие семьи, хорошо написал Виктор Карпов, основываясь на воспоминаниях жителей Белокалитвенского района Ростовской области (он, правда, писал о событиях голодного 1943 г., но точно так же колхозницы поступали и в 1930-х гг.). Когда колхозницы возвращались домой с поля, «колоски были за пазухой, в сапогах, в потаенных карманах юбок и рукавов. Умудрялись шить из тряпок кисеты, наполняли ошелушенным зерном, при опасной встрече [с объездчиками] заранее отпускали шнурок. Кисет мягко скользил по ноге и падал в траву. Главное – не только суметь принести двести – триста граммов зерна, но и суметь сорвать колоски, отделить зерна незаметно для бригадира и особенно некоторых бдительных колхозников, которым и без основания не доверяли. Даже особые молитвы и заклинания появились... Дома добытчица выгоняла детей из хаты, расстилала скатерть на полу, становилась на нее и разоблачалась. Старуха-мать помогала. Развязывали туго стянутый пояс. Зерно, шурша, сыпалось вниз. Вытряхивали из сапог, карманов. Сильно краснело натертое остьями тело. Разговор шел шепотом. При луне, таясь от детей и соседей, веяли зерно. Очень удачным считался день, если набиралась литровая баночка зерна. Поздно ночью, если прислушаться, глухо стучали ступки почти в каждом дворе. Наутро ребятня ела кашу, и казалась она слаще меда...» (Карпов В. Лихолетье // Крестьянин. 2003. № 23. С. 9).

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 118 – 119.

весть не позволяла осуждать людей по юридически безграмотному закону «семь-восемь» (ведь он не предусматривал даже дифференциацию наказаний в зависимости от тяжести преступления). Так, в спецсводке ОГПУ «О недочетах в ходе сельскохозяйственных работ по Георгиевскому району [Северо-Кавказского края]» от 13 июля 1933 г. в числе «недочетов» был указан и такой, как чрезмерная мягкость судебных органов по отношению к расхитителям (и особенно расхитительницам) «социалистической собственности». В частности, в колхозе «Красный Кавказ» на показательном процессе судья Сысоев позволил себе откровенно (и, что важно, публично) поиздеваться над сталинским творением «о пяти колосках». Подводя итоги рассмотрения дела единоличницы, срезавшей колоски, он вынес следующий приговор: «10 лет [лишения свободы], но учитывая наличие у обвиняемой 5 детей – 3 года, а учитывая, что она женщина – [осудить] условно». Такой поступок судьи, оказавшегося настоящим человеком (в отличие от огромного количества тех моральных уродов, которые в данное время вершили судьбы деревни), вызвал резкое неодобрение сотрудников госбезопасности. К счастью, в сообщении ничего не говорится о мерах против судьи; остается надеяться, что он не пострадал за свою человечность.¹ Но показательна позиция властей, готовых отправить в лагеря даже мать пятерых детей. С учетом таких фактов сложно рассуждать о какой-то «мягкости» советского законодательства в отношении сельских женщин, так или иначе (зачастую неосознанно) выступивших против злодеяний сталинского режима.

Вместе с тем нельзя назвать полностью неправомерными утверждения о некоторой мягкости судебных и карательных органов СССР в отношении женщин. Отчасти такие утверждения были справедливы, поскольку существовали некоторые норматив-

¹ Там же, л. 172.

ные документы, предусматривавшие дифференцированный подход к правонарушителям в зависимости от их пола. Так, в марте 1930 г. Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях об ответственности членов крестьянского двора по ст. 61 Уголовного кодекса указал, что к уголовной ответственности, конечно, следует привлекать главу двора или кого-либо другого, исполняющего обязанности главы двора. «Само собой разумеется», разъяснял при этом Верховный суд непосредственным исполнителям на местах, «что привлечение к ответственности членов двора — женщин, как пока наиболее угнетенного и подчиненного элемента в крестьянском дворе, может иметь место лишь в исключительных случаях».¹ Другое дело, что впоследствии, как мы уже отмечали, эта мягкость была признана излишней и вредящей делу охраны «социалистической собственности».

В определенном смысле эта мягкость советского уголовного законодательства по отношению к женщинам проистекала не только из признания факта их угнетенного положения в деревне (и даже не только из стремления привлечь крестьянок на сторону советской власти), но также и потому, что женские волнения и выступления зачастую не влекли столь серьезных последствий, как мужские. В ряде случаев крестьянки ограничивались демонстрацией протеста, публично выражая неприятие аграрных преобразований «по-сталински», как это было в селе Довсун Ставропольского округа Северо-Кавказского края. Как сообщали местные власти в начале 1930 г., «женщины ходят по селу группами и делают выкрики нелестные в адрес советской власти вообще и сельсовета и колхоза, в частности».² В 1930 г. в станице Нововеличковской кубанского округа «вспыхнуло женское восстание.

¹ Из разъяснений Верховного суда РСФСР об ответственности членов крестьянского двора по статье 61 Уголовного кодекса. 28 марта 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 344.

² Цит. по: Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. С. 75.

Женщины не пускали мужчин в поле и сами разобрали лошадей из колхозных конюшен к себе на дом».¹

Если устным выражением недовольства дело не ограничивалось, то обычно максимум действий, которые женщины были способны предпринять в отношении советско-партийных чиновников или активистов, ограничивался избиениями разной степени тяжести. Об этом хорошо сказал М.А. Шолохов в одном из своих писем о положении в Вешенском районе Северо-Кавказского края в 1932 г., во время осуществления кампании по мясозаготовкам.² Да и сотрудники ОГПУ, анализируя события 1930 г., хотя и утверждали, что женские выступления «сопровождались избиением совработников и советских активистов, разгромом сельсоветов и других общественных организаций и учреждений», ничего не говорили об убийствах, совершенных женщинами.³ Ясно, что случаев убийств либо не было вообще, либо, что вероятнее, они были единичны и не характерны. Женщины, которые гораздо менее мужчин были способны на столь серьезные действия, как убийство местных чиновников и активистов, не заслуживали особой суровости со стороны карательных органов.

Относительно легко можно было и прекратить женские волнения (конечно, в том случае, если местное начальство проявляло достаточно выдержки и хладнокровия, а так было далеко не всегда: ведь констатировали же сотрудники ОГПУ по итогам 1930 г., что во время крестьянских акций протеста «местный соваппарат и сельские активисты во многих случаях проявили крайнюю нестойкость и бежали из районов, охваченных бандповстанческим

¹ «Власть решила стрелять в толпу...» // Тепцов Н.В. В дни великого перелома. С. 119.

² «Сельхозисполнителей и других приехавших за коровами били чем попало, били преимущественно бабы и ребятишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались – там дело кончалось убийством» (Цит. по: Данилов В., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было // Урок дает история. М., 1989. С. 177).

³ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 793.

движением»¹). Так, весной 1930 г. в станице Советской Терского округа Северо-Кавказского края группа женщин численностью примерно в 30 человек, возглавляемая несколькими «женами кулаков и зажиточных», направилась в степь, чтобы разобрать по домам обобществленных лошадей, на которых колхозники в это время пахали. Намерения у женщин были самые воинственные, о чем свидетельствовали их призывы к участницам выступления: «бери дрючки² и бей их» (то есть колхозников). Однако до «дрючков» дело не дошло. На поля спешно прибыл председатель стансовета, которому вместе с колхозниками-коммунистами удалось уговорить женщин разойтись по домам (правда, трех лошадей они все-таки увели).³ Примерно так же закончилось женское выступление в станице Успенской Ново-Покровского района Северо-Кавказского края 25 июня 1930 г. По данным Кубанской окружной прокуратуры, женщины, в количестве до 400 человек, собрались возле сельПО (сельская лавка Единого потребительского общества) и «требовали отпуска товаров, угрожая разгромить магазины и склады ПО». Но, переговорив по душам с местным руководством, женщины мирно разошлись по домам.⁴

Правда, необходимо оговориться, что при определенных обстоятельствах женские бунты могли закончиться не менее тяжелыми последствиями, чем мужские. Во-первых, женщины иногда вооружались, причем не только «дрючками». Как отмечали сотрудники ОГПУ, в 1930 г. было зафиксировано «несколько случаев, когда женщины выступали, вооруженные вилами, палками, кольями, ножами»;⁵ оружие же требует применения, ставит вооружившегося перед сильнейшим соблазном испытать его мощь, — а отсюда недалеко и до жертв. Во-вторых, даже без оружия жен-

¹ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 798.

² Дрючок — палка, кол.

³ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 49 — 50.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 28.

⁵ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 793.

ская толпа могла оказаться крайне опасной. Происходило это, как нам представляется, в силу женской эмоциональности.

Крестьянские бунты вообще основывались на эмоциях, причем это утверждение одинаково справедливо и ко временам Пугачева, и к периоду коллективизации. Но для женских антиколхозных выступлений эмоциональность была более чем характерна. Достаточно вспомнить сюжет из «Поднятой целины» о том, как Давыдова избивали казачки, пожелавшие выйти из колхоза и забрать свое зерно. Чувствуя свою безнаказанность, они настолько расхотелись, что Давыдов, вначале терпеливо, даже с юмором, переносивший побои, через некоторое время начал думать: «только бы не свалиться, а то озвереют и – чего доброго – заклюют досмерти. Вот глупая смерть-то будет, факт!». ¹

Художественный вымысел М.А. Шолохова, как всегда, находит подтверждение в источниках (не случайно сам Михаил Александрович, указывая на то, что его произведения основаны на реальных фактах, говорил: «мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой. Я не собирал, а сгреб его в кучу» ²). Случаев, подобных описанному Шолоховым, в действительности было немало. Так, весной 1930 г. в селе Горькая Балка Терского округа Северо-Кавказского края группа женщин под руководством нескольких монахинь из местного монастыря попыталась разобрать из колхозной конюшни обобществленных лошадей. Конюх, приставленный к лошадям, отказался вернуть их бывшим владельцам. Тогда женщины, пользуясь численным превосходством, применили к конюху физическую силу. При этом «монашки, как одержимые», набросились на несчастного конюха, пытаясь «вырвать [ему] половые органы». ³ Так что в толпе женщины бы-

¹ Шолохов М.А. Поднятая целина. С. 236.

² Шолохов. Фотоальбом (издание 2-е) / Вступит. статья А.В. Софронова, сост. Э.С. Софроновой. М., 1989. С. 118.

³ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 49 – 50.

ли весьма опасны для представителей власти, активистов и просто колхозников, особенно если те оказывались в явном меньшинстве. И все-таки, несмотря на перечисленные факты, женские бунты и выступления были намного «легковеснее» и «безобиднее» «мужских», из-за чего советские судебные и карательные органы могли проявить известную мягкость и гуманность.

Что касается гендерно-психологических и гендерно-политических факторов женской протестной активности в период коллективизации, то их, на наш взгляд, следует рассматривать в комплексе. Ведь такие действия властей, как обобществление скота и птицы, завышенные хлебо-, мясо-, молокозаготовки, рождали у женщин естественную «охранительную» реакцию (если пользоваться выражением В. Распутина, назвавшего такую сущностную черту женской ментальности, как стремление защитить и сохранить свой «домашний очаг», «охранительностью»¹).

Даже в доколхозной деревне Юга России, с ее традиционализмом и патриархальностью (когда «глава славянской семьи имел право «поднять руку» на жену и детей», поскольку «все экономические ресурсы семьи были все еще сосредоточены в мужских руках»²), женщины проявляли известную общественную активность и не боялись, защищая интересы своей семьи, противоречить представителям власти. Покорная перед мужем, перед «начальством» русская женщина-крестьянка нередко была криклива и непочтительна. Этот парадокс сельской жизни подметил и описал великолепный знаток российской деревни А.Н. Энгельгардт: «вот для начальства бабы в деревне язва. Мужчины гораздо более терпеливо переносят и деспотизм хозяина, и деспотизм деревенского мира, и деспотизм волостного, и затеи начальства: станового, урядника и т. п. А уж бабы – нет, если дело кос-

¹ Распутин В. Cherchez la femme // Наш современник. 1990. № 3. С. 169.

² Колесникова Э.Г. Гендерные представления... С. 17.

нется их личных бабьих интересов».¹ По мнению Энгельгардта, объяснялось это тем, что «у баб индивидуализм развит еще более, чем у мужиков, бабы еще эгоистичнее, еще менее способны к общему делу – если это дело не общая ругань против кого-либо..., зато у баб гораздо больше инициативы, чем у мужчин».²

Эти гендерные особенности проявились и во время коллективизации на Юга России, которая, разумеется, весьма сильно коснулась «личных бабьих интересов». Представители руководства Ставропольского округа Северо-Кавказского края констатировали в начале 1930-х гг., что активная роль в протестном движении принадлежит крестьянкам, а «мужчины прячутся за спины женщин».³ В 1930 г. «граждане хлебоборобы» ст. Пашковской Кубанского округа писали «хозяину Советской России тов. Калинин», что их насильно загоняют в колхоз, где царит чудовищная бесхозяйственность. Они просили Калинина прислать в станицу своего представителя, а дальше шли такие слова: «Только побольше женщин, они всю подноготную расскажут, потому что мужики уже настолько запуганы, что боятся говорить и на собрания ходить, т.[ак] к.[ак] кто пожелает высказаться, его берут».⁴

Аналитики ОГПУ, подводя итоги 1930 г., докладывали центральному руководству, что женщины-крестьянки сорвали немало собраний, посвященных одобрению планов хлебозаготовок, самообложения, создания колхозов. Отмечалось, что мужчины нередко вообще не посещали таких собраний, а посылали вместо себя жен, поскольку те «понапористее, погорластее». Более того, в ряде случаев женщины даже запрещали своим мужьям вместе с ними принимать участие в акциях протеста: «это наше бабье дело, вам нече-

¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни (письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 185.

² Там же, С. 183, 184.

³ Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. С. 75.

⁴ «Народ стонет» // Тепцов Н.В. В дни великого перелома. С. 75, 78.

го вмешиваться».¹ Понятно, что такие действия обуславливались опасениями женщин (вполне обоснованными), что карательные органы в первую очередь нанесут удар по мужчинам, то есть по их отцам, мужьям, братьям или сыновьям. Стремясь защитить своих близких от репрессий и в то же время оказать противодействие аграрным мероприятиям сталинского режима, женщины сами организовывали и проводили акции протеста.

Следует добавить, что антиколхозная активность крестьянок, обусловленная спецификой гендерных ролей в деревне, еще более возросла в результате эмансипации сельских женщин, целенаправленно осуществленной советской властью в 1920-х гг. Произшедшее в те годы вовлечение крестьянок в сферу общественной деятельности, как мы уже отмечали, сказалось во время коллективизации: сельские общественницы поддержали процесс «колхозного строительства». Но некоторая часть общественно активных и политически просвещенных крестьянок, вопреки ожиданиям советского руководства, осудила коллективизацию как политику, ущемлявшую интересы широких слоев сельского населения. Получалось так, что большевики сами воспитали определенную группу наиболее последовательных, просвещенных (и потому весьма опасных) оппонентов среди крестьянок.

Протестуя против «колхозного строительства», и в целом против непопулярных на селе аграрных мероприятий сталинского режима, «антиколхозно» настроенные общественницы действовали весьма грамотно и решительно. Нередко именно они возглавляли женские акции протеста против колхозов, хлебозаготовок, «раскулачивания» и т. д. К слову, не всегда женские массовые акции протеста готовились и возглавлялись женщинами. Нередко инициаторами выступали священники, призывы которых находили наиболее горячий отклик среди женщин, которые выделялись среди паствы

¹ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 794.

большей религиозностью и эмоциональностью, по сравнению с мужчинами (так, в 1929 г. в селе Михайловка Северо-Кавказского края произошли «три женских волынки антиколхозного характера, под руководством церковников»¹). Еще в апреле 1928 г. крайком ВКП(б) в телеграмме всем обкомам окружкам констатировал, что имеют место попытки кулаков использовать женскую массу для срыва хлебозаготовок. На Кубани и в Адыгее даже состоялись созванные «кулаками» женские конференции, с требованиями «за веру», «в защиту духовенства» и т. д.²

Однако в большинстве случаев во главе женских выступлений находились именно женщины – наиболее активные и инициативные. Например, во время уже упомянутых волнений в селе Довсун в начале 1930 г., местные руководители сообщали, что «основной действующей силой по разбору инвентаря и прочего [обобществленного имущества] являются женщины, которых возглавляет и которыми руководит тоже женщина – член президиума сельского совета и член райисполкома».³

В ряде случаев женщины-общественницы проявляли недюжинные способности, защищая свою позицию путем обращения к трудам классиков марксизма-ленинизма. Показателен в данной связи следующий пример. В Кубанскую окружную прокуратуру 19 марта 1930 г. явились Анастасия Стоева и Гавриил Орлов, представившиеся как уполномоченные от хутора Ново-Ивановского Северского района. Непосредственная цель их визита состояла в подаче жалобы на неправомерные действия ретивых коллективизаторов, пытавшихся в кратчайшие сроки сделать из хутора колхоз. Но, помимо этого, в ходе возникшего диалога с работниками прокуратуры, Стоева в обоснование своего неприятия коллективизации «предъявила «Речь Сталина на заседании

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 753, л. 91.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 760, л. 381, 742.

³ Цит. по: Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. С. 75.

конференции аграрников-марксистов от 27 декабря 1929 г. в издании «Колхозной правды»¹ [в городе] Ростов-Дон» и процитировала выдержку из Ф. Энгельса: «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянства, мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае если оно на это решится. В том же случае, если он[о] еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке [земли]». Произнеся эту убийственную цитату, явно ставившую под сомнение «марксистскую» обоснованность коллективизации, Соева заключила: «слова Энгельса лежат под спудом, а на практике делается другое».²

Разве могли работники прокуратуры что-либо возразить против непогрешимого «классика», каковым был признан Ф. Энгельс? Очевидно, что возражений быть не могло. Впрочем, сам Сталин в таких случаях всегда прибегал к спасительному указанию на изменившиеся общественно-политические и социально-экономические условия; при таком подходе можно было всегда (и с успехом) отказаться от вчерашних своих заявлений и использовать в собственных целях недавно критикуемые утверждения оппонентов.

Вне зависимости от того, были ли сельские женщины, протестующие против «колхозного строительства», общественно и политически развиты, их протест обуславливался, прежде всего, «охранительностью» как одной из ведущих категорий женской ментальности. Не случайно большинство женских выступлений были направлены против тех мероприятий сталинского режима, которые непосредственно угрожали благополучию крестьянских семей.

¹ «Колхозная правда» – газета, издававшаяся в данное время в Северо-Кавказском, а затем Азово-Черноморском, краях. Видимо, речь Сталина была отпечатана в типографии данной газеты.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 18об.

Сотрудники ОГПУ указывали, например, что в первой половине 1930 г. большинство женских массовых акций протеста (1 154 из 2 897) «имели антиколхозный характер», выражаясь «преимущественно в самовольном разборе обобществленного скота, семян, инвентаря, разгромах колхозов» (здесь заметно, что женщины стремились вернуть то имущество, без которого существование крестьянской семьи находилось под угрозой). На втором месте находились выступления «на религиозной почве (то есть против закрытия церквей); таковых насчитывалось за первое полугодие 1930 г. 778. Далее шли выступления в защиту «раскулачиваемых» (422) и волнения «на почве продовольственных затруднений» (а затруднения эти, разумеется, возникали в значительной мере из-за безжалостного выполнения завышенных заготовительных планов). Во втором полугодии 1930 г., в связи с усилением активности властей в проведении хлебозаготовок, женщины чаще всего протестовали уже не против коллективизации, но против хлебозаготовительных кампаний. Волнения и выступления, спровоцированные хлебозаготовками, составляли 36 % в общей массе женских акций протеста; далее шли выступления против «раскулачивания» и «ущемления антисоветских элементов» (20 %), на религиозной почве (12 %), из-за «продовольственных затруднений» (10,7 %), коллективизации (10 %).¹

Собственно говоря, проводимые сталинским режимом в начале 1930-х гг. многочисленные хозполиткампании одновременно относились и к числу гендерно-политических факторов женского протеста, и являлись поводами, провоцировавшими те или иные протестные акции крестьянок, направленные в защиту материальных интересов и самого существования их семей. При этом, зачастую, протест начинался уже в рамках самой семьи, будучи, таким образом, непубличным.

¹ Докладная записка... (15 марта 1931 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 793.

В этом случае женщины выражали мужу свое нежелание и самим вступать в колхоз, и видеть его в колхозе. В одном из докладов ОГПУ разъяснялось, какие аргументы женщины применяли, дабы предотвратить вступление мужей в коллективные хозяйства: «по ряду станиц Терского, Майкопского, Армавирского и Кубанского округов женщины, выступая против вступления мужей в колхозы, в ряде случаев требуют разделов имущества и разводов».¹ Понятно, что раздел имущества и развод могли заставить образумиться большинство крестьян. Поэтому, при всей кажущейся несущественности указанного варианта женского протеста против коллективизации, практика свидетельствовала, что брачные узы и семейные обязательства выступали достаточно серьезным препятствием «колхозному строительству». Многие крестьяне отказывались вступать в колхоз, мотивируя это тем, что «баба не согласная», «я-то согласен, но у меня жена не хочет идти в колхоз, а без нее куда же я могу».²

Если муж все-таки вступал в колхоз, то эту, как полагала жена, глупость, можно было исправить, надавив на супруга и заставив его покинуть ряды колхозников (в начале 1930-х гг. еще аморфные и неустойчивые). Так, в январе 1930 г. во многих округах и районах Северо-Кавказского края был зарегистрирован ряд выступлений женщин, которые, якобы поддавшись «кулацкой агитации», требовали, чтобы их мужья покинули коллективные хозяйства. В частности, такие случаи отмечались в Терском округе, где «в ряде семей начался раздор, при чем жены настойчиво требовали выхода мужей из колхоза».³ Бывало, что матери выгоняли из дому своих взрослых детей, вступивших в колхоз.⁴

¹ Справка ИНФО ОГПУ «Об организационных недочетах и классовой борьбе вокруг коллективизации на Северном Кавказе на 15 января 1930 г.» (26 января 1930 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 88.

² Цит. по: Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. С. 135 – 136.

³ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. С. 18.

⁴ Ткаченко Н. Как загоняли в колхозы // Крестьянин. 2000. № 31. С. 22.

Нежелание крестьянок видеть мужей в колхозах, как и в целом их протесты против «колхозного строительства», были в значительной мере обусловлены боязнью перемен (тем более, что перемены эти совершались зачастую против их воли, под давлением властей), разнообразными слухами об «обобществлении женщин» в колхозах, антирелигиозными мероприятиями коллективизаторов. Но наибольшие опасения жителей села вызывала необходимость обобществления имущества в колхозах, поскольку это могло повлечь за собой ощутимые материальные трудности, голодовку, гибель семьи: ведь маломощные колхозы пока не обещали ощутимой оплаты труда, а своего скота и сельхозинвентаря для обработки полей у колхозников не оставалось. Особое неприятие вызывала практика обобществления имущества, когда, например, особо рьяные коллективизаторы пытались согнать в колхозы даже мелкий скот и птицу. В этой связи Терский окружком ВКП(б) в марте 1930 г. отмечал, что «наблюдаются в отдельных селах недопустимые извращения» при обобществлении имущества, и «прошедшая за последнее время по ряду сел и станций волна женских выступлений против колхозов, является прямым следствием этих извращений».¹

С учетом вышеизложенного неудивительно, что чаще всего в источниках встречаются описания таких женских акций протеста, которые были направлены против колхозов с акцентированием внимания на необходимости возвращения обобществленного инвентаря, семян, скотины. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) уже в феврале 1930 г. констатировал, что «в некоторых селениях имели место случаи выступлений бедняков и середняков (главным образом женщин) против коллективизации (особенно против обобществления молочного скота и птицы), против сбора задатков на трактора, целевых взносов на кооперацию, обобществле-

¹ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 128.

ния семенного фонда, а в отдельных случаях даже против ареста кулаков и конфискации их имущества», причем «местами эти выступления носили весьма резкий характер».¹

Наибольшего же размаха, судя по частоте упоминаний в источниках, подобного рода антиколхозные выступления в селах и станицах Юга России достигли в марте 1930 г. В это время женские бунты с требованиями вернуть обобщественное имущество прокатились по всему Северо-Кавказскому краю. В частности, в марте 1930 г. Терская окружная прокуратура докладывала краевому руководству Северо-Кавказского края, что в трех немецких колониях (Николаевской, Константиновской и Каррас) произошло «анти-колхозное выступление женщин, в результате чего был разобран обобщественный скот, находившийся в общественных конюшнях. Во время женских демонстраций, участницами которых являлись середнячки и беднячки, раздавались явно антисоветские лозунги, требовавшие роспуска колхоза, возвращения ранее высланных кулаков из ссылки, удаление актива бедноты из колоний и проч.[ее]. Следствием упомянутого выше выступления явился массовый выход из колхоза».² Характерно, что, по данным проведенного расследования, выступление было не подготовлено мифическим «кулаками», а вызвано чудовищных размеров бесхозяйственностью в поспешно созданном колхозе (он относился к разряду «гигантов», охватывая все три колонии). В частности, скот здесь не был обеспечен кормами и надлежащим уходом, что повлекло падеж животных; обобщественный сельхозинвентарь «хранился в неблагоприятных условиях, находясь в разбросанном виде, в грязи, что вызывало порчу такового», и т. д.³

¹ Из циркулярного письма Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) всем обкомам, окружкам, райкомам и сельским ячейкам края об исправлении ошибок, допущенных при коллективизации. 18 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 260.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 17.

³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 17.

Источники содержат немало других подобных примеров, хорошо отражающих накал эмоций, столь характерных для женских массовых выступлений. Так, 16 марта 1930 г. в станице Ольгинской Приморско-Ахтарского района Северо-Кавказского края «толпа в 300 человек, большинство женщин», напала на станичный совет, требуя возвращения из колхоза имущества, «причем схватили за грудь председателя, вследствие чего милицией произведено два – три выстрела».¹ На следующий день начались «женские волнения» в станице Восточной Усть-Лабинского района. Они, впрочем, отличались скромными масштабами: участие в них приняли лишь 30 женщин, которые, сознавая свою малочисленность, призывали станичников поддержать выступление, но все же попытались вывести лошадей из общественных конюшен.² Примерно в то же время в станице Александрийской Александрийско-Обиленского района «кулачеством была организована – волынка и выступление казаков (преимущественно женщин) с черным флагом с надписью: «Да здравствует советская власть без коммунистов и колхозов». Повстанцы кольями избивали активистов и разбирали обобществленное имущество».³

Не менее горячий протест вызывали и завышенные хлебозаготовки, которые тяжелым грузом ложились практически на все категории крестьянских хозяйств (хотя большевики, придерживаясь классовой политики и стремясь соблюсти социальную справедливость, наибольшие требования по заготовкам предъявляли зажиточным и кулацким хозяйствам). Опасность материальных лишений, причиняемых завышенными хлебозаготовками, была более чем реальной: ведь в начале 1930 г. в сельской местности Советского Союза (в том числе в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья) уже наблюдались «продовольственные затрудне-

¹ Там же, л. 17об – 18.

² Там же, л. 17об.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп.1, д. 753, л. 3.

ния», то есть, попросту, голодовки, вызванные грабежом деревни во время хлебозаготовок.

Уже в 1928 г. Терский окружком ВКП(б) указывал, что «имели место в ряде районов [Северо-Кавказского] Края попытки кулацких элементов использовать женские массы для срыва мероприятий по хлебозаготовкам».¹ Летом 1929 г. в станице Ищерской Терского круга Северо-Кавказского края женщины, «демонстративно требуя отмены хлебозаготовок», сбили замок с общественного амбара и пытались разобрать зерно. Показательно, что присутствовавшие при этом мужчины в количестве несколько десятков человек одобрительными возгласами поддерживали женщин, но сами активных действий не предпринимали. Причем представители власти, озвучившие данное общение на одной из заседаний ЦК ВКП(б), указывали, что по стране «фактов такого порядка чрезвычайно много».²

Но повсеместно такого рода женские выступления распространились лишь после официального объявления «великого перелома», достигнув пика в 1930 г. Можно выделить два периода на протяжении 1930 г., характеризующиеся наибольшим подъемом женских выступлений против хлебозаготовок. Это, во-первых, зима – весна, когда еще продолжались хлебозаготовки 1929 г., и осенне-зимний период, когда в полной мере развернулась новая хлебозаготовительная кампания, на сей раз уже по итогам урожая 1930 г. Неким связующим звеном между ними является весна – лето 1930 г., когда в селах и станицах Юга России, до нитки обобранных хлебозаготовителями, начался голод и жители резко критиковали власть.

В частности, в январе 1930 г. в станице Темиргоевской Курганенского района произошли массовые крестьянские волнения с участием женщин, вызванные неуклюжими попытками властей

¹ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 33, л. 4.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 38, л. 3.

создать очередной колхоз-«гигант» (характерно, что женщины «особенно активно протестовали против обобществления молочного скота»). В том числе не остались без внимания и хлебозаготовки: на всех поквартальных собраниях «поднимался также вопрос о перегибах, имевших место при проведении хлебозаготовок (изъятие семенного зерна и т. п.)».¹ Вечером 15 марта 1930 г. в станице Степной Приморско-Ахтарского района «произошел женский бунт», вызванный попытками властей вывезти из станицы муку.² Как видим, женщин беспокоило не только то, что хлебозаготовки могут оставить их семьи без пищи, но и судьба будущего урожая, которого вообще могло не быть из-за полной реализации завышенных хлебозаготовительных планов, когда местные исполнители забирали даже семенное зерно.

Поскольку сталинский режим, поглощенный построением «социалистического рая», не интересовался судьбами простых людей (то есть именно тех, для кого этот рай, теоретически, и предназначался), реализация хлебозаготовительных планов привела к голодовкам. Причем в данное время по стране наблюдался весьма характерный для рассматриваемой эпохи парадокс: от «продовольственных затруднений» страдали как раз основные сельскохозяйственные регионы, которые в обычных условиях не должны были сталкиваться с голодовками. Но сталинская заготовительно-распределительная политика была такова, что именно ведущие аграрные регионы СССР подвергались безжалостному грабежу, освященному советским государством и большевистской идеологией; население этих регионов, таким образом, кормило всю страну (особенно города и промышленные центры), но само голодало или вымирало от недоедания.

¹ Сообщение ИНФО ОГПУ о массовом выступлении крестьян в Армавирском округе. Не ранее 15 января 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 78.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 17об.

«Продовольственные затруднения», наблюдавшиеся в Северо-Кавказском крае весной – летом 1930 г. спровоцировали женские массовые выступления, отличавшиеся, в силу отчаяния участниц, даже большим ожесточением, чем противодействие хлебозаготовкам. Так, в мае 1930 г. в ряде сельсоветов Шахтинско-Донецкого округа состоялись созванные без ведома властей собрания крестьянок, число участниц которых исчислялось десятками. Собрания единодушно выносили следующие решения: «Предложить райцентру немедленно завезти в сельсовет необходимое количество хлеба для еды с таким расчетом, чтобы его хватило до 1 августа. В случае, если будет отказано в завозе хлеба, разобрать из неприкосновенного фонда имеющееся зерно».¹ Одновременно в других округах Северо-Кавказского края произошли аналогичные выступления. Например, в станице Ново-Щербиновской Ейского района Донского округа около здания станичного совета собралась толпа в 150 женщин, кричавшая: «Дайте нам хлеба!». В станице Ново-Титаровской Кубанского округа толпа из 200 женщин грозила разбить лавку ЕПО и убить председателя местного отделения единого потребительского общества; возмущение женщин было вызвано тем, что привезенное в лавку мясо было отпущено только членам союза бедноты.²

В это же время доведенные до отчаяния женщины начали задумываться о высоких материях, а именно о смене власти, которая довела хлеборобов до плачевного состояния. Летом 1930 г. в станице Анастасиевской Кубанского округа в группе женщин, собравшихся в станичном совете, слышались выкрики: «Довольно смотреть на них (представителей власти – *авт.*) и терпеть, надо брать колья и гнать от нас всех коммунистов-городовиков!»;

¹ Из справки ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе и в Сибири. 27 мая 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 360.

² Там же, С. 360.

«нам надо отвоевать свободу обратно, которую от нас отняли!». Тогда же в хуторе Тихоновском женщины, выступавшие на собраниях бедноты, угрожали бунтом: «Мы пока молчим, до поры до времени. Терпение кончится, тогда скажем свое слово. Терпение может лопнуть, потому что так «жить и мучиться» невозможно».¹ Эти выступления и высказывания свидетельствовали, что при определенных обстоятельствах женские бунты могли принять не только антиколхозный, но и ярко выраженный антиправительственный характер, что, конечно, было гораздо опаснее для сталинского режима, чем обычные протесты против «колхозного строительства». Впрочем, последовавшие затем события доказали, что развития эти наметившиеся тенденции не получили.

Осенью – зимой 1930 г. очередная хлебозаготовительная кампания вызвала новый взрыв крестьянских протестов, ударной силой которых по-прежнему выступали женщины. Так, в Крымском сельсовете Мясниковского района Дона 23 сентября толпа женщин в количестве около 100 человек, многие из которых были вооружены палками, воспрепятствовала вывозу зерна. При этом «посланные для ликвидации эксцесса партийцы, видя толпу, растерялись, спрятались».² Это был один из многочисленных случаев, вся масса которых дала основание аналитикам ОГПУ для утверждений (цитированных нами выше) о том, что многие сельские активисты и чиновники попросту бежали из мест, охваченных «бандповстанческим движением».

Кроме того, как уже отмечалось, женские волнения, выступления и бунты вспыхивали и по другим поводам: в защиту церквей от закрытия и разрушения, против «раскулачивания» и высе-

¹ Из справки ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе, в СВК и НВК, ИПО, Башкирии и Татарии на 15 июня 1930 г. (18 июня 1930 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 365.

² Из записи сообщения по прямому проводу в ОГПУ из Ростова-на-Дону от ПП ОГПУ П.Г. Рудь. 28 сентября 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 482.

ления «раскулаченных», и т. д. В частности, сотрудники ОГПУ докладывали, что в июне 1931 г. «при подъеме кулацких хозяйств в с. Палагиада Ставропольского района толпа женщин в 300 чел. разогнала активистов и распустила подготовленные к погрузке подводы». При этом был избит уполномоченный Ставропольского оперсектора ОГПУ Шефер, несколько самонадеянно попытавшийся уговорить толпу разойтись.¹ Достаточно решительно крестьяне, и женщины в том числе, противодействовали антирелигиозным мероприятиям властей. Так, когда в первой половине 1930-х гг. районное руководство Усть-Донецкого района Северо-Кавказского края дало санкцию на разрушение церкви в хуторе Мостовом, «хуторяне откликнулись мгновенно: вооружившись вилами, окружили церковь и стерегли ее несколько дней и ночей, пока угроза не миновала».²

Следует добавить, что на Юге России в начале 1930-х гг. вовсе не редкими были женские массовые акции протеста, являвшиеся, так сказать, смешанными. Иными словами, они возникали в ответ не на одно, а на несколько непопулярных мероприятий властей, и в ходе их женщины пытались противодействовать одновременно хлебозаготовкам и «раскулачиванию», или коллективизации и хлебозаготовкам, и т. д. Характерным примером такого рода протестных акций является выступление женщин в селе Круглолесском Александровского района Северо-Кавказского края, произошедшее в марте 1930 г. Здесь, во время сбора семфонда, «на улицах стали собираться толпы, преимущественно женщин», которые сначала потребовали прекратить сбор семян, а затем попытались разобрать обобществленный скот. Местные власти, как обычно, не смогли оказать бунтовщикам никакого сопротивления, так как остались в явном меньшинстве. Кстати, подобного рода факты (когда местные

¹ Сводка № 9 Особого отдела ОГПУ о ходе выселения кулачества на 28 июня 1931 г. (Не ранее 28 июня 1931 г.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 698.

² Сокольский Э. Забытый уклад // Крестьянин. 2004. № 18. С. 8.

советско-партийные чиновники и активисты оказывались в меньшинстве и бежали от разъяренных крестьян и крестьянок) лишний раз свидетельствуют, что ни коллективизация, ни сталинский режим не пользовались поддержкой большинства крестьян, разочарованных волонтаристской и, по сути, антикрестьянской, аграрной политикой большевиков. Лишь на второй день властям удалось прекратить беспорядки и вернуть разобраный по домам скот обратно в колхозные конюшни.¹

Несмотря на весь размах и мощь крестьянских антиколхозных акций протеста, в которых женщины играли далеко не последнюю роль, сталинский режим, использовавший все возможности государственного аппарата, партийной организации и карательно-репрессивных органов, смог преодолеть сопротивление села и осуществить «колхозное строительство». Коллективизация, как мы уже отмечали, была объявлена И.В. Сталиным завершённой в основных аграрных регионах СССР в начале 1933 г. Однако создание и укрепление «колхозного строя» еще не означало, что женский протест против колхозов вовсе прекратился. Женщины (теперь уже не крестьянки, но колхозницы), продолжали протестовать против негативных компонентов и характеристик колхозной системы, хотя формы и методы протеста изменились, как и его характер.

Анализ источников позволяет утверждать, что по завершении коллективизации и, особенно, по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, уровень протестной активности колхозного крестьянства вообще и колхозниц — в частности, заметно снизился. На Юге России всплеск крестьянских (в том числе и женских) акций протеста против коллективизации и в целом аграрной политики сталинского режима, приходится на конец 1929 — 1931 гг. На протяжении последующих лет масштабных акций протеста уже не наблюдалось. Произошло это не только потому, что

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 20.

наиболее активные противники «колхозного строительства» были устранены из деревни. Следует также принять во внимание, что многие жители села примирились с коллективными хозяйствами, а другие (таких тоже насчитывалось немало) были в основном удовлетворены своей новой, колхозной, жизнью.

Более того, применительно к коллективизированной деревне Юга России вообще сложно говорить об осознанном и активном протесте колхозников и особенно колхозниц. Во время коллективизации противники колхозов открыто демонстрировали свой протест, как словами, так и делами; понятно, что они сознательно боролись против «колхозного строительства». Недовольство колхозами сохранялось и в условиях уже победившей колхозной системы, о чем свидетельствует масса антиколхозных высказываний, зафиксированных сотрудниками ОГПУ – НКВД в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья. Однако в это время весь явно выраженный и осознанный протест словами и ограничивался. Что же касается не слов, но действий, направленных против колхозов, то сложно судить о степени их осознанности. Скорее всего, в большинстве случаев в это время деятельностный протест являлся не субъективным (то есть осознанным), а объективным. То есть негативные характеристики колхозной системы заставляли колхозников выступать против нее с целью поддержания жизнедеятельности своих семей. Но они чаще всего не помышляли о какой-либо активной, планомерной и сознательной борьбе против колхозов.

В основном протест колхозников и колхозниц в условиях победившей и укреплявшейся колхозной системы выражался в хищениях колхозного имущества (в первую очередь, зерна), уклонении от участия в общественном производстве, самовольном расширении размеров личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Об ЛПХ, дабы не нарушать авторской логики, мы будем говорить в последующих разделах нашей работы. Что же касается хищений и уклонения от уча-

ствия в колхозном производстве, то, поскольку об этом уже шла речь, ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Прежде всего, не вызывает сомнения, что хищения колхозниками продукции, произведенной ими же в своих коллективных хозяйствах, были объективно обусловлены такой негативной характеристикой колхозной системы, как снабжение непосредственных производителей по остаточному принципу (колхозникам доставалось лишь то небольшое количество продуктов, которое оставалось в колхозах после выполнения многочисленных обязательств перед государством и пополнения внутриколхозных фондов). Объективно хищения колхозной продукции, произведенные с целью материального снабжения колхозниками своих семей, представляли собой протест против колхозной системы в ее «сталинском «варианте».

Вместе с тем нередко хищения как протест трудно отделить от хищений, представлявших собой обычную девиацию (в последнем случае хищения представляли собой способ наживы). В этом смысле показателен следующий пример. В марте 1934 г. в колхозе «Красный Аксай» Мешковской МТС Азово-Черноморского края была ликвидирована «хищническая группировка», действовавшая несколько необычно. Дело в том, что, как докладывали сотрудники органов госбезопасности, «хищения производились на пунктах выдачи при переброске семян для посева. Для этой цели женщины из состава группировки при взвешивании и погрузке зерна на подводы отвлекали внимание весовщиков и давали возможность другим членам группировки грузить зерно на подводы без веса», а уж при транспортировке похитители сбрасывали лишнее зерно и разносили его по тайникам.¹ Столь обдуманый и спланированный подход к хищению зерна разительно отличался от обычной стрижки колосков голодными колхозниками колхозницами, стремившимися накормить своих детей. Думается, похитители из

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 113. л. 76.

приведенного выше примера отличались от «парикмахеров» тем, что для первых воровство зерна являлось способом наживы, в то время как вторые путем стрижки колосков спасались от голодной смерти. И если деятельность «парикмахеров» можно расценить как протест, то действия хитроумных похитителей, использовавших женщин в качестве отвлекающего средства – как девиацию.

Но в отчетах ОГПУ – НКВД хищения зерна не разграничивались по мотивам. Поэтому, не зная всех обстоятельств конкретного случая хищения, сложно сделать заключение о том, являлось ли оно объективно обусловленным протестом против колхозов или же социальной девиацией.

Так же обстоит дело и с уклонением членов колхозов от участия в общественном производстве. Мотивы здесь могли быть самыми разными: от невыхода на работу из-за физического истощения от голода (это можно расценить как объективно обусловленный протест против колхозов) до обычной лени. Поскольку в источниках содержатся лишь статистические данные, невозможно разграничить невыходы на работу, объективно представлявшие собой протест против колхозов, от всяческих иных случаев.

Со всей определенностью можно лишь утверждать, что женщины-колхозницы, обремененные заботами по домашнему хозяйству, гораздо чаще мужчин уклонялись от участия в колхозном производстве. Данная тенденция сохранялась на всем протяжении 1930-х гг. Как мы уже отмечали, в первой половине десятилетия участие женщин в колхозном производстве было заметно меньше, чем участие мужчин. Такая же ситуация наблюдалась и во второй половине 1930-х гг., о чем, например, свидетельствуют годовые отчеты ряда сельхозартелей Орджоникидзевского края.¹

¹ Так, в сельхозартели «Верный путь» Арзгирского района Орджоникидзевского края в 1937 г. не выработали ни одного трудодня всего 7 мужчин, но зато 24 женщины (ГАСК, ф. р-5351, оп. 1, д. 5, л. 1). В 1939 г. в сельхозартели им. 5 декабря того же района менее 100 трудодней (либо ни одного трудодня) не выработали 53 женщины, а вот

В целом же в 1940 г. в колхозах Орджоникидзевского края не выполняли установленного минимума трудодней (или вообще ни одного трудодня) 2,7 % мужчин и 15,5 % женщин от общего количества работавших колхозников, в Краснодарском крае соответственно – 2,3 % и 11,9 %, в Ростовской области – 1,4 % и 9,3 %.¹ Налицо гендерная специфика трудовой активности колхозников и, соответственно, – объективно обусловленного протеста против негативных характеристик колхозной системы, выраженного в уклонении от участия в общественном производстве.

Представляется возможным констатировать, что сельские женщины играли весьма важную роль в противодействии форсированной коллективизации. Активное участие крестьянок акциях протеста против коллективизации и других непопулярных мероприятий власти являлось не только формой сопротивления слабым (ведь, по убеждению жителей села, власть не могла покарать женщин так же сильно, как мужчин) или следствием устранения из деревни многих мужчин в результате репрессий. Это также было проявление в новых исторических условиях традиционных форм жизнеустройства и распределения гендерных ролей в деревне, сущностных характеристик женской ментальности. После того, как коллективизация была завершена и колхозная система упрочила свои позиции в деревне, женщины Юга России чаще мужчин демонстрировали свое недовольство негативными характеристиками колхозов, что, в частности, проявлялось в уклонении их от участия в общественном производстве.

мужчин среди нерадивых колхозников не оказалось (ГАСК, ф. р-5350, оп. 1, д. 6, л. 2об). В 1940 г. в сельхозартели «Верный путь» плохо работали уже 32 женщины (то есть больше, чем в 1937 г.), но все мужчины исправились и выработали требуемый минимум трудодней; в сельхозартели им. 5 декабря, напротив, численность плохо работавших женщин уменьшилась до 16, при сохранении по-прежнему высокой трудовой активности мужчин (ГАСК, ф. р-5350, оп. 1, д. 7, л. 2; д. 5351, оп. 1, д. 8, л. 2).

¹ Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 405, л. 146.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что значительная часть женского населения южнороссийской деревни активно выступила в поддержку «колхозного строительства», принимая участие в тех или иных общественно-политических мероприятиях (женских совещаниях, конференциях, и пр.). Такая позиция была обусловлена не только проведенными в 1920-х гг. мероприятиями по эмансипации женщин или активным их привлечением к проведению различных хозполиткампаний в 1930-х гг., но и тем, что многие сельские активистки видели в колхозах спасение от нужды и бедности.

Не менее важную роль женщины играли и в колхозном производстве. В данном случае сказывались не только традиционные расстановки производственно-гендерных ролей в деревне, когда на женском труде держались целые отрасли сельского хозяйства (огородничество, птицеводство, молочное животноводство, свиноводство, и т. д.), не говоря уже о многих производственных операциях в полеводстве или каких-либо других отраслях. Нельзя преуменьшать эффект целенаправленной деятельности советско-партийного руководства, стремившегося к максимально полному вовлечению колхозниц в аграрное производство (освобождение женщин хотя бы от части семейно-бытовых забот, борьба с патриархально-пренебрежительным отношением к использованию женского труда в новых отраслях сельского хозяйства, и пр.). Все эти меры принесли определенный положительный эффект: возросло участие женщин в колхозном производстве, ими были освоены новые отрасли и сферы деятельности (в частности, сфера механизации, и т. д.). Но даже к исходу 1930-х гг. колхозницы Юга России (как и всей страны), по сравнению с колхозниками, были в большей мере заняты в домашнем хозяйстве и в меньшей мере, – в коллективном.

3. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МЕНТАЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ-КОЛХОЗНИЦЫ: СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИИ И МОДЕРНА

3.1. Колхозница в домашнем хозяйстве как особом виде производства социальных благ

Как мы уже отмечали, сфера приложения трудоусилий женщин-колхозниц не ограничивалась только общественным производством, но включала в себя и домашнее хозяйство, или, если следовать букве советского законодательства 1930-х гг. – личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Домашнее хозяйство, обычно определяемое как сфера занятости, «в которой члены семьи или межсемейного клана обеспечивают своим трудом личные потребности в форме натуральных продуктов и услуг»,¹ представляло собой неперенный элемент жизнедеятельности любой крестьянской семьи. И в досоветский, и в советский (колхозный) периоды истории российской деревни домашнее хозяйство представляло собой совокупность многочисленных и самых разнообразных забот, которые в основной своей массе ложились именно на плечи женщин. Вместе с тем, в условиях колхозной системы личные подсобные хозяйства колхозников приобрели ряд специфических характеристик, что соответствующим образом отражалось и на домашних заботах женщин-колхозниц.

Процессы ускоренного переустройства всего уклада сельской жизни в период форсированной коллективизации сопровождались, как справедливо утверждают исследователи, «насаждением артельной формы коллективного хозяйства».² Уже в начале коллективизации, – в 1930 г., – сельскохозяйственная артель была признана «наиболее распространенной» и «основной» формой «кол-

¹ Радаев В.В. Человек в домашнем хозяйстве // Социс. 1997. № 4. С. 65.

² Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невская. Ставрополь, 1999. С. 283.

хозного движения».¹ Тот факт, что из трех основных форм колхозов, распространенных в СССР к исходу 1920-х гг., – коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов), – правительственные органы выбрали именно сельхозартель, оказал существенное (если не решающее) влияние на развитие личных крестьянских хозяйств в коллективизированной деревне.

Дело в том, что на протяжении 1920-х гг. (и в начальный период сплошной коллективизации), немало радикально настроенных членов ВКП(б) мечтали ликвидировать индивидуальное крестьянское хозяйство, видя в нем источник всех социальных зол и несправедливостей. Поэтому при создании колхозов они отдавали предпочтение коммуна, которые отличались «предельным уровнем обобществления производства»,² так что у крестьян в личной собственности не оставалось практически ничего.

Случись так, что в период коллективизации в советской деревне основной формой «колхозного движения» стала бы коммуна, и о домашнем хозяйстве как особой сфере производства социальных благ можно было бы забыть (несмотря даже на «громадную силу сопротивления семейного хозяйства по отношению к разрушительным влияниям извне»³). Ведь, теоретически, в развитых коммунах у женщин-коммунарок не оставалось почти никаких забот по дому. Они не только не заботились бы о домашнем скоте или об огороде (ибо личное хозяйство коммунаров в коммунах не предусматривалось), но даже не выполняли таких функций, как уход за детьми, приготовление пищи, уборка жилых помещений и т. п.: все

¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 139; Резолюция XVI съезда ВКП(б) «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства». Июль 1930 г. // Там же, С. 203.

² Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и входе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. С. 33.

³ Рогалина Н.Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 234.

это стало бы делом общественным, выполнялось совместно самими коммунарами или специальными работниками.¹

Однако И.В. Сталин и его ближайшее окружение, от которого, естественно, зависели характер и направленность «колхозного строительства», остановили свой выбор не на коммуне, а на сельхозартели (что касается ТОЗов, то большевики относились к ним резко отрицательно, как к низшей форме колхоза: не случайно уже в 1929 г. темпы прироста ТОЗов на Северном Кавказе сократились²). Одним из важнейших отличий сельхозартели от коммуны являлось неполное обобществление средств производства. В отличие от коммуны, в сельхозартели у колхозников оставались в личной собственности определенное количество скота и птицы, небольшой участок земли и орудия труда, необходимые для его обработки (лопата, тяпка, грабли и т. п.). Превращение в период коллективизации сельскохозяйственной артели в основную, а через некоторое время, – практически в единственную, – форму колхозов означало и сохранение «остаточных форм»³ индивидуального крестьянского хозяйства (а значит, – и домашнего хозяйства).

Конечно, с позиций большевиков-радикалов выбор в пользу сельхозартели представлял собой нарушение социалистических принципов. Но руководство страны, устанавливая основную фор-

¹ О том, как жизнь в коммуне уничтожала в сознании колхозников чувство хозяина, рассказал делегат от колхоза им. Шаумяна Георгиевского района Северо-Кавказского края во время беседы представителей крайкома ВКП(б) и делегатов второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников от Северо-Кавказского края в феврале 1935 г. По словам делегата, колхоз десять лет жил по уставу коммуны и, при переходе на устав сельхозартели, «мы встретились с большими трудностями, когда стали колхозникам выдавать скот, то колхозники стали противиться, колхозники совершенно отвыкли от своего скота». Когда же секретарь крайкома Путнин поинтересовался: «Лучше стало, что роздали скот?», то услышал в ответ: «Стало лучше. Но очень трудно было переломить. Работать теперь стало лучше, как свободная минута у колхозника, так он обязательно что-то начинает себе городить, а когда в коммуне жили, [было так,] что если общественной работы нет, то ничего не делает» (ЦДНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 13 – 14).

² Панарин А.А. Развитие сельскохозяйственной кооперации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1921 – 1929 гг. Армавир, 2000. С. 108.

³ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления В.П. Данилова // Отечественная история. 1993. № 2. С. 5.

му «колхозного движения», исходило не столько из отвлеченных идеологических доктрин, сколько из вполне практических расчетов. В частности, Сталин, объясняя свой выбор, говорил, что артель позволяет максимально форсировать темпы коллективизации: она не раздражает и не отпугивает крестьян в такой степени, как коммуна, поскольку «правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами».¹ Кроме того, сталинские колхозы в подавляющем большинстве не могли обеспечить материальные потребности колхозников, и зачастую именно ЛПХ выступали источником их материального благосостояния. Как справедливо отметил М.Б. Тленкопачев, «колхозы и совхозы не могли обеспечить даже самые насущные потребности крестьянской семьи, а государство – потребности остального населения в продуктах питания. В этой связи сущность государственной политики в отношении личного подсобного хозяйства состояла в определении его как временного, но необходимого ресурса, без которого невозможно было решить задачи становления новых отношений в деревне».² Сам Сталин, по существу, признавал это, говоря на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «...если у вас в артели продуктов мало и вы не можете дать отдельным колхозникам, их дворам, все что им нужно... тогда лучше некоторую дележку устроить: вот такая-то область работы – это общественное, а такая-то – личное».³

Учитывая эти соображения, ЛПХ предусматривались и первым (от 1 марта 1930 г.), и вторым (от 17 февраля 1935 г.) вариантами «Примерного устава сельскохозяйственной артели». В первом варианте не были четко прописаны размеры ЛПХ, и это было

¹ Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения Т. 13. С. 351.

² Тленкопачев М.Б. Политико-правовой статус... С. 34.

³ Выступление И.В. Сталина на заседании комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для рассмотрения проекта Примерного устава сельскохозяйственной артели. 16 февраля 1935 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 397.

сделано лишь в 1935 г. Согласно «Примерному уставу сельхозартели» 1935 г., колхозники Юга России могли иметь в личном пользовании участок приусадебной земли площадью (обычно 0,25 – 0,5 га), одну корову, до двух голов молодняка крупного рогатого скота, одну – две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы.¹ В 1936 г. право каждого колхозника иметь в личном пользовании подсобное хозяйство было закреплено и в ст. 7 Конституции,² что вызвало огромное воодушевление крестьян.³

Как видим, размеры ЛПХ колхозников были весьма скромными и «устанавливались таким образом, чтобы колхозники не приобрели экономической самостоятельности, находились в зависимости от колхоза».⁴ Однако это отнюдь не значило, что у донских, кубанских, ставропольских колхозниц, в сравнении с предколхозным периодом, стало меньше домашних забот. Особенности колхозной системы были таковы, что сельские жители по-прежнему уделяли немало сил и времени домашнему хозяйству (в этой связи О.А. Платонов обоснованно заметил, что, «несмотря на высокие налоги и обязательные поставки, взимаемые с личного крестьянского хозяйства, крестьянам было выгоднее работать в личном, а не общественном хозяйстве»⁵). В данном случае, по нашему мнению, необходимо учесть, как минимум, два принципиально значимых обстоятельства. Это, во-первых, недостаточно высокий уровень оплаты труда в большинстве колхозов, что заставляло

¹ История колхозного права. Т.1. С. 427, 428.

² Конституция СССР // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 23. С. 680.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп.120, д. 232, л. 69.

⁴ Из выступления М.А. Вылцана за «круглым столом» по теме «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 57. Нарком земледелия СССР М.А.Чернов, выступая на втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г., прямо указал, что государственная власть специально установила небольшие размеры ЛПХ, чтобы работа на них не мешала колхозникам «честно работать в общественном производстве колхоза» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 138, л. 35).

⁵ Платонов О.А. Русский труд. М., 1991. С. 260.

колхозников и, особенно, колхозниц, изыскивать средства к существованию путем неустанной работы в личных хозяйствах. Во-вторых, это крайне небрежное отношение колхозной администрации к своим обязанностям по поддержанию функционирования ЛПХ, в результате чего их владельцам нередко приходилось затрачивать дополнительные трудовые усилия для заготовки кормов, переработки продукции, и пр.

Как уже отмечалось, в 1930-х гг. многие коллективные хозяйства Юга России не могли обеспечить даже минимальных потребностей своих членов в продуктах питания. Естественная реакция колхозников на скудную оплату трудодней выражалась в том, что они большую часть сил и времени отдавали не колхозному производству, а личному подсобному хозяйству, стремясь обеспечить, как писал Дж. Скотт, «безопасное существование».¹

Ведущую роль в домашних работах на селе, в том числе на Юге России, играли женщины. Так, уже в начале 1930-х гг. советские исследователи указывали, что личные хозяйства являются объектом приложения основных усилий колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя: «необобществленное «хозяйство» колхозника невелико, но оно требует к себе известного внимания, оно нуждается в организующей роли человека и вот роль этого организатора и берет или вынуждена брать на себя в основном женщина».² Иными словами, даже в колхозах 1930-х гг. женщины зачастую выполняли вполне традиционную гендерную роль, заключавшуюся в ведении домашнего хозяйства. Более того, – под влиянием некоторых специфических характеристик колхозной системы традиционная роль женщины как работницы, занятой преимущественно в домашнем хозяйстве, еще более усиливалась.

¹ Скотт Дж.С. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Хэвн; Лондон, 1976 (Реферат) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5.

² Лукашенкова Э.В. Роль женского труда... // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11 – 12. С. 201.

Дело в том, что неучастие в общественном производстве или апатичное отношение к таковому влекли за собой исключение из колхоза и потерю земельного участка, находившегося в личной собственности того или иного сельского жителя лишь до тех пор, пока он состоял в коллективном хозяйстве. Колхозники в должной мере учитывали эту опасность и постоянно применяли достаточно эффективный способ ее минимизации.

Способ этот заключался в соответствующем распределении гендерных функций: как пишет Ш. Фицпатрик, «если и муж и жена были рядовыми колхозниками, муж больше времени проводил на колхозных полях, а жена — на приусадебном участке».¹ Муж, таким образом, вырабатывал трудодни, необходимые для того, чтобы семья не была лишена прав колхозника (такая стратегия не являлась тайной для представителей власти, которые с возмущением отмечали: «раздувание личного хозяйства колхозника приводило к тому, что его усадебный участок превращался в основной источник дохода, а общественное хозяйство игнорировалось, и такие колхозники при попустительстве руководства или совсем переставали работать в колхозе, или работали только для видимости, для сохранения прав колхозника»²). А поскольку надежда получить на эти трудодни более-менее приличное количество хлеба и денег была весьма зыбкой, жена занималась домашним хозяйством, выступая в качестве некоего гаранта продовольственной безопасности крестьянской семьи.

Учитывая подобное распределение гендерных ролей в семьях колхозников (в том числе и на Юге России), можно в определенной степени согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что «насилованный слом старого аграрного строя и форсированная коллективизация — сталинская «революция сверху» — привели крестьян в коллективные сельскохозяйственные

¹ Фицпатрик Ш. Сталиньские крестьяне. С. 166.

² Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. С. 168.

артели, где женщина не стала «большой силой» ни в руководстве хозяйством, ни в механизированном производстве, а оставалась ею в семье, в домашнем и приусадебном хозяйстве».¹

Особенно часто колхозницы Дона, Кубани и Ставрополя предпочитали ЛПХ общественному производству в первой половине 1930-х гг., в период становления колхозной системы, когда организационно-хозяйственное состояние большинства поспешно созданных колхозов Юга России было весьма непрочным, а оплата трудодней – мизерной. Источники данного периода времени полны сообщений о том, что колхозницы не выходят на работу, занимаясь собственными огородами. Так, сотрудники ОГПУ сообщали в июле 1933 г. руководству Северо-Кавказского края, что «в ряде мест колхозницы-домохозяйки в большинстве заняты работами на индивидуальных огородах и к прополке колхозных посевов не привлечены».² В августе 1933 г. в колхозе «Красный боец» Мечетинской МТС 18 копнильщиц из-за невыдачи хлеба на общественное питание «демонстративно бросили работу и разошлись по домам»³ (а дома, надо думать, их ждал домашний скот и те же огороды).

Таковыми же примерами полны отчеты политотделов МТС и сотрудников ОГПУ Юга России за 1934 г.⁴ В частности, в апреле 1934 г. в колхозе им. 8 марта (какое ироничное название, учитывая отношение к колхозницам!) Шахтинского района Азово-Черноморского края 16 – 20 женщин ежедневно не выходили на работу, говоря: «нас колхоз не обеспечил, денег нет, мы босые и работать не в чем».⁵ Тогда же в колхозе «Красный путиловец» Константиновской МТС одноименного района Азово-Черноморского края на работу не выходили 60 – 70 человек из

¹ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 7.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 9.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 81.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 115; д. 114, л. 214; ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 3об.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 108.

168 трудоспособных; по словам сотрудников органов госбезопасности, «невыходы идут исключительно за счет колхозниц, занятых посадкой личных огородов или занимающихся торговлей на базаре».¹ Сами колхозницы говорили, обращаясь к подругам: «работаем в колхозе, а есть нечего, бросайте его, лучше будем сажать огороды, но зато будем обеспечены продуктами на всю зиму».² С колхозницами были вполне солидарны их мужья: в апреле 1934 г. колхозник сельхозартели «Согласие» Каменского района Азово-Черноморского края С.Т. Ковалев сказал своим товарищам: «вот видите[,] вам в колхозе кушать нечего, а я ем, что хочу, у меня и капуста и картофель есть. Моя жена не ходила работать в колхоз, а посеяла огород. А вы своих жен гоняли на работу, потому и сидите голодными».³ Эти слова свидетельствуют о четкой и прямой зависимости между уровнем оплаты труда и трудовой активностью женщин-колхозниц.

Во второй половине 1930-х гг., когда, по выражению наркома земледелия СССР А.А. Андреева, «колхозный строй [стал] незыблем», а «жизнь вне колхоза стала невыносимой»,⁴ когда, как утверждалось в прессе, «общественное хозяйство колхозов уже настолько выросло и окрепло, что оно стало на деле основным и решающим источником дохода каждого колхозника, каждой колхозной семьи»,⁵ немало женщин-колхозниц по-прежнему предпочитали отдавать большую часть труда и времени своим ЛПХ.

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 116.

² Там же, л. 42.

³ Там же, л. 42.

⁴ Речь А.А. Андреева на XVIII съезде ВКП(б) // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 5. С. 8.

⁵ Дмитриев В. Общественная земля — основной источник силы и крепости колхозного строя // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 7. С. 8. Действительно, во второй половине 1930-х гг. многие колхозы Юга России выдавали колхозникам на трудодни довольно значительное количество продовольствия (хотя денежные суммы, распределяемые по трудодням, по-прежнему были мизерны). Так, в 1937 г. колхоз «Земледелец» Архангельского района Орджоникидзевского края выдал своим колхозникам на трудодень по 11 кг пшеницы, и даже в неурожайном 1938 г. — по 6 кг (РГАЭ, ф. 396, оп.10, д. 102, л. 305).

Да и в любом случае «работа женщин в колхозе была сезонной»¹ и приходилась на весенне-летний период, когда шли самые напряженные сельхозкампании; в остальное же время женщины занимались преимущественно домашним хозяйством.

Советские исследователи применительно к данному периоду времени указывали, что «в целом труд женщин был связан преимущественно с личным хозяйством». Правда, в качестве основных причин этого назывался не низкий уровень материального обеспечения колхозников (во второй половине 1930-х гг. оплата трудодня, как мы отмечали, заметно возросла), но неразвитость сети «культурно-бытовых учреждений в колхозах, которые могли бы освободить семейных женщин для работы в общественном хозяйстве».²

Доклады и выступления представителей власти, а также региональные периодические издания второй половины 1930-х гг., пестрят сообщениями об уклонении колхозниц от участия в общественном производстве из-за ЛПХ. Так, в конце 1939 г. корреспондент газеты «Социалистическое земледелие» по Орджоникидзевскому краю Н. Гайдаш сообщал, что колхозница сельхозартели «Хлебороб» Молотовского района К.И. Кабакова заработала за этот год лишь 23 трудодня: «на работу она вышла несколько раз лишь для того, чтобы к ней не придирались. Все остальное время она была занята в личном хозяйстве, пасла на колхозных полях многочисленное стадо своих индеек».³ В той же сельхозартели колхозница М.Д. Маликова, «занимаясь личным хозяйством и спекуляцией», за 1939 г. выработала лишь 24 трудодня, колхозницы А.Д. Маликова и А.М. Севастьянова – ни одного трудодня, и т. д.⁴ В августе 1940 г. в прессе повествовалось, что Елена Карелова из

¹ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 379; Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 93.

² История советского крестьянства. Т. 3. С. 35.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 664, л. 77 – 78.

⁴ Там же, л. 78.

колхоза им. Кирова Старо-Марьевского района Орджоникидзевского края «с утра и до позднего вечера трудится на своем огороде. Едва управившись с делами на огороде, она спешит подоить свою корову, накормить своих овец и кур. Для работы в колхозе у нее не остается свободного времени. Когда у Кареловой спросили, почему она не участвует в общественных работах, последовал наглый ответ: «Не работаю потому, что занята своим хозяйством».¹

Годовые отчеты колхозов Юга России убедительно свидетельствуют о сохранении во второй половине 1930-х гг. устойчивой тенденции более частого уклонения женщин-колхозниц от участия в общественном производстве, основной и ведущей причиной чего являлось именно домашнее хозяйство (точнее, возложенная на женщин обязанность им заниматься). В частности, в 1938 г. в коллективных хозяйствах Ростовской области ни одного трудодня не выработали 1,9 % мужчин-колхозников и 6 % (то есть в 3 раза больше) женщин, в 1939 г. – 0,38 % мужчин и 3,6 % женщин.² В 1940 г. на Кубани не выработали ни одного трудодня 2,3 % колхозников и 11,9 % колхозниц, на Ставрополье – 2,7 % и 15,5 % соответственно.³

Любопытно, что во второй половине 1930-х гг. даже у колхозниц-ударниц не возникало мысли об отказе от своего личного хозяйства: нередко это объяснялось не только опасением утратить дополнительный (и очень важный) источник дохода, но, видимо, и тем, что домашние заботы составляли привычный образ жизни сельской женщины, отказ от которого лишил бы их душевного равновесия. Так, звеньевая хлопкового звена М.А. Кланская из колхоза «Культурный Терек» Наурского района Орджоникидзевского края, выработавшая к осени 1938 г. 300 трудодней, не

¹ Выродов И. Дезорганизаторы производства исключены из колхоза // Орджоникидзевская правда. 1940. 11 августа.

² Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. С.159.

³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 405, л. 146.

отказывалась и от домашнего хозяйства: «уютный дом из трех комнат, в котором живет она со своей большой семьей ..., всегда блещет чистотой. Корова, овца, свиньи, гуси, утки, весь двор свидетельствуют о колхозной зажиточности... Летом, вырабатывая на колхозных полях по 40 трудодней в месяц, Кланская сумела выбрать время, чтобы самой покрыть черепицей летнюю хату, отремонтировать печь и дымоход, пошить платья всем своим детям (в первую очередь старшей дочери, уехавшей учиться в индустриальный техникум), свезти пшеницу на мельницу, запастись мукой».¹ Здесь перечислено лишь небольшое количество домашних обязанностей женщины-колхозницы. Остается удивляться энергии, терпению и трудолюбию М.А. Кланской (уже не девушки, но матери семейства!), успевавшей не только активно трудиться на колхозных полях, но и выполнять многочисленные работы по дому.

Неудовлетворительное материальное обеспечение колхозников и колхозниц Юга России в 1930-х гг. являлось тем мощным стимулом, который не только препятствовал им отказаться от личных хозяйств, но и заставлял уделять этим хозяйствам больше времени и сил, чем колхозному производству. Под влиянием же колхозной нераспорядительности, бесхозяйственности, неустроенности, а зачастую, – из-за откровенного пренебрежения колхозным начальством своими обязанностями по поддержанию функционирования ЛПХ, – колхозники (и в первую очередь женщины-колхозницы) вынуждены были еще более повышать степень трудовых и временных затрат, приходившихся на домашнее хозяйство.

После того, как личные подсобные хозяйства колхозников, являвшиеся неременным компонентом сельскохозяйственных артелей, получили полное право на существование в коллективизированной деревне Юга России, на представителей власти были возложены обязанности содействия функционированию и разви-

¹ Орловский Б. Женщины колхозной деревни // Орджоникидзевская правда. 1938. 15 октября.

тию этих хозяйств. Впрочем, о развитии можно говорить лишь с известной долей условности, так как расширять ЛПХ сверх установленных пределов колхозникам запрещалось.

Руководители краевого и районного звена на Юге России, повторяя изречения вышестоящего начальства, не единожды заявляли о необходимости опекать домашнее хозяйство колхозников. Так, в январе 1934 г. представители руководства только что реорганизованного Северо-Кавказского края со всей определенностью заявляли: «прямое наше большевистское дело – забота о колхозной хате, о стеклах, о печке, о побелке, о коровнике, о курятнике, о свинарнике, об огороде, даже о подвозке воды, правильном снабжении промтоварами и т. д. Забота о человеке в колхозе – большое дело; колхозник на опыте чувствует всю силу колхоза, силу коллектива».¹ В марте 1934 г., на первом Северо-Кавказском съезде колхозников-ударников, звучали сходные (правда, несколько более конкретизированные) заявления: «[необходимо] установить какую[-]то очередность выходных дней для женщин. Ведь у нее есть ряд домашних мелких забот[:] стирка, уборка и т. д.,] поэтому надо это дело провести с таким расчетом, чтобы одновременно [с колхозным производством] хозяйка могла убирать, исправить все дела, которые имеются у нее в хате».²

Однако зачастую заявления представителей власти оставались лишь пустыми словами. Во всяком случае, колхозная администрация нередко попросту их игнорировала, не выделяя колхозникам кормов для скота, не предоставляя тягла и транспорта для транспортировки перечисленных на трудодни сена и соломы, не организуя помол зерна на мельницах, и пр. В итоге колхозникам и колхозницам приходилось справляться с теми или иными хозяйственными вопросами самостоятельно, путем приложения дополнительных усилий, времени и средств.

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 126.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 166.

Одной из острейших проблем, отрицательно влиявших на ЛПХ колхозников, являлся дефицит кормов для скота. В 1931 г., по данным проведенных научно-исследовательскими учреждениями обследований, доходы колхозников Северо-Кавказского края распределялись следующим образом: 55,2 % деньгами, 36,5 % продовольствием, и только 6,7 % – фуражом. «В результате», заключали исследователи, «колхозники вынуждены были или изыскивать фураж на стороне или сокращать необобщественное животноводство и птицу. В отдельных колхозах недодача колхозникам фуража привела к тому, что колхозники были вынуждены обобществить имеющийся у них в индивидуальном пользовании мелкий скот и последнюю корову».¹

Когда же правления колхозов все-таки выдавали своим колхозникам фураж, то нередко не предоставляли им тягло и транспорт, чтобы подвезти корма из степи в села и станицы.² Колхозники пытались на это жаловаться (иной раз даже в «Крестьянскую газету»³), но чаще всего им приходилось таскать корма на себе. Например, зимой 1933 – 1934 гг. колхозница-ударница Холодилова из колхоза им. 12-й годовщины Октября Армавирской МТС «несколько раз обращалась к руководству колхоза с просьбой подвезти корм со степи для имеющейся у нее коровы, [но] правление ей в этом отказало. Вследствие чего Холодилова зимой ломала стебли кукурузы и носила со степи домой».⁴ Либо же колхозники вынуждены были нанимать для подвоза кормов единоличников: в частности, в первой половине 1934 г. в ставропольских и терских колхозах многим колхозникам «приходилось нанимать у единоличников подводы для поездки на базар, на мельницы, для привозки воды, топки и корма для индивидуаль-

¹ Володкович М. О распределении доходов в колхозах // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 49.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 21, 23; ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1., д. 122, л. 25.

³ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 116, л. 91.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 135.

ного животноводства, поскольку колхозы для этих людей не выделили подвод».¹ И в том, и в другом случае у колхозников и колхозниц были все основания для недовольства. Ведь переноска кормов на собственной спине из степи в село, иной раз за несколько километров, требовала массы усилий, а единоличники за свои услуги брали немалые деньги (это очень болезненно переживалось колхозниками, которые на трудодни получали мизерные денежные суммы).

При этом представители власти, не особенно заботясь о скотеличного пользования колхозников, в период напряженных сельхозработ находили возможным привлекать коров из ЛПХ для перевозки грузов (семян, воды, топлива), для боронования и даже для пахоты. Поскольку после выполнения таких операций у коров резко снижались удои, колхозницы выражали законное возмущение. Не случайно председатель Северо-Кавказского крайисполкома В.Ф. Ларин, говоря на первом краевом съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. о необходимости привлечения крупного рогатого скота личного пользования колхозников к полевым работам, рассуждал вслух: «поссоримся ли мы в этом деле с колхозницами из-за коровы[?]»² (разумеется, вопрос был риторический, так как далее Ларин оптимистично уверил собравших, что при умелом подходе никакой «ссоры» не будет).

Невнимание колхозов к обеспечению скота колхозников кормами являлось правилом на всем протяжении 1930-х гг. В частности, в ноябре 1937 г. уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ростовской области М. Кульков подготовил для Ростовского обкома докладную записку «О ходе подготовки к зимовке скота в колхозах и совхозах Самарского, Тащинского и Кашарского районов», в которой говорилось: «Если в районах хотя и немного думают об обобществленном скоте, то ни

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 21.

² ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1372, л. 72.

в одном районе ничего не предпринимается к тому, чтобы обеспечить скот личного пользования колхозников кормами»¹ (впрочем, Кульков критиковал и другую крайность, которая выражалась в том, что некоторые колхозы распределяли корма среди своих членов еще до того, как фураж выделялся для общественного животноводства). Из-за отсутствия кормов в Краснодарском крае к началу 1940-х гг. в ЛПХ колхозников произошло «недопустимое снижение поголовья скота находящегося в личном пользовании»,² в особенности «маточной его части».³ Только поголовье крупного рогатого скота снизилось с 452,4 тыс. голов на 1 января 1938 г. до 388,6 тыс. голов на 1 января 1941 г.⁴

Дополнительные сложности при ведении домашнего хозяйства для колхозников и колхозниц создавали также постоянные перебои в работе мельниц. Судя по частоте упоминаний в источниках, это было распространенное явление на всем протяжении 1930-х гг. Так, в феврале 1934 г. политотдел Красноармейской МТС докладывал краевому руководству Азово-Черноморского края: «мельницы не работают – нет горючего».⁵ Даже в ноябре того же года положение с мельницей в станице Красноармейской ничуть не улучшилось.⁶ Во второй половине десятилетия, когда, казалось бы, колхозная система значительно окрепла, мельницы функционировали по-прежнему неудовлетворительно. Даже в 1940 г. руководство Орджоникидзевского края признавало, что, «к сожалению, у нас есть еще немало случаев недооценки, а иногда и прямого игнорирования колхозного мельничного хозяйства».⁷ Точно такое же положение складывалось на Дону и Кубани, так что один из донских

¹ ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 14, л. 147.

² ГАКК, ф. р-687, оп. 1, д. 4, л. 23 – 24; д. 7, л. 21.

³ ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 7, л. 47.

⁴ ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 17, л. 3.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 180, л. 16.

⁶ Там же, л. 74.

⁷ О колхозных мельницах // Орджоникидзевская правда. 1940. 1 августа.

колхозников, серьезно веривший в реальность происков «врагов народа», писал в «Крестьянскую газету»: «классовый враг переброшил свои силы в мельницу и именно он считает сейчас должен в колхозах быть массовый выход колхозников на работу, а я остановлю мельницы на ремонт и если какая будет мельница работать дать нефти малой лимит, чтобы не обмололи население».¹

Перебои в работе мельниц представляли для домашнего хозяйства колхозников отнюдь не такое безобидное (или, по крайней мере, относительно легко переживаемое) явление, как может показаться на первый взгляд. Зачастую колхозникам приходилось возить зерно на помол за многие километры, а то и за десятки километров. Когда в 1937 г. в Горько-Балковском сельсовете Солдатско-Александровского района Орджоникидзевского края не работала мельница, жители возили зерно на помол за 15 и более км.² Их еще можно считать счастливыми, так как в марте 1934 г. представители руководства Северо-Кавказского края утверждали: «сейчас мы имеем такое положение, когда колхознику приходится везти зерно для помола [на расстояние] от 30 до 40 клм.».³

Возить зерно на помол за многие километры – эта вынужденная обязанность ложилась, конечно, в основном на плечи мужчин. Но нередко случалось так, что везти зерно было не на чем, а то и некуда. Дело в том, что в первой половине 1930-х гг. наблюдались ситуации, когда население целых районов не могло переработать зерно на муку из-за того, что государственные, кооперативные и колхозные мельницы простаивали в результате отсутствия топлива или поломок, а частные были законсервированы в связи с «раскулачиванием». В этих случаях единственный выход заключался в том, чтобы истолочь зерно вручную – совсем как во времена «неолитической революции».

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 116, л. 222.

² Воловод Ф.И. Мельница на замке // Орджоникидзевская правда. 1937. 15 декабря.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 86.

Так, в январе 1934 г. один из кубанских колхозников сообщал в прессу, что в станице Красноармейской Славянского района Азово-Черноморского края «второй месяц не работает мельница» из-за отсутствия нефти для двигателя. Хотя у колхозников есть зерно, писал он, муки смолоть они не могут: «что приходится делать? В ступке зерно толчем, мельницы ручные делаем, но разве это дело?».¹ В источниках содержатся и другие сообщения подобного рода.² И если транспортировка пшеницы или ячменя на какие-либо отдаленные, но зато функционирующие мельницы, возлагалась на мужчин, то толочь зерно в ступках должны были женщины.

Причем чаще всего колхозницам приходилось пользоваться именно пестами и ступками, а не ручными мельницами, требовавшими меньших физических усилий. Ведь сталинский режим расценивал попытки сельских жителей самостоятельно перемалывать зерно на ручных мельницах как попытку «обмана государства», попытку не платить гарнцевый сбор (то есть определенное количество зерна, – обычно до 15 кг, – которое взималось с крестьян за переработку их зерна на государственных, кооперативных или колхозных мельницах). Согласно циркуляру прокуратуры РСФСР от 11 июля 1934 г., за производство помола на своих мельницах виновные привлекались по статье 58-7 УК как за хищение зерна и содействие саботажу хлебозаготовок. За тайный помол зерна (пусть и ручным способом), квалифицируемый как промысел с целью наживы, полагалась предусматривалась ответственность по статье 107 УК, как за скупку и перепродажу сельхозпродуктов и товаров массового потребления.³

Как видим, в условиях колхозной системы домашнее хозяйство сельских жителей, несмотря на юридически оформленное

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 100, л. 8 – 9.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 180, л. 16.

³ Циркуляр Прокуратуры РСФСР «Об ответственности лиц, виновных в производстве тайного помола» от 11 июля 1934 г. // Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 200.

сокращение его размеров, требовало от женщин-колхозниц ничуть не меньших (а то и больших) трудовых и временных затрат, чем в доколхозный период. Вышеприведенные примеры свидетельствуют, что в 1930-х гг. колхозницы Дона, Кубани и Ставрополья по-прежнему выполняли длинный ряд домашних обязанностей, таких, как уход за детьми, уборка дома, приготовление пищи, починка и пошив одежды, помол зерна, кормление домашнего скота и птицы, работа на городе, и т. д., и т. п. Перечисление всех этих обязанностей, а тем более их подробное освещение, заняло бы десятки страниц даже в специальных исследованиях. Ограниченные рамками данного раздела нашей работы, мы можем лишь сказать, что сельская женщина Юга России в рассматриваемый период времени начинала свой трудовой день, как правило, с забот о домашнем хозяйстве (как писала одна из донских колхозниц, «день мой – простой, колхозный. С утра подоила корову, покормила кур и пошла из дому в свою огородную бригаду»¹), и заканчивала его такими же заботами: вновь надо было доить корову, кормить живность, укладывать детей спать, штопать одежду, прибираться в хате...

Если детальное рассмотрение многообразных домашних обязанностей женщин-колхозниц невозможно осуществить в узких рамках одного лишь раздела, то анализ тенденций функционирования ЛПХ донских, кубанских, ставропольских колхозников на протяжении 1930-х гг., напротив, представляется вполне целесообразным. Какие виды скота колхозницы предпочитали держать на своем дворе, какие сельскохозяйственные культуры они выращивали на приусадебном участке, как использовался собранный урожай и продукты животноводства? Источники позволяют с большей или меньшей полнотой ответить на эти вопросы.

¹ Бобылева М.А. День мой – простой, колхозный // День нашей жизни. С. 147.

Говоря о животноводстве в домашних хозяйствах колхозников и колхозниц Юга России, необходимо подчеркнуть, что здесь наблюдалась определенная (и достаточно четко выраженная) региональная специфика. Заключалась эта специфика в том, что в районах Северного Кавказа (входивших сначала в Северо-Кавказский, а затем в Орджоникидзевский, край) колхозники содержали больше скота, чем в районах Дона и Кубани (которые объединялись сначала в границах Азово-Черноморского края, а затем, соответственно, – Ростовской области и Краснодарского края). В то же время по такому виду скота, как свиньи, северокавказские колхозники уступали донским и кубанским (причем без всякой надежды на достижение первого места в этом своеобразном соревновании по домашнему свиноводству).

Согласно статистическим данным, уже в 1934 г. (когда поголовье скота и в колхозах, и в ЛПХ колхозников только начинало восстанавливаться после коллективизации), в среднем на каждое из 547,8 тыс. хозяйств колхозников Азово-Черноморского края приходилось 0,93 головы крупного рогатого скота (в том числе 0,43 коровы), 0,11 овец и коз, 0,41 свиней. В то же время в среднем на каждое из 320,8 тыс. хозяйств колхозников Северо-Кавказского края приходилось 1,51 голов крупного рогатого скота (в том числе 0,66 коров), 0,54 овец и коз, 0,28 свиней.¹ Как видим, северо-кавказские колхозники превосходили своих азово-черноморских коллег практически по всем видам скота, за исключением лишь свиней.

Подобные диспропорции в развитии личных подсобных хозяйств колхозников Дона и Кубани, с одной стороны, и Ставрополя, Терека, национальных районов Северного Кавказа – с другой, определялись, на наш взгляд, национальной спецификой Северо-Кавказского региона. В горных районах Северного Кавказа

¹ Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 272, л. 64.

животноводство традиционно преобладало над земледелием. К тому же коллективизация здесь проводилась не столь ускоренными темпами, как на равнине, в русских районах Юга России (в значительной мере как раз потому, что горные районы не являлись зернопроизводящими и не представляли интереса для коллективизаторов). Поэтому в горных районах ЛПХ колхозников имели большие размеры, а контроль за ними осуществлялся не столь пристально. В итоге немало колхозников-горцев имели в личном пользовании такое количество скота, о каком колхозники из русских коллективных хозяйств даже мечтать не могли. Так, в самом начале 1939 г. представитель Мало-Карачаевского района Орджоникидзевского края Титеев рассказывал на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов, что в колхозе им. Кагановича селения Аул-Джага «есть такие колхозники, которые имели по 600 овец, а колхозы по 200, имелись такие колхозники, которые имели по 30 коров, а колхозы по 45».¹ С учетом подобных фактов становится понятно, почему в ЛПХ колхозников Северо-Кавказского (с 1937 г. – Орджоникидзевского) края содержалось намного больше скота, чем на Дону или Кубани.

Что касается свиней, то на Дону и Кубани их численность в ЛПХ колхозников была значительно выше опять-таки в силу национально-религиозной специфики Северного Кавказа. На Кавказе, где преобладали мусульмане, свиней не держали. Об этом говорил тот же Титеев на упомянутом совещании в начале 1939 г.: «у нас карачаевцы, вообще азиатский народ пока еще не привыкли к свиньям, к разведению их в основном, об этом надо открыто сказать[,] и я просил бы вместо их иметь две коровы и 10 овец».² Если подобные настроения господствовали на Северном Кавказе и в конце 1930-х гг., то в начале десятилетия они, разумеется, были выражены еще более ярко и отчетливо.

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 495, л. 4.

² Там же, л. 5.

Забота об овцах, козах, свиньях и, особенно, о коровах, ложилась, естественно, в основном на плечи женщин (хотя, как мы уже отмечали в предыдущих разделах нашей работы, в национальных регионах Северного Кавказа животноводство считалось мужским делом). Вместе с тем в домашнем хозяйстве колхозников Юга России была одна отрасль, считавшаяся исключительно «женской». Речь идет о птицеводстве.

Выше мы уже упоминали, что даже колхозницы-ударницы держали в своих хозяйствах различную птицу, не говоря уже о колхозницах «недобросовестных», уклонявшихся от участия в общественном производстве ради присмотра за целыми стадами принадлежавших им кур, гусей, уток или индюшек. При этом надо подчеркнуть, что в условиях колхозной системы значение птицеводства как одной из отраслей домашнего хозяйства только выросло. Дело в том, что, согласно «Примерному уставу сельхозартели», колхозникам разрешалось содержать неограниченное количество птицы, и многие из них этим пользовались. Так, в начале 1939 г. представитель Славянского района Краснодарского края Леонтьев говорил на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов: «у нас имеются самые настоящие птицефермы, колхозники имеют до 100 шт. гусей, кур, индюков, уток и т. д. ... Это не противоречит [уставу сельхозартели], но факт остается фактом, что это вырастает в настоящую птицеферму».¹

Подобные явления лишь умножились в конце 1930-х гг., после вступления в силу постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.² Данное постановление предусматривало

¹ Из выступлений участников совещания секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов о доходности хозяйств колхозников. 25 января 1939 г. // Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 853.

² Постановление ЦК ВКП(б) и СНК ССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г. // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938 – 1946 гг. М., 1948. С. 281 – 287.

проведение обмера приусадебных участков колхозников с последующей отрезкой всех земельных излишков; одновременно на местах проводился переучет поголовья скота личного пользования колхозников, и от «лишних» домашних животных члены коллективных хозяйств также должны были избавляться. В этих условиях, как отмечали представители краевого и районного руководства Орджоникидзевского края, «кое-где колхозники начинают приспособливаться к обстановке, перестраивают свое личное хозяйство», начинают держать больше птицы.¹ Поскольку количество птицы в домашних хозяйствах, в отличие от коров, овец, коз или свиней, не регламентировалось «Примерным уставом сельхозартели», многие колхозники и колхозницы даже после майского (1939 г.) постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР могли совершенно спокойно, на вполне законных основаниях, жить на доходы от своих ЛПХ, а не от колхозного производства. Уже упомянутая нами колхозница сельхозартели «Хлебороб» Молотовского района Орджоникидзевского края К.И. Кабакова так прямо и сказала корреспонденту «Социалистического земледелия» Н. Гайдашу в конце 1939 г.: «Зачем мне идти работать в бригаду, если домашняя птица дает хороший доход. А сельскохозяйственный устав я не нарушаю. Колхозникам можно держать сколько угодно птицы».²

В сфере растениеводства в ЛПХ также наблюдалась определенная специфика, по сравнению с доколхозными временами. Если раньше основными культурами в индивидуальных хозяйствах крестьян Юга России являлись зерновые, и, в особенности, колосовые культуры (пшеница, ячмень, овес, рожь и т. п.), то в 1930-х гг. положение кардинально изменилось. Колхозники почти не сеяли зерновые на своих приусадебных участках, что подтверждается, например, материалами бюджетов колхозных семей Юга России. Со-

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 480, л. 66.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 664, л. 78.

гласно этим материалам, колхозники большую часть потребляемого хлеба (в виде зерна и муки) получали из колхозов в виде оплаты трудодней или же покупали. В частности, во втором полугодии 1940 г. члены кубанских колхозов получили от коллективных хозяйств 122,04 кг зерновых в сыром и переработанном виде, приобрели на рынке, в организациях и т. д. – 20,5 кг, а в ЛПХ произвели только 23,74 кг (19,4 % к объему зерновых, полученных от колхозов). В то же время донские колхозники получили от коллективных хозяйств 241,17 кг хлеба, купили – 13,94 кг и произвели в ЛПХ – 13,97 кг (5,7 % к поступлениям из колхозов).¹

Отказ от сева колосовых культур объяснялся, прежде всего, мизерными размерами приусадебных участков колхозников. Участки эти, как мы уже отмечали выше, обычно составляли всего лишь 0,25 – 0,5 га: а с небольшого земельного участка хороший урожай колосовых собрать было невозможно. Кроме того (и данное обстоятельство необходимо подчеркнуть в рамках избранной нами темы), нежелание сеять колосовые проистекало в некоторой степени и от особенностей расстановки гендерных ролей в ЛПХ. Ведь домашнее хозяйство держалось на женщине, в то время как мужчины все-таки в большей мере были заняты в колхозе. Женщина же просто физически не смогла бы одновременно управляться с многочисленными обязанностями по дому, заботиться о скоте и птице, работать на огороде и еще возделывать такие, достаточно трудоемкие уже хотя бы из-за (относительно) больших земельных площадей, культуры, как колосовые. К тому же нередко возделывание колосовых считалось мужским занятием.

Единственным исключением в данном случае являлась такая зерновая культура, как кукуруза. Она традиционно была распространена на Юге России, и в том числе в ЛПХ колхозников. Так, в личных подсобных хозяйствах колхозников Ставрополя куку-

¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 26, л. 10, 12, 16.

руза занимала в 1932 г. 9,9 тыс. га (или 79,2 % от общей площади яровых культур), в 1933 г. – 5 тыс. га (75,8 %), в 1935 г. – 8,1 тыс. га (81,8 %), в 1936 г. – 13,3 тыс. га (80,1 %), в 1937 г. – 13,8 тыс. га (82,1 %).¹ В хозяйствах кубанских колхозников удельный вес кукурузы в составе озимых и яровых культур равнялся в 1939 г. 29,1 %, в 1940 г. – 30,1 %.² Акцентированность усилий колхозников на возделывании кукурузы подчеркивали в своих докладах и представители власти. Так, в 1934 г. начальник политотдела Отраднo-Кубанской МТС Азово-Черноморского края сообщал краевому руководству, что «мы имеем случаи, когда колхозник имеет большую усадьбу и не желает работать в колхозе, сосредотачивает свое внимание на этой усадьбе, а чаще бросает колхоз, семью оставляет на этой усадьбе, которая ее обрабатывает, а сам уходит в разные места на заработки и потом зарабатывая некоторую сумму денег возвращается, а семья обрабатывая свой приусадебный огород[, живет в селе,] обеспечив себя овощами и кукурузой».³ Примечательно, что начальник политотдела отметил как распространенную тенденцию тот факт, что на Юге России приусадебный участок чаще всего являлся сферой приложения усилий именно сельских женщин, но не мужчин.

Кстати, слова начальника политотдела Отраднo-Кубанской МТС о том, что, наряду с кукурузой, колхозники обычно возделывают еще и овощи, также отражают распространенную тенденцию. Возделывание огородных и бахчевых культур для колхозников было наиболее выгодно, поскольку такие культуры при относительно небольших земельных площадях давали неплохие валовые сборы. В частности, в 1934 г. в Ново-Александровском районе Северо-Кавказского края приусадебные участки колхозников были заняты «преимущественно огородными культурами,

¹ Рассчитано по: ГАСК, ф. р-1886, оп. 2, д. 3, л. 84 – 85.

² ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 10, л. 19.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 227, л. 17.

носящими потребительский характер и [также имелись] небольшие посевы кукурузы».¹ В 1939 г. в ЛПХ колхозников Орджоникидзевского края площади картофеля, овощей и бахчевых культур составляли 72,8 % всех площадей, занятых под яровые культуры. В 1940 г. удельный вес таких культур повысился до 75 %.²

Поскольку овоще-бахчевые культуры занимали в ЛПХ членов колхозов Юга России лидирующие позиции, нет ничего удивительного в том, что картофель или овощи попадали на столы донских, кубанских, ставропольских колхозников в основном с собственных, а не колхозных, огородов. Так, во втором полугодии 1940 г. среднестатистический кубанский колхозник получал из ЛПХ 61,11 кг картофеля (от колхоза на трудодни – только 7,83 кг), 99,44 кг овощей и бахчевых (из колхоза – 11,64 кг). Донской колхозник в то же время потреблял 50,73 кг картофеля, выращенного в ЛПХ (от колхоза поступало лишь 5,09 кг), а также 125,71 кг овощей и бахчевых (58,37 кг).³

Здесь необходимо подчеркнуть, что часть собранных овощей семьи колхозников реализовывали на рынке (то же можно сказать о молоке и молокопродуктах, птице и т. д.). Вообще-то связь с рынком не характерна для домашнего хозяйства: как отмечают специалисты, «домашний труд, и в этом его кардинальное отличие от рыночного и принудительного труда, нацелен на производство товаров и услуг исключительно для внутреннего потребления домохозяев».⁴ Однако в конкретно-исторических условиях 1930-х гг. связь (более или менее прочная) личных подсобных хозяйств колхозников с рынком была почти неизбежной.

Связь эта была обусловлена тем обстоятельством, что колхозники получали на трудодни крайне небольшие денежные

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 75 – 76.

² Рассчитано по: ГАСК, ф. 1886, оп. 2, д. 86, л. 2.

³ РГАЭ, ф. р-1562, оп. 323, д. 26, л. 10, 12, 14.

⁴ Барсукова С.Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // Социс. 2003. № 12. С. 22.

суммы. Но деньги им были нужны, причем не только для покупки тех или иных вещей (скажем, одежды), но и для уплаты налогов. Сказывалось, конечно, и неудовлетворительное функционирование системы потребкооперации. Данная система с очень большими перебоями снабжала село предметами ширпотреба, в результате чего колхозникам приходилось покупать или обменивать одежду, обувь, керосин, соль и прочие товары на рынке (о крайне неудовлетворительной работе потребкооперации источники содержат массу примеров,¹ но их перечисление не входит в задачи нашего исследования).

Волей-неволей владельцам ЛПХ приходилось продавать на рынке часть произведенной продукции. Немало членов колхозов Юга России даже придавали своим хозяйствам мелкотоварный характер, отправляя на рынок большую часть произведенной продукции. Особенно это было характерно для колхозников, живших неподалеку от городов. Не случайно в источниках подчеркивается, что «в денежном бюджете колхозника селений, близко расположенных к городу, фабрике – приусадебный участок играет, безусловно, немалую роль».² Причем чаще всего на городских рынках лучше всего продавались именно овощи и фрукты. Поэтому колхозницы всячески стремились расширить площади картофеля, лука, помидоров, огурцов, клубники и т.п.; нередко предприимчивые хозяйки таких плантаций даже нанимали работников из числа своих же односельчан.³

Впрочем, хозяйства, ориентированные на рынок, не составляли большинства среди ЛПХ донских, кубанских, ставропольских

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 101, л. 95, 112 – 113; д. 180, л. 16; Колхозной торговле хлебом – полный размах! // Молот. 1934. 4 января; Даль, Степанов. Разбить саботаж кооперативных хлебозакупок и продвижения товаров на село // Молот. 1934. 28 января.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 78.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 11, 13; д. 118, л. 121; Вражеские происки на хуторе «Дружба» // Орджоникидзевская правда. 1938. 17 июля; Прикрылась справкой // Вперед. Орган Егорлыкского района Орджоникидзевского края. 1941. 3 июня.

колхозников и колхозниц. Что же касается большинства ЛПХ, то их рыночные связи не означали превращения домашнего хозяйства в мелкотоварное, так как они носили случайный или, по крайней мере, ограниченный и непрочный характер. Да и доходы большинства колхозников (не отправлявших на продажу значительное количество сельхозпродукции) от продажи тех же овощей на рынке были не очень-то и высоки: в частности, в 1940 г. на Кубани примерная цена картофеля составляла 60 – 70 копеек за кг.¹ Максимум, о чем можно говорить – это всего лишь о первой стадии товаризации домашнего хозяйства, в рамках которой речь идет только о продаже «излишков собственного потребления, когда натурально-потребительский характер мелкого производства сохраняется практически в полной мере».² Часть продуктов, выносимых на рынок колхозницами-владельцами ЛПХ Юга России, была относительно невысокой и составляла, по мнению М.Б. Тленкопачева, примерно 20 %.³

В целом же следует отметить, что, несмотря на натуральный характер, на узаконенную мизерность размеров, личные подсобные хозяйства колхозников и колхозниц играли весьма важную роль в продовольственном обеспечении населения СССР и, в том числе, Юга России. Специалисты обоснованно указывают, что в советский период ЛПХ «выполняли отнюдь не подсобную функцию, создавая большую часть продукции, и порой давали 50 – 60 % ее валового производства. В совокупных доходах, удовлетворяющих потребности самих крестьян, до 50 – 60-х гг. подсобные хозяйства также играли отнюдь не вспомогательную роль».⁴ Так, в 1937 г. в ЛПХ было произведено (в процентах к валовому

¹ ГАКК, ф. р-687, оп. 1, д. 2, л. 32.

² Из выступления В.П. Данилова на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. 1993. № 2. С. 4.

³ Тленкопачев М.Б. Политико-правовой статус личного подсобного хозяйства. С. 6.

⁴ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления М.А. Безнина // Отечественная история. 1994. № 2. С. 50.

продукту, полученному в колхозном секторе) 52,1 % картофеля и овощей, 56,6 % плодовых культур, 71,4 % молока, 70,9 % мяса.¹ В 1940 г. на долю ЛПХ приходилось 72 % мяса, 77 % молока, 68 % картофеля, 91% овощей от общего объема данной продукции, произведенной в Советском Союзе.² В том же году ЛПХ давали колхозной семье 66,9 % всего потребляемого ею картофеля, 66,1 % овощей, 86,8 % мяса и сала, и т. д.³

Если говорить только о Юге России, то, например, площади картофеля в ЛПХ донских, кубанских, ставропольских колхозников и колхозниц не уступали площадям такой культуры в колхозах, а то и превосходили их. Так, в 1938 г. кубанские колхозники засадили картофелем 22,3 тыс. га, а колхозы – 19,8 тыс. га; в 1940 г. г. соответственно – 18,6 тыс. га и 16 тыс. га⁴ (правда, это не мешало представителям власти Краснодарского края сетовать, что колхозникам все-таки следует сократить посевы зерновых в ЛПХ и расширить площади картошки⁵). При этом колхозы из-за плохой обработки и ухода зачастую собирали более низкие урожаи картофеля, чем колхозники. Например, в 1940 г. в колхозе им. Мичурина Красноармейского района Краснодарского края «посевы зарастали сорняком настолько, что перед началом уборки приходилось скашивать бурьян, а потом приступать к копке картофеля»⁶; естественно, что при таком уходе нечего было надеяться на хороший урожай.

Вполне успешно колхозники конкурировали с колхозами и в производстве овощей. Так, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов в мае 1935 г. признавал, что

¹ Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 118.

² Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004. С. 115, 116.

³ Ленинская программа социалистического преобразования сельского хозяйства и современность // Под ред. Проф. А.В. Лосева. Воронеж, 1970. С. 189.

⁴ ГАКК, ф. р-1378, оп. 2, д. 3, л. 9; д. 8, л. 111.

⁵ ГАКК, ф. р-1246, оп. 1, д. 10, л. 20.

⁶ Лебедев В. Дело государственной важности // Большевик. 1938. 4 апреля.

колхозы «отстают по овощам».¹ Даже в конце 1930-х гг. представители власти Орджоникидзевского края констатировали, что колхозное городничество находится в упадке.² Находились, конечно, коллективные хозяйства, развивавшие огородничество,³ но они представляли собой исключение из правила. Поэтому ЛПХ колхозников Юга России нередко опережали коллективные хозяйства по производству как картофеля, так и овощей.

Итак, в 1930-х гг. в домашних хозяйствах колхозников Дона, Кубани и Ставрополя ведущую роль играли женщины, выполнявшие основную и преобладающую часть хозяйственных функций. Именно на женщин ложились не только многочисленные заботы по дому, но и уход за скотом и птицей (хотя на Северном Кавказе животноводством обычно занимались мужчины), обработка огорода, сбор и сохранение урожая, и пр. В силу занятости в ЛПХ колхозницы тратили в колхозном, общественном производстве гораздо меньше времени и сил, чем их мужья. Подобная расстановка гендерных ролей еще более усиливалась крайне низким уровнем материального обеспечения колхозами своих членов, что было особенно характерно для первой половины 1930-х гг. Но и во второй половине рассматриваемого десятилетия меньшая, по сравнению с мужчинами, вовлеченность женщин в колхозное производство (и, напротив, большая вовлеченность в домашнее хозяйство) представляла собой устойчивую тенденцию на Дону, Кубани и Ставрополье. При этом личные подсобные хозяйства колхозников, державшиеся в основном на женских плечах, нередко вполне успешно конкурировали с колхозами в производстве картофеля, овощей, мяса, молока и др. продуктов, поставляя часть произведенной продукции на рынок. Учитывая данное обстоятельство, можно с

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 3.

² Бобров В. Вернуть славу изобильненским огородам // Орджоникидзевская правда. 1939. 22 апреля; Дерябин В. Добывают картофель в городе // Там же.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 664, л. 126; Меркулова Д. На колхозных огородах // Орджоникидзевская правда. 1939. 16 июня.

определенными оговорками утверждать, что женщина-колхозница Юга России в 1930-х гг., по существу, выступала гарантом продовольственной стабильности не только для своей семьи, но и для всего населения региона – и сельского, и городского.

3.2. Историческая повседневность женщины-колхозницы (костюм, пища, досуг, забота о жилище)

Как справедливо заметил академик РАН Ю.А. Поляков, «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии...».¹ Повседневность, то есть будни и праздники, непрестанные заботы по хозяйству, взаимоотношения в семье и т. п., составляет «человеческое содержание истории»,² конкретное наполнение процессов развития человеческих сообществ. Детальное и всестороннее исследование сферы повседневности позволяет устранить присущую многим историческим работам нарочитую «безлюдность»³ (когда исторический процесс трактуют как вечное движение безликих «масс» от одной социально-экономической формации к другой), полнее представить себе жизнь и быт наших предшественников, в том числе – женщин-колхозниц Юга России 1930-х гг.

В советских периодических изданиях 1930-х гг. нередко содержались громкие заявления о том, что «колхозы совершенно изменили жизненный уклад [сельской] женщины».⁴ Со столь решительными заявлениями невозможно согласиться, ибо источники убедительно свидетельствуют, что коллективизация привнесла в повседневную жизнь сельских женщин лишь ряд частных новаций.

¹ Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторический аспект) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125.

² Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56

³ Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4. С. 86; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство... С. 3.

⁴ Лаврухина В.Г. На широкой дороге // Колхозница. 1937. № 11. С. 14.

Новации эти не заменили собой предшествующий уклад крестьянской повседневности, но причудливо вплетались в традиционный строй сельской жизни. Как отмечают исследователи по этому поводу, для большевиков «изменить общественный строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия».¹

Ситуация не могла быть иной, поскольку коллективизация представляла собой процесс радикальных и широкомасштабных, но вместе с тем поспешных, незавершенных (и зачастую отторгаемых сельским социумом) преобразований. В силу указанных особенностей эти преобразования не могли «совершенно изменить» уклад сельской жизни, складывавшийся веками и уже поэтому обладавший чрезвычайной прочностью, устойчивостью. Поэтому сочетание традиций и новаций представляло собой одну из наиболее характерных черт жизнедеятельности как всей колхозной деревни, так и женщин-колхозниц. Сочетание старого и нового было заметно в самых разных сферах повседневности коллективизированных сел и станиц Юга России: в домостроительстве и убранстве жилищ колхозников, в костюмах сельских женщин, в их меню и т. д.

Еще в 1920-х гг. советские теоретики задумывались о коренном переустройстве сельских населенных пунктов по образцу идеального социалистического города. В условиях «колхозного строительства» такие замыслы уже не казались чем-то неосуществимым, и вовсе не случайно именно в данное время распространились проекты создания «агрогородов»,² то есть поселений, располагавшихся в сельской местности, но устроенных по городскому образцу.

¹ Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.

² Как полагал А.В.Гордон (и с его мнением нельзя не согласиться), в основе проектов создания «агрогородов» лежал столь характерный для большевиков «модернизаторский синдром, порожденный просветительским рационализмом и отягощенный сплавом марксизма с романтическим максимализмом русской демократической интеллигенции» (Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления А.В. Гордона // Отечественная история. 1994. № 4 – 5. С. 69). Иными сло-

Творцы коллективизации были убеждены, что результатом данной политики должно стать не только повсеместное формирование колхозов, но и преобразование деревни (в том числе сел и станиц Юга России) в соответствии с идеалами социализма, насыщение ее различными просветительскими, образовательными, культурно-бытовыми заведениями. Вовсе не случайно в журнале «Коллективист» (№ 21 за 1931 г.) были изображены новые элементы колхозной деревни, возникшие в СССР еще в 1920-х гг., но долженствующие повсеместно распространиться в ходе «колхозного строительства»: телефон, радио, кино, общественная столовая, изба-читальня, детский сад, ясли, «лампочка Ильича» и почему-то... силосная башня. Разумеется, для сельских женщин из всего перечисленного особенно востребованными являлись детские дошкольные учреждения, хотя и избы-читальни, и радио, и кино были важны в деле их просвещения и досуга.

Действительно, как мы уже отмечали в предыдущих разделах нашей работы, в колхозной деревне, по сравнению с периодом нэпа (не говоря уже о досоветских временах) резко увеличилось число бытовых и детских дошкольных заведений. Вместе с тем численность этих учреждений не полностью отвечала запросам сельского населения (в том числе и колхозниц), а их состояние и функционирование зачастую не выдерживали никакой критики.

Примерно так же обстояло дело и с культурными заведениями (избами-читальнями, клубами, Домами культуры), которые должны были разнообразить досуг сельских женщин и одновре-

вами, большевики намеревались не столь модернизировать деревню, сколько радикально ее переустроить, практически уничтожив особый уклад сельской жизни и заменив его укладом городским. Именно эту цель и преследовало создание «агрогородов». Конечно, трудно (да и бесполезно) оспаривать положительный потенциал создания в деревне социальной инфраструктуры, присущей городу, тех же детских дошкольных учреждений, больниц, обеспечения колхозников коммунальными услугами, и пр. Но вместе с тем «агрогорода» привели бы к совершенному разрыву связей земледельца с землей, крестьянина – с природой, что самым пагубным образом отразилось бы на сельской ментальности и на сфере аграрного производства.

менно выполнять задачи по их просвещению и воспитанию в духе большевистских идей. Первоначально численность их была не велика: как правило, они располагались в крупных селах и станицах Юга России, но не в более мелких сельских населенных пунктах, а тем более не на хуторах. Подмечая данное обстоятельство, представитель Величковской МТС Околелов говорил на совещании передовых бригадиров Северо-Кавказского края в ноябре 1933 г.: «Крестьянская женщина хуторская и станичная — это большая разница... Развлечений хуторянка не имеет, как в станице. Она только практически работает».¹

Во второй половине 1930-х гг. численность учреждений культуры и образования в колхозной деревне заметно возросла. Так, в Краснодарском крае к исходу 1930-х гг. насчитывалось 1 739 колхозных клубов и 1 112 колхозных библиотек, 598 изб-читален, свыше 150 сельских больниц и т. д.² Подавляющее большинство из перечисленных заведений создавались силами самих колхозников и функционировали за счет колхозных средств.³ Но и в данное время многие сельские жители выражали недовольство неудовлетворительным состоянием домов культуры, клубов и т. п., невозможностью культурно проводить свой досуг. Так, в 1938 г. молодежь колхоза «Соцземледелие» Куйбышевского района Ростовской области жаловалась, что при колхозе имеется клуб, который «бездельничает»: «1. Струнный оркестр не работает. 2. Гармошка есть, но валяется где не нужно. Шкафа нет... Теперь в клубе ни одной постановки нет...».⁴ Подобные

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1400, л. 20.

² Статистические данные о состоянии просвещения, культуры, здравоохранения [Краснодарского] края в 1937 – 1939 годах // Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. С. 525; Справка о состоянии культпросветработы в [Краснодарском] крае // Там же, С. 534.

³ Дворец культуры // Большевик. 1940. 7 июля; Колхоз «Червоный шлях» [Ново-Леушковского района] строит школу // Большевик. 1940. 19 июля.

⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 116, л. 88.

факты были весьма многочисленны,¹ так что можно согласиться с молодой колхозницей сельхозартели им. Кирова Рязанского района Азово-Черноморского края Еленой Саенко, констатировавшей в письме в редакцию журнала «Колхозница»: «есть у нас один недостаток – нехватает культуры, культурных развлечений, чтобы действительно можно было почувствовать радостную жизнь, чтобы можно было слушать всевозможные лекции, учиться на курсах, вечера проводить в хороших клубах и т. д. – Этого еще нет. Лозунг товарища Сталина о культурной жизни не выполнили».² В этих условиях сельская молодежь нередко проводила свободное время традиционно: на посиделках, вечеринках, гуляньях.

Большевистская теория вступала в конфликт с сельской реальностью и в таком важном для женщин вопросе, как домостроительство и домоводство. Крестьянке, ставшей колхозницей, но остававшейся хранительницей домашнего очага, советская власть обещала новый, улучшенный, дом. В советской прессе по этому поводу отмечалось: «колхозник, становясь зажиточным, строит свою жизнь не по примеру кулацкой – сытой, грязной, животной жизни. Он строит свою жизнь, как культурную зажиточную жизнь. Ему нужно светлое чистое жилье, ему нужна комната для детей, радио, библиотека и т. д. ... Во-первых, колхозный жилой дом должен быть светлым, просторным, теплым и красивым. Во-вторых, он должен быть отделен от помещения для скота. В-третьих... колхозный дом не должен быть многоэтажным, многоквартирным. Увлечаться большими домами для колхозников – это значит перепрыгивать через данный этап колхозного развития».³

¹ Комсомольцы. Не выполняют решения собрания [о ремонте клуба] // Вперед. Газета Лад-Балковской МТС Егорлыкского района Орджоникидзевского края. 1939. 12 апреля; Письмо 30 комсомольцев колхоза «По заветам Ленина» Темрюкского района Краснодарского края // Большевик. Газета Краснодарского крайкома ВКП(б). 1940. 20 августа; И.О. Клуб на замке // Звезда. Газета Арзгирского райкома ВКП(б). 1941. 18 мая.

² Саенко Е. Жажду культуры // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 14.

³ Кожеуров И. Распланирование колхозных населенных пунктов // На аграрном фронте. 1934. № 11. С. 44.

Надо сказать, что с последним тезисом колхозники и колхозницы были абсолютно согласны. В апреле 1934 г. на МТФ колхоза «Большевик» Батайского сельсовета Азово-Черноморского края проходило совещание доярок и других работников фермы с участием корреспондента газеты «Социалистическое земледелие» (для которого, собственно, это совещание и было устроено). В беседе корреспондент задал вопрос работнице фермы, бригадир Устименко: «Вашим колхозникам нужны-ли общежития или может быть землянки, отдельные хатки со двором?». Трудно сказать, каковы были действительные предпочтения Устименко, но она, вероятно, желая угодить корреспонденту, ответила: «Лучше по[-]моему в общежитии, только надо построить по больше, по обширнее». Перебивая ее, присутствовавшие на совещании доярки закричали в один голос: «Неправильно, неправильно... Отдельными дворами лучше строиться, потому, что огороды у нас даются, а [если жить в общежитии, то] птицу, телят где держать?». ¹ А когда в 1936 г. право колхозников на личное хозяйство и, в том числе, на собственный дом, было закреплено в Конституции, ² это вызвало восторженные отклики колхозников: «в нашем колхозе прошла проработка [проекта] новой Конституции 14.VI – 36 г., где подробно проработан каждый пункт. Оживленно подхвачен пункт 10, глава 1-я, ³ где все кол-

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 5.

² В ст. 7 Конституции отмечалось: «каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь – согласно устава сельскохозяйственной артели» (Конституция СССР // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 23. С. 680). В ст. 10 Конституции специально подчеркивалось, что «право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняются законом» (Там же, С. 681).

³ Автор ошибочно обозначил статью 10 (которая действительно входила в состав 1 главы Проекта Конституции 1936 г.) как «пункт 10».

хозники радостно говорили, что дома и огород предусмотрены законом, т.е. охраняются, так как ранее колхозники боялись строить дома, говоря, что скоро все дома отойдут под жакты».¹

Возвращаясь к проектам жилых домов для колхозников, отметим, что они далеко опередили свое время. Многие из них вполне были бы востребованы и в наши дни (во всяком случае, они очень сильно напоминают одноэтажные, а иногда и двухэтажные, коттеджи). Так, в одном из номеров журнала «Колхозное производство» за 1941 г. были помещены примерные изображения жилых домов для колхозников разных географических зон СССР. На рисунке, изображающем «жилой дом колхозника для южной полосы», было изображено изящное строение со стенами из туфа, на фундаменте из бутового камня, скрепленного известковым раствором, с черепичной крышей. Дом, общей площадью 28,95 квадратных метров, имел две жилых комнаты, переднюю, кухню, сени и террасу. Любопытно, что в пояснительной записке к проекту подчеркивалось, что строительным материалом может стать и саман² (иначе – земляной кирпич; такое название иногда встречается в описаниях XIX – начала XX вв.³). Данное обстоятельство следует особо подчеркнуть, и немного ниже мы к нему еще вернемся.

Самые смелые теоретики-оптимисты договаривались даже до того, что предлагали устроить рядом с новым домом колхозника...

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп.120, д. 232, л. 69. Жакт – жилищно-арендное кооперативное товарищество.

² Жилой дом колхозника для южной полосы // Колхозное производство. 1941. № 4. С. 5.

³ Как отмечал один из российских этнографов в начале XX в., «земляной кирпич делается из глины с мелко порубленной соломой. Вся эта масса вымешивается ногами (не обязательно: для этого привлекались и лошади – *авт.*), затем формуется специальными деревянными формами; получившийся кирпич сушится прямо на воздухе» (Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1 / Под ред. А.М. Ильина. Ростов н/Д., 1912. С. 45). Можно добавить, что форма для самана, которую и сейчас еще можно нередко увидеть в южнорусских деревнях, выглядит следующим образом: это переносная деревянная опалубка, устроенная в форме правильного четырехугольника. В длину эта форма приблизительно 50 см., в ширину – 20 – 30 см., в высоту – до 20 см. С двух узких сторон устроены рукоятки, чтобы форму удобнее было держать при формовании.

гараж для легкового автомобиля! Так, на первом Северо-Кавказском краевом съезде колхозников-ударников в марте 1934 г. один из выступавших произнес: «последние дни мы пришли к мысли о том, чтобы в каждом колхозном доме был запроектирован гараж, гараж не для грузовика, а гараж для легковой машины. На основании артельного устава, колхозник имеет право иметь корову, имеет право иметь квартиру, дом, приусадебный огород и проч.[ее движимое и недвижимое имущество.] Почему семья ударника[-]колхозника, состоящая из 7 – 6 членов не может иметь утепленного гаража для легковой машины[?]».¹ Эти слова, произнесенные в то время, когда села и станицы Юга России еще не до конца оправились от ужасного голода 1932 – 1933 гг., когда деревня жила в страшной бедности, звучат не просто смешно, но цинично. Неудивительно, что коллективизация нанесла страшный удар по российской деревне: ведь ее осуществляли люди, которые настолько не представляли себе сельской действительности, что советовали подневольным, нищим колхозникам строить гаражи для легковых машин, подобно американским фермерам! На самом-то деле легковые автомобили, – в сколь-нибудь значительных количествах – начали появляться у колхозников лишь по прошествии многих лет после «сталинской эпохи», не ранее 1970-х гг. – 1980-х гг.

Как видим, планы домостроительства, соответствующего условиям колхозной деревни, были весьма смелыми. В случае их осуществления задачи сельских женщин по ведению домашнего хозяйства облегчились бы: по крайней мере, в светлом, просторном доме можно было не опасаться за здоровье семьи, особенно детей. Но претворение этих планов в жизнь продвигалось с большим трудом и крайне медленными темпами. Можно утверждать, что в сфере домостроительства и домоводства колхозной деревни Юга России в 1930-х гг. преобладали все же традиции, но не новации.

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 58.

Прежде всего отметим, что в начале 1930-х гг., вследствие «раскулачивания», репрессий и ухудшения снабжения деревни промтоварами (в том числе стройматериалами) многие колхозники не только не строили себе дома новых образцов, но лишились уже имеющихся жилищ, либо же вплотную столкнулись с такого рода опасностью. Представители власти неоднократно указывали, что вследствие нехватки строительных материалов они вынуждены разбирать дома «раскулаченных» и репрессированных крестьян: «наши колхозы в течение нескольких лет не строились. Строили таборы, разрушали станицы, строили дома – разрушали станицу»; «мы вынуждены сейчас лес доставать путем разборки деревянных строений. Леса нет. Совершенно нет железа. Мы раскрываем крыши»; «подходит зима. Хаты и избы находятся в неисправности, стекол нет, никто не заботится о топливе для колхозников».¹

Принимая во внимание подобную практику, нет ничего удивительного в том, что в документах периода «колхозного строительства» нередко встречаются упоминания о повальном разрушении домов в селах и станицах Юга России: «станция [Копанская] была большая, но сейчас разрушена»; «станция [Динская] когда-то была, наверное, богатая, вся в садах. Но вся заросла бурьяном, дома разрушены, заборов нет»; «внешне станция [Ленинградская] идет по линии разрушения – заборы[,] древонасаждения и т. д. беспощадно уничтожаются. Вид станицы за исключением центра – тяжелый»; «[в станице Ново-Щербиновской] жилые дома, надворные постройки и заборы – в массовом количестве разрушаются и уничтожаются... В результате разрушения построек по всей станице образуются громадные пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев».²

¹ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 35, л. 30; д. 39, л. 78; д. 40, л. 6.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 114, л. 41 – 42, 43, 90; ГАРО, ф. р-2573, оп. 1, д. 127, л. 14; Павлов А. Записки переселенца. О найденном дневнике, который мог стоять жизни его автору // Советская Кубань. 1991. 18 января.

Во второй половине 1930-х гг. эпидемия разрушения в сельских местностях Юга России постепенно прекратилась. Но строительных материалов все равно не хватало, поскольку созданная в СССР плановая экономика была нацелена на удовлетворение нужд промышленности и сельхозпредприятий, но не сельских жителей. Даже в 1938 г. колхозник А.В. Замковой из Мартыновского района Ростовской области вопрошал редакцию «Крестьянской газеты»: «Почему лесу нигде не купишь? ... Если нужно купить леса, то без хлеба не купишь (то есть лесоматериалы продавались только в обмен на зерно – *авт.*). Почему так? За хлеб могут только колхозы купить, а в сельсовете нет хлеба. А может и в колхозе в каком нет хлеба, а леса обязательно нужно. То тогда как? А мы говорим, что лесная промышленность развита хорошо, а откуда это видно? Ведь сейчас бы каждый колхозник построил бы хороший дом или флигель, потому что он стал богат (колхозник) и культурно хочет жить, но не может достать. Неужели у нас нет сейчас леса? Я в этом не допойму. Я буду ждать от редакции ответа. Больше всего предполагаю, что троцкисты работают. Неужели раньше была сильнее развита лесная промышленность – дома строили и т. д.? Жду ответа».¹

Примерно так же обстояло дело с предметами, которые должны были составлять внутреннее убранство новых домов колхозников: с разного рода «городской» мебелью (шкафы, стулья, металлические кровати с сетками, и т. п.), посудой, бельем и т. д. Советская промышленность, конечно, снабжала село такими востребованными товарами. Так, осенью 1938 г. и весной 1939 г. колхозникам Кубани было продано свыше 7 800 часов и 12 пианино.² Но объемы продаж были далеко недостаточны, так что не всякая колхозница могла похвастаться приобретением необходимых (а главное – современных) предметов домашнего обихода. За

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 116, л. 229.

² Цицин Н.В. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка // Колхозник. 1939. № 5. С. 76.

такими предметами в деревнях, точно так же, как и в городах, выстраивались очереди (собственно говоря, очередь – это такое нововведение советской эпохи, такое заимствование из города, которое распространилось в колхозной деревне без всяких затруднений). Указывая на острый дефицит предметов домашнего обихода, в 1936 г. одна из колхозниц Азово-Черноморского края обиженно писала в редакцию журнала «Колхозница»: «я хочу видеть свой дом как он есть, но в доме хочу иметь обстановку новую, больше белья, а то очень обидно: есть деньги, а нечего купить, привезут в магазин товар, его быстро покупают другие, кто сильнее, а слабый не суйся – такая толпа у магазина».¹

В итоге типичное жилище донских, кубанских, ставропольских колхозников и колхозниц в 1930-х гг. строилось и выглядело вполне традиционно, с незначительными элементами новизны. Поскольку ни леса, ни кирпича в деревне не хватало (во всяком случае, для личных нужд), основным строительным материалом оставался саман, как и много лет назад. Любопытно, что М.А. Миллер, описывавший крестьянские постройки в Приазовье в начале XX в., утверждал, что они в основном делались из самана, и писал при этом следующее: «постройки этого типа появились в слободах Таганрогского округа всего 15 – 20 лет назад и постепенно начинают конкурировать с хатами на сохах,² для которых требуется большое количество леса, дорожающего с каждым годом»³ (эти слова можно распространить на весь Юг России, так как речь шла о постройках малороссийских крестьян-переселенцев, а они составляли значительную долю населения и на Дону, и на Кубани, и на Ставрополье). Как тут не найти параллелей между началом XX в. и его третьим десятилетием: в обоих случаях саман стано-

¹ Ромащенко А.М. Хочу видеть жизнь в будущем // Колхозница. 1936. № 3 – 4. С. 16.

² Хата на сохах устраивалась следующим образом: сначала делали деревянный каркас, а затем его обмазывали глиной.

³ Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории. С. 45.

вился основным строительным материалом из-за дефицита леса! Правда, в досоветские времена лес был просто дорог, а в колхозной деревне его подчас вообще невозможно было купить.

Впрочем, советские журналисты и в этом случае находили поводы для оптимизма, радуясь, что хотя бы саман имеется в колхозной деревне в избытке. Так, саманное строительство в станице Ново-Щербиновской (той самой, на территории которой в период коллективизации появились «громadneе пустыри с остатками разрушенных зданий и вырубленных деревьев») описывалось в самых восторженных выражениях: «целую фабрику самана открыл у себя в полевом таборе бригадир Ново-Щербиновского пятого колхоза Алексеев. За пару дней шесть колхозников выработали больше тысячи штук самана. Но что тысячи? В нынешнее лето каждый колхоз будет десятками тысяч лепить этот строительный материал, из которого уже построены не плохие дома, табора в степи, кухни, столовые, животноводческие фермы, конюшни».¹

Поскольку не менялся основной строительный материал, то не претерпели сколь-нибудь заметных изменений и строительные приемы, и планировка жилищ колхозников и колхозниц Юга России. Тот же М.А. Миллер писал, что жилища малороссиян обычно в плане представляют собой прямоугольник и имеют две жилых комнаты, соседствующих с сенями, прихожей и кладовой.² Точно такие же глинобитные мазанки (нередко, как и много лет назад, крытые камышом), мы видим на рисунках и фотографиях 1930-х – 1950-х гг.³ Согласно одному из пространных, довольно подробных описаний, типичное жилье южнороссийского колхозника «сталинской эпохи» выглядело следующим образом: «на Кубани, как, впрочем, и на Дону и на Тереке, наиболее распространены два типа

¹ Годович. Как Ново-Щербиновские депутатки готовятся к выборам // Колхозница. 1937. № 5. С. 8.

² Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории. С. 49.

³ Котельников В. Дон. Кубань. Терек. М., 1950. С. 20.

строений домов: двухкомнатный и трехкомнатный. Трехкомнатный дом представляет в плане правильный четырехугольник, разбитый внутри на четыре комнаты, из которых одна превращена в сени с отделением для кладовой...

Каждая комната в доме имеет свое назначение. Из темных сеней налево дверь ведет в прихожую (она же кухня). Здесь русская печь, занимающая чуть ли не четверть комнаты, служит предметом особой заботы хозяйки и ее подрастающей дочери. Печь, в отличие от белых стен, окрашивается в голубой, но чаще в желтый цвет с обязательными цветными узорами, иногда довольно замысловатыми.

Из прихожей дверь ведет в спальню — обычно небольшую комнату. Спальня соединяется с горницей, имеющей, кроме того, выход в сени.

Горница предназначена для приема гостей и всяких торжественных случаев. Здесь выставлено все парадное и соблюдается строгая чистота. Посуда за стеклянными дверками шкафа, занавески на окнах. По безукоризненно белым стенам развешаны портреты родных и друзей в рамках. На самом видном месте — портреты вождей революции Ленина и Сталина. Большой любовью пользуются у казаков руководители 1-й Конной армии К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, под начальством которых многие, сейчас уже пожилые, казаки «рубали» белогвардейцев». ¹ Добавлялось при этом, что «непременная принадлежность каждой усадьбы колхозника — нарядные палисадники с густой зеленью акаций, сирени или же абрикосов, вишни. Возвышающийся над всеми деревьями рядок пирамидальных тополей, растущих на краю палисадника, издалека напоминает колонны и придает станции очень живописный вид». ²

¹ Котельников В. Дон. Кубань. Терек. С. 80.

² Там же, С. 80.

Так же, как и в жилье, в костюме южнороссийских колхозниц на протяжении 1930-х гг. (да и всей «сталинской эпохи») было больше традиционных деталей, чем «городских» заимствований. Конечно, немало сельских девушек стремились носить городские наряды, причем в этом случае мотивом являлось не только желание не отстать от моды, но и подчеркнуть свою приверженность советской власти и социалистической доктрине.¹ Так, уже в начале 1930-х гг. один из советских журналистов, побывавших в станице Каргинской на Дону, писал: ««на улицах рядом с пожилыми казаками, в штанах с лампасами, с крестами на груди, выраженными в духе старого тихого Дона, попадаются казачки-делегатки, в красных платках, девушки, в подавляющем большинстве стриженные...»».² Как видим, в данном случае сельские девушки практически ничем не отличались от горожанок-комсомолок: те же красные косынки (характерная деталь костюма девушки, входящей в состав ВЛКСМ), те же короткие стрижки. Таких же девушек, колхозниц-ударниц коммуны им. Апанасенко Минераловодского района Северо-Кавказского края, мы видим на одной из фотографий начала 1930-х гг.: они одеты в типичные «городские», «комсомольские», белые блузки с отложными воротниками. Правда, на них нет красных косынок, зато это упущение позволяет без труда разглядеть их короткие стрижки.³

На фотографиях можно увидеть южнороссийских колхозниц в платьях городского фасона с рюшечками, в беретиках.⁴ Знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань)

¹ В. Боннелл в этой связи обоснованно полагает, что плакатные образы колхозниц, которые в начале 1930-х гг. изображались в красных косынках, повязанных на манер городских работниц (узел на голове, а не под подбородком, как у селянок), «были призваны показать зрителю, что колхозница отличается от бабы прошлой эпохи» (Боннелл В. Крестьянка в политическом искусстве сталинской эпохи // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 268).

² Кофанов П. Земля в походе // Наши достижения. 1930. № 4. С. 34.

³ Коллективист. 1931. № 20. С. 8.

⁴ Колхозница. 1937. № 2. С. 14.

П.И. Ковардак предпочитала позировать фотографам не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а исключительно в городских нарядах, что вполне естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей было всего лишь 27 лет). Например, в 1937 г., во время выборов в Верховный Совет СССР, куда П.И. Ковардак выдвинули кандидатом, она была сфотографирована в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по тогдашней моде волосами.¹ О стремлении многих сельских девушек одеваться «по-городскому» хорошо сказал журналист газеты «Молот» М. Данишевский в статье о донской казачке колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края, одной из инициаторов движения «ворошиловских кавалеристов», Вере Куркиной: «[Вера] не менее других молодых казачек любит наряжаться. Она давно уже мечтает о красивой шляпке с цветочками. И хотя на хуторе среди девушек не принято еще носить шляпок, Вера твердо решила одеваться так, как одеваются городские комсомолки».² И Вера Куркина была далеко не одинока в своих намерениях!

Однако большинство колхозниц Юга России либо не хотели, либо не могли одеваться так же, как горожанки. В последнем случае всему виной была не только и даже не столько низкая оплата труда колхозниц,³ сколько специфика советской системы торговли и снабжения, ориентированной на первоочередное удовлетворение нужд промышленности и города, но не деревни. Частная же торговля в СССР была разгромлена, а неистребимые спекулянты

¹ Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.

² Данишевский М. Вера Куркина // Молот. 1936. 5 марта.

³ В подавляющем большинстве коллективных хозяйств Юга России оплата трудодней деньгами на всем протяжении 1930-х гг. была крайне низкой. Поэтому свободных денежных средств, необходимых для покупки промтоваров и предметов ширпотреба, у сельских жителей зачастую не было. Так, в 1934 г. колхозники одной из молочно-товарных ферм Батайского сельсовета Азово-Черноморского края рассказывали корреспонденту газеты «Социалистическое земледелие»: «Девушки мажутся, пудрятся, но им не за что этого иметь, ребята курят, а денег нет, на счет денег девки бедны» (ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 6).

приобретали товары в государственных заведениях и потом реализовали их по завышенным ценам, недоступным для большинства сельских жителей. Уровень снабжения городского населения СССР промышленными товарами в 1931 – 1935 гг. (в среднем в год на одного человека) был заметно выше, чем уровень снабжения жителей коллективизированной деревни: по швейным изделиям в 3 – 6 раз, по мылу в 3 – 10 раз, по кожаной обуви в 2,5 – 5 раз, по шерстяным тканям в 1,2 – 8 раз, по трикотажу и табачным изделиям в 5 – 12 раз. Только по товарам преимущественно сельского спроса (хлопчатобумажные ткани, платки, махорка) сельское снабжение не уступало городскому.¹

Зачастую промышленные товары, востребованные сельским населением,² вообще не поступали в деревню. В документах 1930-х гг. часто встречаются утверждения, что «сельПО (сельская лавка Единого потребительского общества – *авт.*) абсолютно ничего не дает».³ Так, в начале 1934 г. руководство колхоза «Знамя коммуны» станицы Раевской Новороссийского района Азово-Черноморского края докладывало районным властям: «товаров сельпо не имеет никаких, кроме спичек. Острую нужду колхоз ощущает в обуви и мануфактуре».⁴ Нередко случалось, что промышленные товары, выделенные для деревни, передавались в город: либо потому, что таково было решение властных структур, либо в результате махинаций работников торговой сети. В частности, в на-

¹ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993. С. 48 – 49.

² О том, какие именно товары стремились приобрести сельские жители, рассказывал на очередном совещании в сентябре 1934 г. секретарь Благодарненского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края Лобакин: «требуется шерстянка и другие хозяйственные вещи, затем дешевая посуда, стекло оконное, стекло ламповое. Найдется у нас большое количество колхозников, которые приобретут велосипеды» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 26). Секретарь Воронцово-Александровского райкома Потапенко говорил тогда же, что «в одном колхозе нужны велосипеды и патефоны, в другом обувь. Это в зависимости от уровня, который имеет каждый колхоз» (ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 87).

³ ГАРО, ф. р-2373, оп. 1, д. 92, л. 51.

⁴ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 28.

чале 1934 г. в колхозе «Красное Черноморье» Геленджикского района Азово-Черноморского края многие колхозники не имели обуви, в то время как выделенные для колхоза сандалии почему-то были проданы в город.¹

Неудивительно, что уже в конце 1920-х гг. сельские жители Юга России подводили первые итоги сталинского «большого скачка»: «об обуви, о коже на сапоги мы перестали и думать... Так же обстоит дело и с одеждой. Донашиваем старое».² Причем промтовары нередко не могли приобрести не только колхозники, но даже и колхозы, что создавало иногда проблемы на производстве: так, в 1934 г. доярки одной из ферм, расположенной под Батальском, жаловались: «у нас много недостатков, грязная постель, нет ведерок, подмывальников, халаты нужны, которых доярка должна иметь два, мыло».³

Остро нуждаясь в промтоварах, колхозники были готовы пойти на преступление, лишь бы их раздобыть. Например, летом 1933 г. в селе Ново-Григорьевском Северо-Кавказского края «зажиточная единоличница» Попалитенко (а единоличники, сами нередко занимавшиеся спекуляцией, могли раздобыть промтовары) уговорила колхозницу Шевченко нарезать ей на поле 18 кг колосков за три куса мыла, что последняя и сделала.⁴ Другие колхозники стремились найти такое место работы, где их могли бы обеспечить столь дефицитной в 1930-х гг. одеждой и обувью. Так, в октябре 1933 г. на совещании директоров новых МТС Северо-Кавказского края Крайников, директор Грачевской машинно-тракторной станции, делился с коллегами секретом успешного изыскания и пополнения кадров механизаторов: «пришлось заставить колхозы купить им (трактористам – *авт.*) обувь и одеть

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 244.

² Крестная ноша. С. 201.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 6.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 22, л. 156.

теплые тужурки, ... и благодаря этой одежде к нам повалили трактористы и мы этим заманили трактористов».¹

Необходимо указать на одну деталь, существенно затруднявшую снабжение сельского населения промтоварами (в том числе колхозниц одеждой и предметами личной гигиены). Обязанности обеспечения жителей села предметами быта и гигиены были возложены на систему потребкооперации (Единое потребительское общество), низовыми звеньями которой являлись, как мы уже указали выше, сельские лавки – сельпо (сельПО). Стоимость товаров в сельпо была заметно ниже, чем на рынке, но проблема заключалась в том, что чаще всего колхозники могли получить эти товары лишь в обмен на сельхозпродукцию, в первую очередь на хлеб (таким образом, система потребкооперации, по существу, являлась еще одним каналом выкачивания хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов из деревни). Не случайно специалисты подчеркивают, что товары в сельпо завозились преимущественно в третьем и четвертом кварталах текущего года, чтобы стимулировать хлебозакупки.² Но у многих колхозников, особенно в начале 1930-х гг., не было необходимого количества сельхозпродукции, так что промтовары оставались для них недоступными. Например, в июле 1930 г. сельпо в целом ряде станиц Северо-Кавказского края меняли промтовары лишь на куриные яйца. «И получается», констатировали современники, «что пришедшей беднячке-старухе за тремя метрами ситца похабно предлагают принести полсотни яиц, а потом получить требуемое. Тоже получается и с другими покупателями, которые просят далеко не дефицитный товар, вроде подвязок, ленточек, стаканов и чего-либо прочего».³

¹ ГАРО, ф. р-2573, оп. 1, д. 127, л. 36.

² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. М., 1999. С. 115.

³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1074, л. 6.

Все вышеперечисленные обстоятельства и приводили к тому, что колхозницы Юга России даже при желании не могли себе позволить одеваться «по-городскому». Чаще всего они шили себе одежду сами: впрочем, зачастую приходилось перешивать и покупные вещи, вследствие их безобразного качества. Даже в советской прессе 1930-х гг. признавалось, что «в практике работы десятки, сотни примеров показывают нам безобразные факты порчи товаров, когда у костюма один рукав длиннее другого, [когда мы видим] две пары сапог, из которых один не похож на другой, или топор весом 3 кг и т. д. Эти факты служат лучшим материалом для агитации кулаков против государственной промышленности. Удар по плохому качеству товара означает удар не только по рвачу, разгильдяю в промышленности, но и по кулаку в деревне».¹ Но такого рода «удары по плохому качеству товара», как известно, не привели к коренному изменению ситуации не только в 1930-х гг., но и на всем протяжении советской эпохи. Иначе и не могло быть, поскольку принципы плановой экономики, вовсе не ориентированной на рядового потребителя, не подвергались сомнению даже самыми смелыми советскими реформаторами.

Как же выглядел и из чего состоял наиболее типичный костюм сельской женщины Юга России 1930-х гг.? Многочисленные фотоматериалы позволяют дать развернутый ответ на этот вопрос. Летом колхозницы носили, как правило, простое белое платье, или (чаще), традиционную белую рубаху и традиционную же юбку с передником или без него; нередко рубаха заменялась блузкой, поверх которой надевали кофточку. Голову повязывали косынкой (белой или цветной), реже – платком. Обувью служили сандалии или тапочки, но многие женщины ходили и босиком.²

¹ Решения партии должны быть по-большевистски осуществлены // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 10. С. 6.

² Колхозница. 1937. № 2. С. 18, 19; № 5. С. 4, 5, 17; № 6. С. 14, 15; № 7. С. 7, 16, 15; № 8 – 9. С. 1, 13, .

Так, на одной из фотографий мы видим ударниц колхоза им. Шеболдаева Красноармейского района Азово-Черноморского края Е. Иванчиху, М. Мальцеву и О. Резимикину, занятых летом 1934 г. уборкой помидоров. На головах у них косынки, две ударницы одеты в платья с фартуками, одна – в кофточку и юбку.¹

Осенью и зимой колхозницы одевались точно так же, но дополняли костюм стеганкой (фуфайкой) или козухом, чулками, теплым платком. На ноги надевали разного рода ботинки или галоши с шерстяными носками или, – реже, – валенки, которые в данное время не особенно были распространены на Юге России.²

Женский костюм 1930-х гг. был практически неотличим от образцов предшествующего десятилетия на Юге России. Так, в одном из номеров журнала «Крестьянка» за 1923 г. изображены ставропольские крестьянки А.А. Брянцева, Ф.Д. Володина, П.И. Костюкова, посетившие Всероссийскую выставку сельского хозяйства. Костюм Ф.Д. Володиной, изображенной в полный рост, состоял из платка, рубахи и юбки с передником; ее подруги носили рубахи и косынки.³ Точно такие же наряды доминировали и в колхозной деревне Ставрополья (как, впрочем, и Дона, и Кубани) в 1930-х гг. Примечательно, что женский костюм на Дону, Кубани и Ставрополье существенно не менялся не только в 1920-х – 1930-х гг., но и на протяжении последующих двадцати – тридцати лет, как о том свидетельствуют сохранившиеся фотодокументы.⁴

Одежда колхозниц Юга России была практичной и удобной в сельских условиях, но менее модной и яркой, чем наряды горожанок. Последним это давало повод насмехаться над сельскими женщинами и девушками. Председатель одного из кубанских колхозов З.О. Кияшко вспоминал, как был уязвлен, когда, будучи

¹ Колхозный путь. 1935. № 4. С. 31.

² Колхозница. 1937. № 11. С. 15.

³ Ставропольские крестьянки на выставке // Крестьянка. 1923. № 16. С. 1.

⁴ Колхозница. 1937. № 1. С. 17; № 7. С. 7, 10, 14, 15; № 8 – 9. С. 1; Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы // Кубанский сборник. С. 110, 122, 123.

в городе, случайно услышал разговор двух шедших перед ним горожанок, одна из которых небрежно сказала своей подруге: «Что за платье?! Ты в нем выглядишь, как колхозница!». ¹ Подобное отношение и насмешки выступали дополнительным фактором, под влиянием которого многие сельские женщины (особенно, конечно, девушки) стремились в меру своих материальных возможностей одеваться «по-городскому».

Весьма сложная ситуация складывалась и в сфере продовольственного обеспечения сельских жителей Юга России в 1930-х гг. В предыдущих разделах нашей работы мы уже отмечали, сколь низки были выдачи на трудодни в донских, кубанских и ставропольских колхозах в первой половине 1930-х гг. Поэтому мы не будем возвращаться к данному сюжету, и отметим лишь, что, несмотря на повышение оплаты труда в колхозах Юга России во второй половине 1930-х гг., продовольственное обеспечение колхозников нередко вновь нарушалось. Даже в 1940 – начале 1941 гг. в целом ряде районов Орджоникидзевского края колхозники и даже рабочие и служащие, проживавшие в городах и райцентрах, оказались без пищи из-за хлебозаготовок, проведенных по завышенным нормам. Причем многие работники районных властных структур, которые сами переживали «продовольственные затруднения», были склонны оправдывать антисоветские и антиправительственные высказывания возмущенных людей: «если нет сахара, табаку, хлопчатки [–] это не имеет большого значения[,] это народ переживает безропотно, но когда нет хлеба – это сильно дает себя чувствовать». ²

Учитывая низкий уровень продовольственного обеспечения колхозников (и специфику торговой сети, которая почти не поставляла на стол сельских жителей такие «городские» продукты,

¹ Кияшко З.О. Годы колхозной жизни. Литературная запись Г. Новогрудского, А. Дунаевского. Краснодар, 1953. С. 59.

² ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 691, л. 6, 7, 21, 26, 28 – 30, 33, 41, 42.

как кондитерские изделия, колбасы, и т. п.), меню обычной крестьянской семьи на Юге России на протяжении рассматриваемого десятилетия изменилось несущественно. При этом в целом ряде случаев произошедшие частные изменения носили не положительный, а негативный характер.

Типичное меню сельских жителей на Дону, Кубани и Ставрополье в досоветский период состояло из хлеба и хлебопродуктов (блинов, оладьев, ватрушек, калачей, пирожков, и т. д.), молока и молокопродуктов (творог, сметана), овощей и фруктов, разного рода каш (гречневая, пшенная), щей, кваса. В селах и станицах, расположенных на берегах рек, важную роль в меню играла рыба: жареная, вареная, вяленая, соленая, сушеная, копченая. Мясо на стол попадало гораздо реже, обычно зимой (летом его почти не ели, так как в это время скотину не забивали без особой нужды из-за того, что мясо было сложно хранить на жаре и из-за того, что скот на протяжении данного времени года набирал вес). Чаще мясные блюда готовили из мяса птицы: кур, уток, гусей. Вместе с тем исследователи справедливо указывают, что, по сравнению с другими районами России и Украины, на Северном Кавказе блюда из мяса и птицы занимали в меню сельских жителей более видное место.¹ Необходимо добавить, что в южнороссийских регионах чаще всего ели белый (пшеничный) хлеб, а не ржаной, распространенный в центральной России.²

Примерно таким же оставалось и меню колхозников Юга России в 1930-х гг. Однако в начале 1930-х гг. в его составе резко уменьшилась доля некоторых продуктов, вплоть до полного их исчезновения. Прежде всего это касалось основного продукта питания сельских жителей – пшеничного хлеба и хлебопродуктов, затем – мяса и молока. В условиях колхозной системы пшеница

¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне... С. 100 – 102; Казачий Дон. Ч. II / Под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д, 1995. С. 35 – 36.

² Гужвин П. Хлеб России // Свободная мысль. 1992. № 65. С. 5.

стала стратегически важным продуктом («валютой валют»,¹ по известному выражению Сталина), и поэтому доставалась колхозникам в последнюю очередь. Что касается мяса и молока, то, как известно, личные подсобные хозяйства колхозников облагались соответствующими поставками, после выполнения которых крестьянским семьям оставалось относительно небольшое количество указанных продуктов.

В условиях коллективизации произошло и качественное ухудшение меню. Нередко на трудодни выдавали в основном рожь, кукурузу, ячмень; из них и пекли хлеб или лепешки. В этой связи становится понятна гордость первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, с которой он заявлял в 1935 г., что трудодень колхозника не только «стал весить и стоять примерно в два раза больше», но теперь его обеспечивают «не кукурузой и ячменем, как раньше, а настоящей кубанской и донской пшеницей».² Документы подтверждают правоту первого секретаря Азово-Черноморского крайкома: действительно, с середины 1930-х гг. трудодень «стал весить больше», снабжение колхозников улучшилось.

Тогда же, в первой половине 1930-х гг., в условиях коллективизации, немало колхозников были вынуждены употреблять в пищу разного рода суррогаты, вплоть до падали, а также разнообразную зелень (лебеду, крапиву, щавель, другие растения), корни, дикорастущие фрукты и ягоды и т. д.; впрочем, потребление суррогатов и зелени нередко приводило к заболеваниям и смерти.³ Кроме того, в условиях голодовок (отнюдь не редких в первой половине 1930-х гг., да и вообще на протяжении рассматриваемого десятилетия) сельские жители максимально полно ис-

¹ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 15.

² Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 5.

³ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 105 – 106; ГАРО, ф. р-2373, оп. 1, д. 92, л. 10.

пользовали ресурсы рек и озер. Так, в 1930 г. донские казаки говорили: «придется вспомнить приемы 20-х голодных годов, окунуться в Дон-Кормилец за ракушками».¹ В августе 1933 г. до 30 хозяйств единоличников из станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Северо-Кавказского края поселились в кубанских плавнях, рассуждая при этом, что «здесь хоть плохо, но нас накормит Кубань».²

Повторимся, что лишь во второй половине 1930-х гг. продовольственное обеспечение колхозников и колхозниц Юга России заметно улучшилось. Теперь на их стол попадали даже обычные для города, но не типичные для села, кондитерские изделия: торты, пирожные, и пр. (правда, колхозники пригородных сельхозартелей и в первой половине 1930-х гг. могли себе позволить такую роскошь). Так, согласно данным бюджетов колхозников Краснодарского края, в январе 1940 г. каждый из них потреблял 0,2 кг кондитерских изделий.³

Но все же большинство колхозников не могли себе позволить постоянно покупать «городские» продукты, в связи с чем сельские домохозяйки пытались отыскать соответствующие рецепты и самостоятельно их готовить. Выражая распространенное среди сельских хозяек мнение, А.М. Ружникова, одна из кубанских крестьянок, писала в редакцию журнала «Колхозница» весной 1937 г.: «У меня в достатке хлеба и денег. Обыкновенный пирог с какой-нибудь начинкой мне, скажем, надоел, приелся. Хотелось бы приготовить что-либо повкуснее... Ели мы и покупные торты и разные бисквиты. Нам они понравились и, главное – по карману. Но, вот, как их готовить дома – не знаем. Почему бы женскому журналу не давать советы по кулинарии?». ⁴

¹ Крестная ноша. С. 176.

² ЦДНИ РО, ф. 166. оп. 1, д. 22. л. 76.

³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 405, л. 26.

⁴ Ружникова А.М. Читая журнал «Колхозница» // Колхозница. 1937. № 5. С. 4.

Эти слова – одно из косвенных свидетельств того, что, хотя во второй половине 1930-х гг. продовольственное обеспечение колхозников Юга России заметно улучшилось по сравнению с началом десятилетия, все же их меню оставалось нередко однообразным и уж, во всяком случае – вполне традиционным. Одна из задач «колхозного строительства» формулировалась как «устранение противоположности между городом и деревней», и в сфере продовольственного обеспечения это должно было выразиться в увеличении доли «городских» продуктов в меню колхозников и колхозниц. Однако этого не произошло, главным образом в силу специфики социально-экономического устройства СССР «сталинской эпохи», выражавшейся в том, что деревня рассматривалась властью как сырьевой придаток города, обязанный снабжать промышленность и горожан сельхозпродукцией по самым низким ценам (а нередко даром). Естественно, что в этих условиях между городскими и сельскими территориями существовал неравноценный обмен: если сельхозпродукты шли в город непрерывным потоком, то деревня получала мизерное количество «городских» товаров (как промышленных, так и продовольственных). Поэтому ведущая роль в приготовлении пищи в семьях колхозников Юга России, как и по всей стране, ложилась, естественно, на женщин (тем более что система общепита в коллективных хозяйствах функционировала неудовлетворительно); и пища эта в основном готовилась из традиционных продуктов и по традиционным же сельским рецептам.

Итак, на протяжении 1930-х гг. повседневная жизнь женщин-колхозниц Юга России претерпела ряд изменений, что являлось прямым следствием целенаправленной политики большевиков и, в частности, «колхозного строительства», нацеленного, помимо прочего, на трансформацию традиционного сельского уклада по образцу «социалистического города». Определенные изменения

произошли в костюме сельских женщин. В первую очередь это касалось девушек, которые, либо стараясь следовать за модой, либо демонстрируя свою приверженность советской власти и вовлеченность в состав ВЛКСМ или ВКП(б), одевались примерно так же, как горожанки их возраста. За счет «городских» продуктов (те же кондитерские изделия) стало несколько более разнообразным меню колхозных семей Юга России. Появилась возможность проводить досуг в клубах, Домах культуры, избах-читальнях. Вместе с тем эти и другие новации в повседневной жизни женщин-колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя 1930-х гг. носили частный характер. В целом же жизненный уклад сельской женщины на протяжении рассматриваемого десятилетия оставался преимущественно традиционным.

3.3. Тенденции изменения гендерных ролей в деревне и трансформация ментальности женщин-колхозниц

Грандиозные социально-экономические трансформации, произошедшие в российской (советской) деревне в ходе коллективизации, отразились не только на сфере крестьянской повседневности, но также на ментальности и коллективной психологии колхозников и колхозниц, на расстановке гендерных ролей в сельском социуме. В значительной мере изменения в менталитете крестьянства и гендерной структуре деревни являлись результатом целенаправленной политики советско-партийного руководства, стремившегося коренным образом преобразовать аграрную сферу в соответствии со своими представлениями о социализме (и, в частности, о месте женщины-крестьянки в социалистическом обществе). Вместе с тем под влиянием ряда факторов, среди которых на первом плане находились устойчивые традиции крестьянства и специфика колхозной системы, указанные изменения нередко существенно отличались от первоначальных замыслов большевистских теоретиков, а то и про-

тиворечили им. Сказанное в полной мере относится и к ментальности женщины-колхозницы, и к тому положению, которое она занимала на протяжении 1930-х гг. в системе гендерных взаимоотношений колхозных сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополья.

Говоря об изменениях в расстановке гендерных ролей в коллективизированной деревне Юга России, следует в первую очередь отметить, что основной их вектор был направлен в сторону дальнейшей феминизации аграрного производства и сельской жизни в целом. Коллективизация, по замыслам ее творцов, должна была довершить начатое в 1920-х гг. и окончательно уравнивать в правах (как, впрочем, и в обязанностях) сельских женщин и мужчин. Утверждения о том, что эти задачи были выполнены в ходе «колхозного строительства», неоднократно звучали и в речах советских вождей, и в советской литературе, и в публицистике.

Пожалуй, наиболее четко по этому поводу высказался И.В. Сталин на встрече с «колхозницами-ударницами свекловичных полей» в конце 1935 г.: «что представляли собой женщины раньше, в старое время. Пока женщина была в девушках, она считалась, так сказать, последней из трудящихся. Работала она на отца, работала, не покладая рук, и отец еще попрекал: «Я тебя кормлю». Когда она становилась замужней, она работала на мужа, работала так, как ее заставлял работать муж, и муж же ее опять попрекал: «Я тебя кормлю»... Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поставить женщину на ноги... Колхоз ввел трудодень. А что такое трудодень? Перед трудоднем все равны – и мужчины и женщины. Кто больше трудодней выработал, тот больше и заработал. Тут уж ни отец, ни муж попрекать женщину не может, что он ее кормит. Теперь женщина, если она трудится и у нее есть трудодни, она сама себе хозяйка».¹

¹ Цит. по: Котов Г., Стуков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150.

В определенной степени Сталин был прав, и его категоричное утверждение подтверждается (и дополняется) целым рядом фактов и документов. Вместе с тем имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что в системе гендерных взаимоотношений колхозной деревни Юга России 1930-х гг. ситуации была вовсе не столь однозначной.

С одной стороны, в условиях колхозной системы сельские женщины, действительно, могли с большей полнотой использовать возможность выхода из-под плотной опеки отца, свекра или мужа, появившуюся у них вместе с укреплением советской власти. В данном случае сказывались особенности коллективных хозяйств, в которых женщина рассматривалась (хотя чаще всего лишь теоретически) таким же полноценным работником, как мужчина, и могла рассчитывать на помощь колхозного правления, оставшись без мужа или при возникновении тяжелых жизненных ситуаций.

В предыдущих разделах работы мы уже отмечали, что процесс максимально полного вовлечения сельских женщин во все сферы колхозного производства представлял собой вполне осознанную государственную политику. При условии активной производственной деятельности (а тем более при условии овладения «мужскими» профессиями, например, профессией механизатора) колхозница могла обрести определенную экономическую самостоятельность, выработав необходимое количество трудодней и получив на них продовольствие и деньги. Правда, в 1930-х гг. количество выработанных трудодней само по себе ничего не означало, поскольку многие колхозы зачастую не могли эти трудодни оплатить. Зато представители власти постоянно подчеркивали, что в труде женщина вполне равна мужчине. Дабы укрепить в обществе подобное мнение, практиковалось награждение женщин-стахановок и передовиков производства. Так, в 1937 г. в це-

лом по СССР удостоились правительственных наград 1 305 советских женщин, и среди них «колхозницы-стахановки» Ростовской области Е.В. Зубцова, А.П. Нефедова, У.И. Кириченко, С.Е. Неграмотнова, М.И. Подолякина и др.¹

Одинокие или овдовевшие женщины могли надеяться на помощь коллективного хозяйства, выражавшуюся в обеспечении продовольствием, фуражом, топливом, во вспашке огорода, в постройке дома, и т. п. Так, колхоз «13 лет Октября» Красносулинского района Азово-Черноморского края в 1935 г. выделил колхознице Наталье Тарановой лесоматериалы на постройку хаты, а Надежде Хахулиной оборудовал квартиру.² В 1939 г. нескольким женам колхозников, проходивших службу в Красной Армии, колхозы им. Ильича, им. Шевченко, «Красный Октябрь» станицы Старо-Титаровской (Краснодарский край) построили дома.³ Подобная практика также способствовала усилению независимости сельских женщин от мужчин, поскольку колхоз, по существу, брал на себя те функции материального снабжения семьи, которые должен был выполнять муж. Другое дело, что отнюдь не все коллективные хозяйства на должном уровне реализовывали указанные задачи.

Стремясь к установлению некоего гендерного равноправия, большевики не были намерены ограничиваться лишь сферой производства. В 1930-х гг. усилиями государства женщины-колхозницы, наравне с мужчинами, активно вовлекались и в процесс военной подготовки и военного обучения (как было принято тогда говорить, «в оборонную работу»). Колхозницы, особенно девушки, учились владеть огнестрельным и холодным оружием, пользоваться противогазом (на одной из фотографий, например,

¹ Великая и полная победа // Колхозница. 1937. № 12. С. 10.

² Малютин, Марфунцев, Волченко. По сталинскому уставу работаем и распределяем доходы // Колхозный путь. 1935. № 9. С. 20.

³ ЦДНИ КК, ф. 1774-а, оп. 1, д. 988, л.30.

мы видим колхозниц, работающих в поле в противогазах¹). Учитывая специфику Юга России, где значительную часть населения составляли казаки, славившиеся как превосходные кавалеристы, донские, кубанские, ставропольские, терские девушки-колхозницы обучались навыкам верховой езды в колхозных и межколхозных кружках «ворошиловских кавалеристов». Как отмечалось в одной из газетных публикаций в 1938 г., в колхозе «Политотделец» Константиновской МТС Орджоникидзевского края «молодые колхозники регулярно занимаются в кружке ворошиловских всадников, в числе курсантов и женщины».²

Надо признать, что многие колхозницы Юга России приветствовали идею феминизации военного обучения и с энтузиазмом учились военному делу. Казачки-колхозницы Александрийско-Обиленского района Северо-Кавказского края ничуть не преувеличивали, когда обещали Сталину в марте 1936 г.: «в случае, если враг посмеет напасть на Советский Союз, мы вместе с нашими мужьями и сыновьями, мы, советские казачки, не щадя сил и жизни, пойдем на защиту родины. Мы умеем оседлать коня, мы учимся метко стрелять, а понадобится – справимся и с клинком».³ В том же году многодетные матери Тарасовского района Азово-Черноморского края обещали лидеру страны «включиться в оборонную работу в своих колхозах, научиться метко стрелять, хорошо владеть конем».⁴ Разумеется, проявляемая женщинами-колхозницами готовность активно учиться военному делу представляла собой выражение патриотических настроений; но, вместе с тем, это был лишний повод доказать мужчинам, что женщины в СССР вполне могут обеспечить гендерное равенство.⁵

¹ Учет и финансы в колхозах. 1937. № 6. С. 40.

² Попелко М. Колхозные конники // Орджоникидзевская правда. 1938. 29 июля.

³ Родной, любимый Сталин!... // Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта.

⁴ Великому Сталину – слава!... // Колхозница. 1937. № 6. С. 15.

⁵ На Всесоюзном совещании передовиков животноводства, проходившем в Москве в феврале 1936 г., колхозница из Кабардино-Балкарии говорила о занятиях военным

Можно утверждать, что в колхозной деревне Юга России 1930-х гг. была отчетливо выражена тенденция изменения расстановки гендерных ролей в сторону равноправия женщин и мужчин. В это время увеличивается численность «новых женщин»,¹ искренне полагавших, что в условиях колхозной системы гендерное равенство стало фактом. Многие колхозницы убежденно рассуждали, что «колхозы дали нам полную экономическую независимость от мужчины – отца, мужа, свекра».²

В частности, в «Молоте» в августе 1934 г. было помещено письмо 26 колхозниц-ударниц Троицкой МТС Славянского района Азово-Черноморского края Всесоюзному съезду писателей. Они писали, что советские литераторы мало внимания обращают на женщину-колхозницу или изображают ее по-старинке: «Взять хоть Шолохова. Хорошая книга «Поднятая целина». И народ в этой книге для нас знакомый и читаем мы ее с удовольствием. А какие там женщины показаны? – Мещанки, у которых любовь, вопросы пола, семья составляют их основное содержание. Только и дело у Марины, как ждать Разметного к ночи. Других у нее интересов нет... [Но,] по нашему пониманию – [это] глубоко неправильно ... [так как] женщина-колхозница сама на свои трудодни получает доход. Женщина теперь по всем линиям самостоятельный человек».³

делом именно как о возможности доказать мужчинам, что женщина ничуть не хуже их: «[раньше] презирали нас, женщин, вообще, если мы ездили на конях, и некоторые парни отказывались жениться. А теперь мы лучше их ездим, и они сами просят, чтобы мы вышли за них замуж, а мы отказываемся» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 219, л. 29).

¹ Такое определение мы считаем возможным применить по аналогии с утверждениями о том, что на протяжении 1930-х гг. в СССР появилась генерация «новых людей», которые «не чувствовали себя рабскими «винтиками» тоталитарной машины, а ощущали себя сознательными творцами, двигателями эпохи, защитниками «всего угнетенного человечества» (Советская литература в канун Великой Отечественной войны. Научно-аналитический обзор. М., 1991. С. 3).

² Вождю, учителю и другу колхозниц! Письмо колхозниц колхоза «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области // Колхозница. 1937. № 11. С. 10.

³ Запишите нашу заявку! Письмо 26 колхозниц-ударниц Троицкой МТС Славянского района Азово-Черноморского края Всесоюзному съезду писателей (август 1934 г.) // Молот. 1934. 28 августа.

«Новые женщины» решительно отторгли гендерное устройство прежней, доколхозной деревни. Тому есть масса свидетельств, из которых наиболее любопытным нам представляется модернизация женского именослова, произошедшая в колхозной деревне на протяжении 1920-х – 1930-х гг. Модернизация эта выразилась в постепенном сведении к минимуму архаичных антропонимов, на смену которым пришли имена, либо сконструированные непосредственно в 1920-х – 1930-х гг., либо существовавшие и ранее, но широко распространившиеся в советский период в связи с тем, что общество восприняло их в качестве более соответствующих современной эпохе.

По данным Л.М. Щетинина, проанализировавшего архивные фонды донских церквей и загсов, в 1930-х гг. изменения женской антропонимики были вполне заметны. В частности, во второй половине XIX – начальных десятилетиях XX вв. (вплоть до конца 1920-х гг.) на Дону существовали такие женские имена, как Агата (Агафья, Аграфена), Аглая (Аглаида), Александра, Анна, Василиса, Глафира, Домна, Евдокия, Ефросинья (Евфросинья), Елизавета, Зинаида, и т. д.¹ Однако эпоха «великого перелома» внесла свои коррективы в женский именослов. В 1930-х гг. исчезли из употребления такие женские имена, как Агата, Аглая, Агафья, Домна, и ряд других, подобных им своей архаичной формой и звучанием. Напротив, имена, воспринятые населением Дона как более современные (Алевтина, Александра, Анастасия, Анна, Антонина, Вера и пр.) сохранились. В ряде случаев численность их носителей (точнее, носительниц) даже возросла. Кроме того, в 1930-х гг. среди женских имен на Дону были зафиксированы такие, ранее практически не встречавшиеся, как Аделла, Аделина, Аида, Алла, Альбина, Белла, Жанна, и др.²

¹ Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). Ростов н/Д., 1972. С. 183 – 197.

² Там же, С. 183 – 197.

Те же тенденции отмечались и в колхозной деревне. Об этом свидетельствуют, например, материалы рассмотрения органами власти заявлений многодетных матерей о начислении государственного пособия, полагавшегося им по постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г.¹ В частности, в фонде Ростовского облисполкома за май, июль, ноябрь 1938 г. и за февраль 1939 г. нами были обнаружены подобные материалы.²

Анализ этих материалов позволяет утверждать, что многодетные матери (большинству из них, учитывая численность детей, было 30 – 40 лет и, значит, они родились в конце XIX – начале XX вв.) не столь редко носили имена Агафья, Евдокия, Дарья, Капитолина, Мавра, Макрида, Матрена, Меланья (Мелания), Пелагея, Прасковья, Федора (Феодора), Фекла, Улита, Ульяна, и т. п. А вот своим дочерям они давали уже не столь «устаревшие», а вполне современные имена. Чаще всего, судя по указанным материалам, девочек, родившихся в колхозной деревне 1930-х гг., называли Лидия, Зинаида, Раиса, Любовь, Нина, Валентина, Мария, Анна. Несколько менее распространены были Александра, Алла, Антонина, Вера, Елена, Людмила, Надежда, Татьяна. Иногда встречаются и архаичные имена (Анисия, Евдокия, Клавдия, Неонила, Прасковья), но – как исключение из правила. Причем, что показательно, женщина, назвавшая свою дочь Неониллой, проживала в Целинском районе Ростовской области. Здесь были сильны позиции сектантов (молокан и духоборов),³ твердо придерживавшихся традиций, в том числе при именовании своих детей.

¹ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июля 1936 г. // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 13. С. 362 – 368.

² ГАРО, ф. р-3737, оп. 2, д. 35, л. 18 – 20, 38 – 40, 50 – 54; д. 47, л. 22 – 25; д. 77, л. 39 – 43; д. 94, л. 69, 78, 79, 87 – 90.

³ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 155, л. 2 – 2об; д. 282, л. 33.

Вместе с тем надо отметить, что на селе девочкам крайне редко давали и такие новые, экзотические для российской деревни, имена, как Аза, Виля (женская форма Виль – аббревиатура от Владимир Ильич Ленин), Роза (нередко – в честь Розы Люксембург), и т. п. Этим колхозная деревня 1930-х гг. отличалась от города, где энтузиасты и романтики «революционной эпохи» иной раз называли своих дочерей Леназа (Ленинизм наше знамя), Медера (Международный день работницы), Одвара (в честь Особой Дальневосточной армии), Лагшмивара (лагерь Шмидта в Арктике),¹ и т. д., и т. п.

Столь заметные трансформации женского именослова объяснялись не только существенными социальными и культурными переменами, произошедшими в 1920-х – 1930-х гг. в российской деревне (в частности, тем, что крушение сельской церковной организации позволило родителям самостоятельно именовать своих детей, без обращения к святцам). На наш взгляд, эти трансформации являлись очередным (и весьма интересным) свидетельством гендерного выравнивания в колхозной деревне, свидетельством того, что многие сельские женщины с радостью воспринимали перемены в их статусе и образе жизни, не сожалея о прошлом.

Однако, хотя масштабы и глубину гендерных изменений, произошедших на протяжении 1930-х гг. в коллективизированной деревне (в том числе в селах и станицах Юга России), невозможно оспорить, следует все же признать, что задача установления равноправных отношений между сельскими женщинами и мужчинами так и не была реализована; по крайней мере, ее так и не удалось выполнить до конца.

Как мы уже неоднократно отмечали, даже коллективизированное сельское сообщество, и в том числе представители местного руководства, не было готово признать женщин равными

¹ Нехамкин С. Медера и Одвара // Известия. 2002. 17 октября.

мужчинам (справедливости ради надо сказать, что такое признание и не могло появиться в силу ускоренности, некоей преобладающей «поверхностности» осуществленных в деревне в 1920-х – 1930-х гг. преобразований, которые не были способны за столь короткий период времени полностью разрушить традиционные гендерные порядки крестьянства). В сфере профессионально-трудовых отношений это выражалось, как мы отмечали, прежде всего в крайне слабой вовлеченности женщин в состав административно-управленческого аппарата колхозов.

Да и рядовые колхозницы Юга России, несмотря на активные попытки властей вовлечь их во все (даже традиционно «мужские») отрасли аграрного производства, по-прежнему рассматривались как менее ценные работники, нежели мужчины. В определенной степени такое отношение являлось причиной более частого, по сравнению с мужчинами, исключения женщин из коллективных хозяйств (хотя, конечно, зачастую женщин чаще исключали из колхозов вследствие их большей вовлеченности в домашнее хозяйство и пренебрежения общественным производством). Так, в колхозе им. Ковтюха Анапского района Азово-Черноморского края к весне 1934 г. было исключено 13 колхозников, среди которых было 9 женщин и лишь 4 мужчин.¹

Колхозники были настолько уверены в своем превосходстве над колхозницами, что производственные достижения последних иной раз вызывали у них по меньшей мере ревность, а то и озлобление. М.А. Шолохов в одном из своих очерков описал такую ситуацию, относящуюся к началу Великой Отечественной войны. В это время писатель, объезжая казачьи колхозы Верхнего Дона, встретился в одном из коллективных хозяйств с комбайнером Петром Зеленковым. На вопрос Шолохова, будет ли кому заменить Зеленкова в случае ухода его на фронт, последний ответил, что заме-

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 6.

ной ему будет жена. Жена, присутствовавшая при разговоре, гордо сказала Шолохову, что «в прошлом году работала комбайнером и заработала больше, чем муж». И далее Шолохов, описывая реакцию Зеленкова на эти слова, тонко подметил: «слова жены Зеленкову явно не по душе...».¹

В сельском быту стремление мужчин подчеркнуть свое превосходство над женщинами и нежелание признать их равными себе проявлялось не менее отчетливо. Показателен следующий пример: на совещании старших агрономов райколхозсоюзов Северо-Кавказского края в феврале 1931 г. один из вступавших сказал «бабы» («послать баб на прополку»), и когда председательствующий его поправил («женщина, а не баба»), то в зале раздался смех.² Грубость, как выражение мужского превосходства над женщинами, была нередким явлением в быту, причем этим грешили даже представители власти, которые (теоретически) должны были подавать пример «несознательным» крестьянам демонстрацией подчеркнуто уважительного отношения к колхозницам и единоличницам. Реагируя на многочисленные факты подобного рода, в феврале 1930 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) был вынужден раскритиковать представителей власти за грубое (даже демонстративно грубое) отношение к сельским женщинам.³

В колхозной деревне, как и ранее, одинокие женщины, не имевшие опеки мужа (этой «каменной стены», за которой можно спрятаться от напастей), зачастую не пользовались уважением. Выше мы уже указывали, что коллективные хозяйства оказывали одиноким или овдовевшим колхозницам необходимую помощь,

¹ Шолохов М.А. В казачьих колхозах // Шолохов М.А. Они сражались за Родину. Рассказы. Очерки. Ростов н/Д., 1974. С. 243.

² ГАРО, ф. р-2399, оп. 1, д. 341, л. 70.

³ Из циркулярного письма Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) всем обкомам, окружкам, райкомам и сельским ячейкам края об исправлении ошибок, допущенных при коллективизации. 18 февраля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 262.

вплоть до постройки дома. Но данная тенденция соседствовала с другой, совершенно противоположной, выражавшейся в пренебрежительном отношении к безмужним колхозницам и их нуждам. Сложно сказать, какая из этих двух тенденций преобладала. Можно предположить, что в первой половине 1930-х гг., когда российская (и в том числе южнороссийская) деревня переживала массу трудностей, одинокие колхозницы чаще всего не могли рассчитывать на поддержку колхозных правлений, которые даже не имели средств для оплаты выработанных колхозниками трудодней. Во второй же половине десятилетия коллективные хозяйства с большей эффективностью выполняли свои функции помощи и поддержки одиноких женщин. Но даже к исходу 1930-х гг. колхозницы, не имевшие мужа, нередко сталкивались с откровенно пренебрежительным (а то и хамским) отношением к себе со стороны колхозного начальства и односельчан.

В частности, в 1936 г. одна из колхозниц («колхозница-вдова полуголодная») направила представителям власти письмо, представлявшее буквально «воплъ о помощи»: «я часто вспоминаю Ленина, какой он был добрый для нас, для крестьян, отобрал землю от помещиков, отдал крестьянам, приказал поделить на едока. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что было до революции. В то время управляли капиталисты и с нас не просили ни шерсти, ни мяса и ни молока. Теперь управляют коммунисты и просят все дочиста. Хлеба нет. Молоко велят сдавать, да еще мясо-поставки требуют. Мясо надо купить и сдать. Почему коммунисты поступают с нами так плохо, как не делали капиталисты, не морили голодом бедных крестьян?». ¹ Как видим, хозяйство одинокой женщины облагалось налогами и поставками, а колхозное руководство не делало ничего, чтобы облегчить налоговое бремя.

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 81.

В феврале 1937 г. красноармеец Я.Е. Кулешов, проходивший военную службу в роте охраны в г. Краснодаре, написал письмо в редакцию районной газеты Ванновского района Азово-Черноморского края «Коллективфане». В письме он жаловался, что его мать, работающая в колхозе «Новая дружба» Ванновского района, находится в тяжелых жизненных условиях, но не может добиться никакой помощи от колхозного правления: «... у нее кончилась топка и сено, бедствует с хлебом. Она обращалась в правление колхоза, чтобы ей дали помощь – привезти соломы на топливо и сена для коровы. Но правление колхоза – пред.[седатель] колхоза Шаткий А. и бригадир Савченко И. – категорически отказали ей в помощи, говорят: «Мы таким красноармейским семьям не даем, только своим родичам...». Мать вернулась со слезами и пошла собирать корм для коровы и жать негодный камыш. Бригадир т.[оварищ] Савченко забрал у нее это, обругал матом и назвал воровкой».¹ Если верить изложенным в письме фактам, то нежелание колхозных управленцев помочь одинокой колхознице сочеталось с откровенно хамским к ней отношением.

Правда, сам Кулешов, по всей видимости, дал повод колхозному начальству так поступать с его матерью. В письмо он объяснял хамское отношение к матери со стороны колхозных администраторов тем, что «они не любят семей красноармейцев». Но, скорее всего, причина была в другом. В начале письма Кулешов, обращаясь к редакции «Коллективфане», назвал себя «бывший ваш селькор».² Скорее всего, будучи до службы селькором (сельским корреспондентом) газеты, Кулешов не единожды критиковал деятельность и бездеятельность руководства колхоза «Новая дружба». Поэтому, когда он стал красноармейцем, колхозные чиновники нашли способ ему отомстить, унижая его мать. Вместе с тем данное обстоятельство никоим образом не опровергает того факта, что одиноким

¹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 335в, л. 56.

² Там же, л. 56.

женщинам в колхозной деревне зачастую жилось очень нелегко: ведь, будь Кулешов дома, он нашел бы управу на зарвавшихся председателя и бригадира колхоза «Новая дружба» (например, с помощью редакции районной газеты Ванновского района).

Грубость и пренебрежение к колхозницам со стороны и колхозного начальства, и рядовых колхозников, зачастую являлись следствием того, что и в коллективизированной деревне женщина рассматривалась чаще всего как работница-домохозяйка и как объект удовлетворения сексуальных желаний мужчины, как некая «постельная принадлежность».¹ Немало колхозных администраторов, обладая реальной властью над колхозницами, возводили такое понимание женщин в абсолют, постоянно занимаясь, как принято сегодня говорить, сексуальными домогательствами. Причем некоторые сельские женщины и девушки, стремясь облегчить себе жизнь, отвечали начальству взаимностью. Так, некий информатор сообщал представителям власти в 1934 г., что в станице Петровской Славянского района Азово-Черноморского края председатель колхоза «Красный орел» Богданов «все лето гонял девушек по хлебам», и «те девушки, которые шли навстречу желанию Богданова[,] получали трудодни с выполнением и перевыполнением нормы».²

Данное сообщение очень напоминает нелicenseприятное заключение знатока российской досоветской деревни А.Н. Энгельгардта, утверждавшего, что «за деньги баба продаст любую девку в деревне, сестру, даже и дочь, о самой же и говорить нечего. «Это не мыло, не смылится», «Это не лужа, останется и мужу», – рассуждает баба... Нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы только никто не знал, лишь бы шито-крыто, делают все».³ «Да и сами посудите», рассуждал А.Н. Энгельгардт,

¹ Панферов Ф.И. Бруски. Кн. 2. М., 1950. С. 379.

² ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 470, л. 15.

³ Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Письма из деревни. С. 185.

ведь за поденную работу баба получает 15 – 30 копеек в день, а «что же значит для наезжающего из Петербурга господина какая-нибудь пятерка, даже четвертной, даже сотенный билет в редких случаях. Посудите сами! Сотенный билет за то, что «не смылится», и 15 копеек – за поденщину. Поставленные в такие условия, многие ли чиновницы устоят?». ¹

Думается, что и в доколхозной, и в колхозной деревне немало женщин, действительно, использовали свою сексуальную привлекательность для достижения тех или иных выгод. Хотя это не значит, что буквально вся женская часть сельского социума отличалась моральной нечистоплотностью или неразборчивостью в связях: ведь тот же Энгельгардт писал: «что же касается *настоящего чувства* (курсив издания – авт.), любви, то и баба не только ни в чем не уступит чиновнице, но даже превзойдет ее». ² Причем, на наш взгляд, такое поведение сельских женщин в 1930-х гг. нередко было обусловлено моральной травмой, нанесенной населению российской деревни в период коллективизации.

Дело в том, что в условиях колхозной системы, наряду с попытками установить гендерное равноправие, наблюдалась и отчетливо выраженная тенденция буквально вбить в колхозников и колхозниц чувство покорности, преклонения перед властью (в том числе и перед колхозным начальством, не говоря уж о представителях вышестоящих властных структур). Примеров подобного рода в источниках содержится немало: собственно, мы уже приводили некоторые из них в разделе о факторах женской трудовой активности в колхозах (в сюжете о том, как представители власти пытались заставить женщин работать на прополке). Можно привести еще ряд примеров, свидетельствующих, что в условиях колхозной системы женщины (как, впрочем, и мужчины)

¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Письма из деревни. С. 185.

² Там же, С. 185.

превратились в бесправный объект начальственной спеси и безнаказанного чиновничье-администраторского самодурства.

Так, в мае 1932 г. в Прохладненском районе Северо-Кавказского края уполномоченный райкома ВКП(б) Шевцов широко применял по отношению к колхозникам и колхозницам методы административного давления. В частности, им «была арестована колхозница Каменскова, которая работала в степи продолжительное время с трехмесячным грудным ребенком и возвратилась домой с целью вымыть ребенка и сходить в амбулаторию. По распоряжению Шевцова Каменскова была арестована, посажена под арест при стансовате, а затем направлена для работы в степь. Туда ее отправили без ребенка. После пребывания в степи в течение трех суток у Каменсковой заболели груди и она вынуждена была вновь возвратиться домой. Через самое короткое время ее ребенок умер, причем в смерти ребенка Каменскова обвиняет исключительно уполномоченного райкома Шевцова».¹

В конце 1935 г. представители краевого руководства Азово-Черноморского края с осуждением указывали, что в станице Преградной Удобненского района «в конце октября в колхозе «им. Димитрова» ударницу-колхозницу Заборенко, имеющую 300 трудодней, больную, на 6-м м-[еся]це беременности, завхоз и бригадир, с применением физической силы стаскивали с печи, понуждая, чтобы она вышла на работу. Очевидно, стаскивали крепко, потому что через пару дней колхозница Заборенко скончалась. А после ее смерти продолжали издеваться над ее детьми, заставляя их голодать, не выдавая им натуры за отработанные матерью трудодни».²

Эти примеры не нуждаются в комментариях. Они убедительно свидетельствуют, что в ходе «колхозного строительства» (являвше-

¹ Из информации Наркомюста СССР в ЦК ВКП(б) о нарушениях законности в ходе хлебозаготовок. 29 мая 1932 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 379.

² ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 252, л. 48.

гося, якобы, делом добровольным и поддерживаемого, согласно официальным декларациям, подавляющим большинством крестьянства), деревней правили моральные уроды, в которых, как в капле воды, отражалась вся антигуманная сущность сталинского режима и построенной им в СССР социально-политической системы.

Повторяясь, подчеркнем, что административно-репрессивное давление в равной мере было направлено и против женщин, и против мужчин советской колхозной деревни. Но если говорить исключительно о женщинах-колхозницах, то очевиден вывод, что постоянные издевательства и унижения, практиковавшиеся колхозным и вышестоящим начальством (особенно в первой половине 1930-х гг.), никоим образом не способствовали укреплению гендерного равноправия. В колхозной деревне 1930-х гг., как и во времена крепостничества, множество женщин ощущали свою забитость, приниженность перед властью. В этих условиях, разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы колхозницы действительно стали свободными, а численность «новых женщин» (самостоятельных, инициативных, не чувствующих себя «второсортными» по сравнению с мужчинами) превысила численность женщин «старых», то есть покорных перед властью и мужем, примирившихся с гендерным неравноправием.

Таким образом, в советской колхозной деревне (в том числе в селах и станицах Юга России), вопреки планам большевистских теоретиков об установлении равенства мужчин и женщин, гендерного равноправия достичь не удалось. На всем протяжении 1930-х гг., в силу особенностей колхозной системы, тенденция феминизации соседствовала с тенденцией сохранения и, более того, укрепления гендерного неравноправия.

Такая же двойственность отличала и сферу ментальности женщин-колхозниц, в которой сочетались устойчивые архетипы сознания и ряд новаций, порожденных советской эпохой. Впро-

чем, в данном случае сельские женщины не являлись исключением, поскольку те же тенденции распространялись и на все население коллективизированной деревни. Причем необходимо подчеркнуть, что процесс трансформации ментальности крестьянства не был завершен не только в 1930-х гг. (что вполне естественно, поскольку за одно лишь десятилетие практически невозможно полностью изменить сознание целой социальной страты), но и вообще на протяжении всей советской эпохи. Нам кажется вполне справедливым мнение, высказанное в 1996 г. Е.И. Козновой, что «сознание современных крестьян представляет синтез традиционной крестьянской «этики выживания» с коллективизированным сознанием, сформированным советской эпохой».¹

В условиях радикальных, революционных преобразований, нередко перераставших в ломку всего старого крестьянского уклада, сознание российского (в том числе южнороссийского) крестьянства претерпело ряд изменений. В частности, подверглось серьезной деформации чувство своеобразного крестьянского патриотизма, любви к своей «малой родине», которое порождалось и крепло в условиях деревенской, общинной замкнутости.

Отчасти ослабление этого крестьянского патриотизма объяснялось разрушением в 1920-х – 1930-х гг. общинной замкнутости и вовлечением крестьянства в процессы урбанизации. Хорошо об этом сказал Ф.И. Панферов в своем знаменитом в 1930-х гг. романе «Бруски», который, хотя и обладает минимальной художественной ценностью (не случайно это произведение не пережило современную ему эпоху), может с полным правом рассматриваться как исторический источник. Один из главных героев романа, Кирилл Ждаркин, неоднократно покидал свое родное село Широкий Буерак, причем исключительно по необходимости, не по доброй воле: «была лютая нужда, и она гнала Кирилла в архангельские леса,

¹ Кознова Е.И. Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). С. 241.

бросила на фронт, заставила сражаться. А так – никогда бы он не покинул родной улицы, родных полей, увалов, гор...».¹ Возвращаясь на родину, Кирилл всегда, «по обычаю стариков, останавливался за три версты от Широкого Буерака, несколько минут смотрел на родное село, и радость бросала его в озноб, глаза увлажнялись, он брал пригоршню пахоты и целовал ее».² Но вот Ждаркин стал председателем колхоза, членом ЦИК, побывал в Москве, на заводах, в институтах, почувствовал себя сопричастным государственным делам. И при очередном возвращении домой, «представив себе весь пройденный им путь, он почувствовал, что к «своему», «родному» он как-то неожиданно очерствел; хотя это были те же поля, те же улицы, те же риги, но он к ним неожиданно для себя очерствел... Да, все это было таким же – и дорога, и овраги, и знакомые кусты, и концы улиц, – все это было таким же, но оно было маленькое, мизерное, неприятное, беспомощное».³

Невозможно отрицать, что крестьян, подобных Ждаркину, немало было в колхозной деревне. Однако, на наш взгляд, чаще всего связь сельских жителей (как единоличников, так и колхозников, и колхозниц) с их «малой родиной» рушилась вследствие резкого ухудшения условий жизни, произошедшего в связи с «колхозным строительством». Исследователи справедливо подчеркивают, что на протяжении рассматриваемого в нашей работе периода времени «происходило внутреннее, духовное раскрестьянивание. Сопоставляя тяготы крестьянского существования и низкую отдачу земледельческого труда с благами городской цивилизации и возможностью доступа к ней, крестьянин забрасывал «отчину и дедину»⁴ и уходил в город, нередко – навсегда.

¹ Панферов Ф.И. Бруски. Кн. 3. М., 1950. С. 36.

² Там же, С. 35.

³ Там же, С. 36 – 37.

⁴ Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). С. 73 – 74.

По тем же причинам стремились в город многие сельские женщины и, особенно, девушки. Конечно, уйти из колхозной деревни было не так-то просто: ведь колхозники не имели паспортов, без которых устроиться на жительство в городе было практически невозможно (ибо любой паспортный контроль легко вычислил бы таких беглецов и оправил их обратно). Однако у сельских девушек в данном случае было определенное преимущество, заключавшееся в том, что они могли выйти замуж за горожанина, и вследствие этого получить вид на жительство и паспорт. Судя по частоте упоминаний в источниках, этой возможностью сельские девушки широко пользовались: не случайно специалисты подчеркивают, что «для получения паспорта молодые крестьянки выходили замуж «в город».¹

Вместе с тем ни ослабление ментальных связей крестьян со своей «малой родиной», ни даже крушение общины, произошедшее в ходе коллективизации (поскольку колхозы, по сути, отрицали общину, и нет ничего более ошибочного, чем отождествлять эти формы организации сельской жизни) не смогли полностью ликвидировать целый ряд специфических черт крестьянского сознания. Одной их характернейших таких черт являлся ярко выраженный крестьянский коллективизм, порождаемый особенностями общины как специфической социальной организации крестьянства. В этой связи исследователи подчеркивают, что «прямым следствием локализма и автаркизма общины являлось растворение личности в коллективе, господство группового сознания».²

Приоритет общественного над личным сохранялся в жизни крестьянства и в условиях господства колхозной системы. Данное обстоятельство вполне объяснимо, учитывая, что в советский

¹ Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). С. 162.

² Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). С. 26.

период был провозглашен (и, как правило, неукоснительно соблюдался) примат коллективного начала. Даже в советских городах, с их, казалось бы, большим индивидуализмом (по сравнению деревней), были хорошо заметны коллективистские традиции или хотя бы их пережиточные формы. В значительной мере это являлось прямым следствием коллективизации, в ходе которой в города хлынула масса крестьян и огромное количество советских горожан, таким образом, являлись горожанами в первом – втором поколениях. Такие жители городов, естественно, не порывали связей с деревней и сохраняли в своем быту (и в своем сознании) массу сельских традиций и привычек. В этой связи В.А. Баранов справедливо указывает, что в советский период общинная психология проявлялась «в политических действиях многих горожан и колхозного крестьянства», и, более того, «прослеживалась в различной степени в поведении первого поколения горожан, т.е. определяла ценности и нормы жизни почти всего населения страны».¹ Причем традиции общинного коллективизма, пусть и в остаточной форме, сохранялись у значительной части горожан и позднее. Так, даже в 1970-х – 1980-х гг. советские исследователи указывали, что, хотя в городах «в настоящее время происходит известная индивидуализация семейного быта», все же «традиционное семейно-родственное единение в областях материальной, культурной и морально-этической продолжает сохранять в быту городской семьи первостепенное значение».²

Акцентируя внимание исключительно на ментальности женщин-колхозниц, следует отметить широкий спектр ее трансформаций, произошедших на протяжении 1930-х гг. (хотя, как мы уже отмечали, завершения эти трансформации в большинстве

¹ Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 22, 23.

² Шмелева М.Н. Традиционные бытовые связи современной городской семьи у русских (По материалам центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 63, 65.

своем не получили). Всесторонний и комплексный анализ данных трансформаций не представляется возможным осуществить в рамках настоящего раздела, в связи с чем мы намерены ограничиться освещением лишь наиболее важных, на наш взгляд, компонентов ментальности сельских женщин Юга России. Выделяя такие компоненты, мы в полной мере поддерживаем мнение Л.Н. Денисовой, полагающей, что «сельские женщины не мыслили себя без работы, но главными жизненными ценностями определяли *семью, детей и веру* (курсив издания – *авт.*)».¹ Иными словами, речь будет идти о таких доминантах сознания крестьянок (и одновременно об их социальных ролях), как «женщина-мать» и «женщина-хранительница домашнего очага», а также о религиозности как характерной черте мировоззрения сельских женщин.

В мировоззренческой системе сельских женщин (в том числе на Юге России) одной из важнейших ценностей, если не самой важной, являлись дети. В рождении и воспитании детей крестьянки видели свой жизненный долг, выполнение которого обеспечивало общественный почет и уважение (хотя, в силу того, что система медицинского обслуживания на селе даже в 1920-х гг. находилась в зачаточном состоянии, деторождение превращалось в болезненный и нередко смертельно опасный процесс). В конце XIX в. новгородский священник Ф.В. Гиляровский, указывая на особенности отношения крестьянок к детям и деторождению, с некоторой долей иронии писал: «крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить».²

Поскольку дети находились едва ли не в центре системы жизненных координат сельских женщин, рождаемость в российской деревне традиционно была высокой. Более того, рождае-

¹ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 5.

² Цит. по: Морозов С.Д. Демографическое поведение сельского населения Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Социс. 1999. № 7. С. 101.

мость на селе «вплотную подходила к физиологическому пределу», так как «репродуктивные ориентации сельского населения были нацелены на многодетность, на большее число сыновей, которые по достижении совершеннолетия получали надел земли».¹ Так было на протяжении веков, но в 1930-х гг. ситуация в сфере деторождения несколько изменилась.

Основываясь на данных статистики, специалисты констатируют, что, если в России в 1896 – 1900 гг. итоговая рождаемость реальных поколений составляла 5,23 живорождений на одну среднестатистическую женщину, то в 1926 – 1930 гг. уже только 2,20 живорождений, в 1931 – 1935 гг. лишь 2,15 живорождений и в 1936 – 1940 гг. еще меньше – 2,01 живорождений.² Как видим, на всем протяжении 1930-х гг. в СССР снижение рождаемости представляло собой устойчивую тенденцию.

Эта тенденция порождалась тяжелыми демографическими последствиями событий первой трети XX в., в том числе коллективизации и сталинских репрессий. Отчасти на снижение рождаемости в деревне повлияли и такие, в целом положительные, изменения, как повышение социальной мобильности и грамотности крестьян. Немало сельских девушек стремились получить образование или сделать профессиональную карьеру; ребенок при этом рассматривался как помеха на пути к намеченной цели. Показательный обмен мнениями между колхозницами старшего возраста и девушками привела в своей монографии Ш. Фицпатрик. В ответ на высказывания женщин о необходимости деторождения («Наши матери рожали, мы рожали, и вы, молодые, должны рожать»), одна из девушек-колхозниц возразила: «А как учиться с ребятами?».³ Такой же во-

¹ Морозов С.Д. Демографическое поведение... // Социс. 1999. № 7. С. 99.

² Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 115 – 116.

³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 250. Так же рассуждали и многие сельские женщины Юга России. В марте 1930 г. на Ставропольском окружном съезде, по-

прос могли задать сельские девушки, стремившиеся овладеть профессией комбайнера, тракториста, бухгалтера и т. п.: а ведь их в колхозной деревне 1930-х гг. (в том числе в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья) было вовсе не мало.

Снижение рождаемости на селе в какой-то мере объяснялось и спецификой колхозной системы, влиявшей на сознание крестьянок и крестьян. Так, в доколхозной деревне высокая рождаемость объяснялась, помимо прочего, еще и «наличием собственного хозяйства как единственного источника существования»; естественно, что индивидуальное хозяйство порождало у крестьян «заинтересованность в большом числе работников», которыми становились дети по мере взросления. Но во время коллективизации индивидуальные крестьянские хозяйства были ликвидированы и, поскольку семья среднестатистического колхозника «часть продукции получала от коллективного труда в общественном хозяйстве»,¹ потребность в рождении как можно большего числа детей (которые ранее рассматривались в качестве помощников по хозяйству) стала уже не такой острой.

Конечно, снижение рождаемости не могло приветствоваться советским правительством, так как в конечном счете оно влекло за собой очевидные экономические и военно-политические проблемы: снижение уровня производства из-за нехватки рабочих рук и ослабление обороноспособности страны из-за недостатка юношей-призывников. Поэтому на всем протяжении 1930-х гг. власти пытались стимулировать рождаемость и снизить детскую смертность (а также и материнскую – при родах и в результате родов). С этой целью велась постоянная борьба с абортами и деятельностью деревенских повитух. Так, на состоявшемся в 1929 г.

священном вопросам коллективизации, одна из присутствовавших женщин высказала мнение: «для того, чтобы раскрепостить женщину, чтобы не голодать – не надо родить сына, дочку...» (Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополья... С. 109).

¹ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 72 – 73.

первом Ставропольском окружном съезде работниц и крестьянок было, помимо прочих, принято решение «усилить борьбу с подпольными абортами и знахарством»¹ (хотя в данное время повитухи, при всей их неграмотности, а то и шарлатанстве, оставались едва ли не единственными помощницами при родах: ведь акушеров на селе катастрофически не хватало, да к тому же крестьянки, по ряду причин, зачастую не обращались к ним²). В коллективизированной деревне (в том числе в колхозных селах и станицах Юга России) борьба с указанными негативными факторами, препятствовавшими повышению рождаемости и снижению детской и материнской смертности, лишь усилилась.

Особенно активно эта борьба развернулась после принятия в июне 1936 г. специального закона с несуразно длинным названием.³ Закон этот (точнее, постановление ЦИК и СНК СССР), который «был во многом наивной попыткой тоталитарного государства переломить тенденцию к снижению рождаемости»,⁴ предусматривал запрещение абортов (помимо экстренных случаев, таких, как угроза здоровью и жизни матери) и уголовное наказание за незаконное их проведение, увеличение материальной помощи роженицам и матерям,⁵ существенное расширение сети родиль-

¹ ГАСК, ф. р-299, оп. 1, д. 825, л. 13, 15.

² Подробнее об этом см.: Листова Т.А. Русские обряды, обычаи поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. С. 144 – 145.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских ясель и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 13. С. 362 – 368.

⁴ Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке. С. 119.

⁵ Согласно постановлению, размер единовременного пособия на приобретение предметов ухода за новорожденным был увеличен с 32 руб. до 45 руб., размер пособия на кормление ребенка – с 5 руб. до 10 руб. в месяц. Многодетные матери, имевшие 6 детей, при рождении седьмого и каждого последующего ребенка стали получать по 2 тыс. рублей ежегодно в течение 5 лет после родов. Многодетные матери, имевшие

ных домов и детских дошкольных учреждений, усложнение процедуры развода¹ и увеличение алиментов. Одновременно с принятием данного закона в прессе появился целый ряд призывов и обращений матерей (в том числе и колхозниц) ко всем советским женщинам проходить во время беременности медицинские обследования, рожать только в роддомах, «вести с повитухами беспощадную борьбу»,² то есть предпринимать те меры, которые должны были гарантировать здоровье и жизнь рожениц и рождение здорового потомства.

Необходимо подчеркнуть, что июньское (1936 г.) постановление может рассматриваться в двух аспектах: как мера по стимулированию рождаемости (это, так сказать, явный, очевидный смысл данного документа) и как мероприятие по укреплению в общественном сознании образа «женщины-матери». Специалисты справедливо отмечают, что отмеченное постановление имело цель не столько избавить женщин от опасностей, связанных с абортами, или повысить ответственность отцов за детей путем увеличения алиментов,³ сколько именно стимулировать рождае-

10 детей, стали получать при рождении одиннадцатого и каждого последующего ребенка по 5 тыс. руб. в первый год после рождения и по 3 тыс. руб. – в течение четырех лет с момента рождения. Надо сказать, что пособие выдавалось только матерям. Но бывали и исключения из этого правила. Так, в феврале 1939 г. Ростовский облисполком, рассмотрев заявление колхозника И.К. Ляшенко, постановил: «учитывая, что многодетная мать гр-ка Ляшенко погибла от грозы, гр-н Ляшенко является колхозником, хозяйства в личном пользовании у него нет и, имея большую семью, он находится в тяжелых материальных условиях. Просить Наркомфин СССР, в виде исключения, выдать государственное пособие по многодетности гр-ну Ляшенко И.К.» (ГАРО, ф. р-3737, оп. 2, д. 94, л. 69).

¹ В постановлении прямо отмечалось: «во изменение действующих законов о браке, семье и опеке, в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям, установить при производстве развода личный вызов в загс обоих разводящихся супругов и отметку в паспорте разводящихся – о разводе».

² Великому Сталину – слава!... // Колхозница. 1937. № 6. С. 15; Поливара З.Ф. С радостью жду шестого ребенка // Там же, С. 17; Мандрик О.Т. У меня растет прекрасная дочурка // Там же, С. 117.

³ Любопытно, что с колхозников, в отличие от горожан, алименты взыскивались не деньгами, но трудоднями (РГАЭ, ф. 396, оп.10, д. 117, л. 27). В этом нет ничего удивительного: ведь оплата трудодней не была фиксированной, и к тому же денег колхозники полу-

мость. Ведь, при прямом запрещении аборт, «отношение к контрацепции в Советском государстве не изменилось. Оно было сродни позиции католической церкви, отрицавшей любые формы регулирования рождаемости».¹ То есть, по мысли творцов июньского (19236 г.) постановления, после запрещения абортов советским женщинам (разумеется, законопослушным) оставалось только рожать детей, пусть даже и нежеланных. Что касается укрепления в сознании советских граждан образа «женщины-матери», то эта задача была не явной, но, тем не менее, существовала, хотя бы в перспективе. Мы полностью согласны с исследователями, полагающими, что «в 1930-е годы государство делает ставку на институт семьи, и вся мощь идеологической машины в условиях дефицита соответствующих материальных условий направляется на придание священного статуса как семейным узам, так и их смысловому центру – образу матери».²

Июньское (1936 г.) постановление, ввиду его немалой важности, не осталось на бумаге. Многодетные матери действительно стали получать государственные пособия на вновь родившихся детей. Одна из южнороссийских колхозниц, получив такое пособие, обратилась в прессу с восторженным письмом: «получила я от государства помощь на детей, и можно просто сказать: ожили и обновились мы всей семьей. Купили себе хорошую хату, десяток кур бегают во дворе, одели, обули всех детей».³ Кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц (КОВК) усилили заботу о матерях. Так, в первом полугодии 1939 г. КОВК Орджоникидзев-

чали сравнительно немного. Поэтому государство и установило меру ответственности отцов-колхозников за рожденных, но покинутых ими детей, в трудоднях.

¹ Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов. С. 236.

² Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика советской действительности, 1917 – 1930-е годы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов. С. 50.

³ Ефименко Е.А. Письмо в редакцию // Колхозница. 1937. № 5. С. 19.

ского края выдали колхозницам пособий на предмет ухода за новорожденными на 519 тыс. руб.¹ Это, впрочем, было не удивительно, поскольку еще с 1935 г. край держал переходящее красное знамя за отличную работу касс взаимопомощи колхозников.²

Возросли темпы строительства колхозных³ и государственных родильных домов. В частности, если в Азово-Черноморском крае в 1935 г. насчитывалось только 12 акушерских пунктов и 75 родильных домов на 208 коек, то в 1937 г. – уже 207 акушерских пунктов и 275 роддомов на 806 коек.⁴

Правда, для этих заведений не хватало квалифицированного персонала, ибо далеко не все медработники испытывали желание связать свою профессиональную карьеру с деревней из-за неудовлетворительных материально-бытовых условий жизни и работы (об этом, в частности, с тревогой говорили члены Ростовского облисполкома в мае 1938 г.⁵). В итоге наблюдались иногда анекдотические, с печатью трагизма, случаи. Так, в роддоме Чернышевского района Ростовской области к лету 1937 г., не было акушеров, и роды был вынужден принимать... зубной врач. Соответствующим опытом стоматолог, естественно, не обладал и, когда в роддом привезли жену местного тракториста, несчастный эскулап «сбежал из палаты, нервы не выдержали. Оставшись одна, женщина вынуждена была сама вытащить ребенка».⁶

¹ Демьяненко П. Социальное обеспечение в Орджоникидзевском крае // Социальное обеспечение. 1940. № 1. С. 23.

² Платонов П. Поднять работу касс взаимопомощи колхозов на уровень требований Сталинской Конституции // Социальное обеспечение. 1938. № 2. С. 51.

³ Колхозные родильные дома первоначально возникали по инициативе самих колхозников. Но в марте 1936 г. было принято постановление об усилении их строительства и обеспечения специалистами. Причем в постановлении отмечалось, что по количеству открытых колхозных роддомов впереди идут Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края, наравне с Воронежской областью и Куйбышевским краем (Постановление СНК РСФСР «О колхозных родильных домах» от 26 марта 1936 г. // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 8. С. 214–215).

⁴ Колхозница. 1937. № 6. С. 12.

⁵ ГАРО, ф. р-3737, оп. 2, д. 35, л. 1–2.

⁶ ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 14, л. 207.

Несмотря на все недочеты, реализация правительственных постановлений о повышении рождаемости, принятых во второй половине 1930-х гг., дала определенный положительный эффект. Он выразился, прежде всего, в сокращении смертности рожениц в результате улучшения условий родов и послеродового содержания матерей. Вместе с тем, заметного повышения рождаемости в целом по стране во второй половине 1930-х гг. не произошло. Напротив, участились случаи женских смертей из-за того, что забеременевшие горожанки и крестьянки от безысходности шли на подпольные аборты, нередко заканчивавшиеся их смертью (не говоря уже о том, что после таких абортов многие выжившие женщины уже больше не могли иметь детей).¹

Однако при этом следует указать, что и во второй половине 1930-х гг. сельские женщины, несмотря на общее сокращение рождаемости, рожали чаще, чем горожанки. Так, в мае, июле, ноябре 1938 г. и феврале 1939 г. Ростовский облисполком рассмотрел дела о начислении государственного пособия многодетным матерям (у большинства их которых было по 7 – 8 детей). Из них лишь 14 женщин были зарегистрированы в городах Ростовской области, а 79 – в различных сельских населенных пунктах.² В данном случае, без сомнения, сказывались крестьянские традиции максимального демографического воспроизводства. Эти традиции были лишь серьезно поколеблены коллективизацией, изменившей условия жизни на селе, но не уничтожены. Учитывая факты подобного рода, можно утверждать, что такая черта ментальности сельских женщин, как стремление (и готовность) иметь как можно больше детей, сохранялась и в условиях колхозной деревни, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье.

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 29 – 31.

² ГАРО, ф. р-3737, оп. 2, д. 35, л. 18 – 20, 38 – 40, 50 – 54; д. 47, л. 22 – 25; д. 77, л. 39 – 43; д. 94, л. 78 – 79, 87 – 90.

Коллективизация нанесла удар и по крестьянским семьям, а значит, – по такому базовому компоненту ментальности сельских женщин, как семейственность, стремление иметь семью, быть хранительницей домашнего очага. В предыдущих разделах работы мы отмечали, что коллективизация и «раскулачивание» разрушили множество крестьянских семей. Распад семей продолжался и в колхозах, хотя, конечно, в масштабах, несоизмеримо меньших, чем во время коллективизации. В частности, при исключении колхозников из коллективных хозяйств случалось так, что мужья уходили из деревни, оставляя жен на произвол судьбы (или наоборот). Так, в январе 1934 г. из колхоза им. Ковтюха Анапского района Азово-Черноморского края были исключены 15 хозяйств. Среди исключенных оказались две жены красноармейцев, мужья которых остались в колхозе. Одна из исключенных женщин, М. Киевская, не пожелала больше оставаться в деревне и, как сообщали колхозные администраторы, «взяла корову и живет в городе Анапе».¹

Да и в целом социальные и демографические процессы в советской деревне, вызванные коллективизацией, нанесли серьезный удар по сфере семейных отношений. Достаточно только сказать, что массовая миграция мужчин в города поставила под вопрос будущее семейное счастье многих сельских девушек: ведь нехватка женихов стала весьма ощутимой. Не случайно в коллективизированной деревне в возрастных группах 25 – 29 лет гендерные диспропорции (превышение численности женщин над мужчинами) были весьма заметны и превышали средний показатель по РСФСР. И также не случайно, что в конце 1939 г. на селе резко сократилось число заключенных браков. Причем среди крестьян браков было заключено на 20 % меньше, чем среди горожан, хотя и город не отличался в данное время чрезмерно высокой брачностью.²

¹ ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 462, л. 30б.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 31 – 32, 103.

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что «колхозное строительство» оказало негативное влияние на сферу семейно-брачных отношений деревни, и в том числе сел и станиц Юга России. Но это не означало, что в период коллективизации был серьезно поколеблен такой сущностный компонент ментальности женщин-крестьянок, как семейственность, стремление видеть себя хранительницей домашнего очага. Конечно, определенное количество женщин-колхозниц, занятых постоянной работой (или поглощенных профессиональной карьерой) не только не желали заводить детей, но также не хотели или не могли создать семью.¹ Но подавляющее большинство селянок твердо придерживалось традиционного жизненного пути, на котором брак и семья выступали наиболее заметными и желаемыми вехами.

Приверженность семейно-брачным традициям была тем сильнее, что «государственная политика советского времени не подвергала сомнению тот факт, что дом, быт и дети – исключительно женская обязанность».² В итоге, как отмечают специалисты, «невзирая на все трагические события, демографическую катастрофу 1930-х гг., в обществе продолжало господствовать традиционное отношение к семье. Семья продолжала существовать и даже укрепляться, охватывая семейными отношениями и связями подавляющую часть населения».³ К советской (в том числе и южнороссийской) колхозной деревне этот вывод применим в наибольшей степени.

¹ Об одной из таких сельских женщин, – кубанской колхознице Прасковье по прозвищу «Глухарка», – повествует публикация в газете «Крестьянин» за январь 2007 г. Паша «Глухарка» была трактористкой (даже прозвище она получила потому, что ее как-то раз ударил по уху рычаг для заведения трактора, вырвавшийся у нее из рук). Она вечно пропадала на работе и, хотя родила двух детей, но замуж так и не вышла. За детьми присматривала не она, а бабушка, так что в итоге они не испытывали практически никаких родственных чувств к матери. Состарившись, «Глухарка» осталась одна, без присмотра, попала в дом престарелых, где и умерла (Деревянко С. Старая хата // Крестьянин. 2007. № 2. С. 19).

² Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 65.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. С. 33.

Наконец, кратко коснемся такого вопроса, как религиозность сельских женщин, являвшаяся одной из наиболее характерных черт их коллективного сознания. Если советское государство в 1930-х гг. стремилось стимулировать рождаемость и сохранить прочность семейных уз (что способствовало укреплению соответствующих компонентов коллективной психологии сельских женщин), то в отношении религии большевики заняли резко отрицательную, непримиримо-враждебную позицию. Религия, объявленная «опиумом для народа», представляла собой серьезный противовес большевистскому учению, которое само претендовало на роль религиозной догмы. Поэтому, хотя большевики и объявили о свободе вероисповедания (такой пункт содержался и в Конституции 1936 г.), на самом деле они вели последовательную борьбу с церковной организацией и религиозными воззрениями.

Арсенал методов борьбы с религией был достаточно обширен и включал в себя антирелигиозную пропаганду (зачастую весьма агрессивную), ликвидацию неграмотности на селе, различного рода просветительские лекции, и пр. Особенно высока была эффективность ликбеза, который позволял сформировать у крестьян широкий взгляд на мир и в то же время не отталкивал их так, как грубо-напористые антирелигиозные акции (нередко сопровождаемые хулиганскими выходками комсомольцев), или те же лекции, зачастую насыщенные научными терминами и поэтому воспринимавшиеся сельским населением как сплошная заумь.

Ликбез был тем более популярен на селе, что масса крестьян, особенно сельской молодежи, желала повысить свой образовательный уровень и, помимо прочего, стремилась как можно больше узнать об окружающем мире. Так, колхозница Е.С. Кабан из Штейнгартовского района Азово-Черноморского края писала в редакцию издававшегося в крае журнала «Колхозница» в начале 1936 г., что «наши девушки и женщины, даже пожилые, очень хотят учиться,

читать разные книжки».¹ А колхозница Е. Мазевич из Успенского района того же края тогда же интересовалась: «Достигла ли наша наука своим глазом до Луны и Марса и других звезд и что на этих звездах творится?».²

Показательно, что ликвидация безграмотности зачастую расценивалась самими колхозницами как способ борьбы с религиозными воззрениями. Об этом свидетельствует одно из писем, отправленное в редакцию того же журнала «Колхозница» молодой кубанской крестьянкой Верой Ус. Вера писала, что у нее есть бабушка, которая продолжает верить в Бога (хотя «в церковь лет двадцать как не ходит и икон в доме не держит»), не доверяя антирелигиозной пропаганде. «Однажды», повествовала далее Вера, «бабушка меня поставила в тупик и заставила покраснеть.

– Скажи, – говорит, – если нет бога, то откуда же взялся человек? Почему по небу плавают облака и не падают на землю? Почему солнышко восходит и заходит – само по себе?

Вопросов десять задала мне бабушка, а под конец ехидно заявляет:

– Ежели растолкуешь мне об этом, докажешь, – может я и верить в бога перестану...

А я, к стыду, не смогла бабке ни на один вопрос ответить.

Вот надо журналу «Колхозница» подумать об этом серьезнее. Надо почаще печатать в журнале простые рассказы: как произошел мир, животные, растения, человек. Отчего бывают ветер, дождь, гроза».³

Не подлежит сомнению тот факт, что в период коллективизации большевикам удалось в значительной мере подорвать позиции религии и церкви на селе, не допуская их восстановления: достаточно лишь вспомнить о повсеместном закрытии церквей и

¹ Кабан Е.С. Все женщины хотят учиться // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 6.

² Мазевич Е. Если бы мне крылья! // Колхозница. 1936. № 1 – 2. С. 10.

³ Ус В. Как произошел мир? // Колхозница. 1937. № 5. С. 5.

репрессиях против сельских священников в 1930-х гг. Вместе с тем представляется возможным утверждать, что религиозность оставалась характерной чертой сознания жителей коллективизированной деревни. Тому есть немало доказательств, но, прежде чем привести некоторые из них, остановимся на причинах, препятствовавших коллективизаторам довести до логического завершения свои меры по борьбе с религией.

Как нам представляется, можно указать ряд таких причин. Прежде всего, сохранению религиозных воззрений даже в колхозной деревне в сильнейшей степени способствовала специфика сельского хозяйства и сельского быта. Дело в том, что крестьянин гораздо сильнее, чем горожанин, ощущает свою зависимость от капризов природы, что и предопределяет его устойчивую веру в существование (и могучие возможности) различных потусторонних сил. Правда, в российской деревне эти религиозные воззрения в основе своей являются языческими верованиями, лишь слегка видоизмененными православной обрядностью (боязнь сглаза, вера в различные приметы и пр.). Но творцам коллективизации такие нюансы представлялись несущественными: важен был сам факт сохранения религиозности в массе сельского населения, несмотря на все антирелигиозные мероприятия 1930-х гг.

Далее, следует указать на характерную для крестьянства приверженность традициям, обычаям предков. Колхозное крестьянство 1930-х гг. в данном случае не являлось исключением, несмотря на поистине революционные перемены в его жизнедеятельности. Лишь в послевоенный период ускоряется и усиливается отрыв крестьянской молодежи от своих корней, стремление ее в города, запустение и гибель российских деревень, в том числе множества хуторов Дона, Кубани и Ставрополя.

Не способствовала искоренению религиозных воззрений в массе сельского населения (и в первую очередь среди женщин,

особенно матерей) относительная слабость образовательной и просветительной деятельности на селе, обусловленная как неразвитостью системы соответствующих учреждений, так и образом жизни колхозниц. Последние были настолько заняты общественным производством и домашним хозяйством, что в массе своей не испытывали никакого желания (и уж, во всяком случае, не имели возможности) повышать свой образовательный уровень. Представитель Величковской МТС Северо-Кавказского края Околелов хорошо сказал об этом на совещании передовых бригадиров в ноябре 1933 г.: «Днем учиться невозможно, а вечером она (то есть женщина-мать – *авт.*) не может бросить свое дитя... Она бы хотела учиться, но выхода нет, потому что некуда девать детей».¹

Да и, в конечном счете, в период коллективизации население российской деревни, подвергнутое «великому перелому», пребывало в состоянии постоянного стресса. С трудом преодолевая тяготы жизни в условиях «колхозного строительства», множество крестьян и крестьянок искали утешения в вере. Причем села и станиц Юга России в данном случае не только не представляли собой никакого исключения, но даже с наибольшей полнотой подтверждали вышеприведенное суждение. Ведь южнороссийские регионы являлись одними из первоочередных объектов коллективизации, и все негативные акции и результаты данной политики проявлялись здесь особенно сильно (достаточно указать лишь на депортацию жителей «чернодосочных» станиц). Соответственно, в первой половине 1930-х гг. депрессия была неременным спутником жизни многих и многих колхозников и колхозниц (а также единоличников и единоличниц) Дона, Кубани и Ставрополья. Даже во второй половине рассматриваемого десятилетия, несмотря на позитивные тенденции в функционировании колхозной системы, немало крестьян имели

¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1400, л. 20.

все основания мрачно оценить и окружающую действительность, и ожидающее их будущее.

Поэтому множество сельских жителей упорно придерживались веры отцов и дедов. В селах, станицах, хуторах Юга России продолжали существовать общины единоверцев (мы имеем в виду не только сектантов, но и приверженцев Русской Православной церкви). Поскольку священников почти не оставалось, их обязанности выполняли наиболее сведущие в Священном писании колхозники. Так, представители власти сообщали в 1936 г., что в селе Прохладном (точнее, в колхозе им. Сталина) Азово-Черноморского края колхозник В. Полевой «занимает должность попа. Ежели кто-где умрет или еще что-либо, он ходит читает книгу и сопровождает мертвых на кладбище».¹

Сохранялась практика крещения детей, причем это делали иной раз даже члены компартии. Работники политотдела Красногвардейской МТС Азово-Черноморского края указывали в одном из отчетов летом 1934 г., что в местном колхозе «Гигант» бывший член ВКП(б) Кравцов и его жена окрестили своих детей дошкольного возраста, «спровоцировав на это так же колхозника Гейко» (характерно, что составители отчета расценили этот поступок как «деятельность к[онтр]-р[еволюционного] элемента».²

В быту жителей коллективизированных сел и станиц Юга России 1930-х гг. сохранялись элементы православной обрядности, причем иной раз они комическим образом сочетались с характерными приметами новой, «социалистической» деревни. Один из современников эпохи свидетельствовал в 1934 г.: «зашел я к одному красному партизану[, живущему в станице Леушковской Азово-Черноморского края, и увидел] ... в углу икону божье матери, под потолком ниже портрет Ленина, ниже Ворошилова и ниже т. Сталина». Хозяин дома ответил на расспросы своего гос-

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 73.

² ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 170.

тя, пораженного сочетанием несочетаемых, вообще-то, образов, буквально следующее: «хозяин этой декорации моя жена и я с ней ничего не подделаю».¹ Причем, на наш взгляд, в дном случае можно говорить не только о комическом сочетании несочетаемых, казалось бы, образов, но и о некоей подмене объектов религиозных чувств сельских женщин России. Проще говоря, в российской доколхозной (и особенно колхозной) деревне Ленин занял место в святцах, а то и стал приравняться к господу-богу. Не случайно российские крестьяне говорили в 1927 г.: «верили в бога, а теперь в Ленина».²

В любом случае приведенный пример (и особенно ответ хозяина дома на вопрос гостя) свидетельствует, что сельские женщины в большей степени, чем мужчины, придерживались религиозных воззрений или хотя бы православной обрядности. Даже во второй половине 1930-х гг. масса колхозников демонстрировала приверженность религии. В 1940 г. сотрудники НКВД по Воронцово-Александровскому району Орджоникидзевского края признавали: «у некоторой[,] хотя и незначительной[,] части населения, но все же имеют место пережитки религиозного прошлого – стремление к проведению празднеств, в религиозно-праздничные дни, хотя бы наиболее, по их мнению, выдающиеся», такие, как пасха, троица и т. д.³ Причем в численном отношении среди приверженцев религии на селе опять-таки преобладали женщины. Проведенная в 1937 г. Всесоюзная перепись населения показала, что «две трети женщин не изменили ВЕРЕ, тогда как среди мужчин атеистами стали свыше половины».⁴ Как видим, такой компонент ментальности сельских женщин Юга России (да и всего СССР), как религиозность, был ослаблен в годы «колхозного строительства», но не уничтожен.

¹ ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 100, л. 56.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 95, л. 4.

³ ГАНИ СК, ф. 1, оп. 1, д. 753, л. 84.

⁴ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. С. 317.

Итак, в 1930-х гг. в коллективизированной деревне Дона, Кубани и Ставрополья произошли определенные изменения в системе гендерных взаимоотношений, в повседневной жизни и ментальности женщин-колхозниц. Изменения эти выражались в некотором выравнивании гендерного статуса сельских женщин и мужчин, ослаблении жестко патриархальной модели устройства деревенской жизни, в частичном освобождении крестьянок от «пут семьи и быта» (выражаясь языком 1930-х гг.). Соответственно, в коллективной психологии сельских женщин Юга России усиливалось осознание себя как равноправных партнеров мужчин. Сфера повседневности донских, кубанских, ставропольских колхозниц более активно и широко, чем до коллективизации, насыщалась различными элементами городской культуры и быта, что находило выражение в костюме сельских женщин, убранстве их жилищ, и т. п.

Вместе с тем, в силу ускоренности коллективизации, перечисленные изменения по большей мере носили частный характер и не затрагивали основ сельской жизни и гендерной структуры деревни. По-прежнему сельские женщины уделяли основное внимание домашнему хозяйству и семье, по-прежнему уступали мужчинам главенствующие позиции на селе. Как и ранее, сельские женщины Юга России 1930-х гг. сохраняли веру в Бога, а в их менталитете доминировали такие базисные компоненты, как осознание себя матерью и хранительницей домашнего очага. Коллективизации, несмотря на весь радикализм и жесткость данной политики, не удалось коренным образом изменить жизненный уклад и менталитет сельских женщин Юга России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллективизация, согласно знаменитому «Краткому курсу истории ВКП(б)», была «революцией сверху»,¹ осуществленной по воле высшего партийно-советского руководства СССР и в соответствии с большевистскими идеями о социалистических преобразованиях российской деревни. Однако эта «революция сверху», осуществлявшаяся форсированными темпами, зачастую методами насилия и террора, не пользовалась поддержкой значительной части крестьянства и не могла сколь-нибудь существенно изменить целый ряд сельских институтов и традиций, складывавшихся веками. К тому же крестьянство, и в том числе женская часть сельского социума, не являлось пассивным субъектом аграрных преобразований большевиков, но активно корректировало их курс: либо протестуя против самых непопулярных на селе форм и методов коллективизации, либо, – в союзе с властью, – предлагая наиболее приемлемые пути решения возникавших проблем. Все это и предопределило многомерность и неоднозначность изменений, произошедших в жизнедеятельности и ментальности сельских женщин Дона, Кубани и Ставрополья в процессе «колхозного строительства».

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. значительная часть крестьянок Юга России решительно воспротивилась попыткам сталинского режима коллективизировать деревню и тем самым «железной рукой загнать человечество (в данном случае – российское крестьянство) к счастью». Причем зачастую женщины играли намного более активную роль, чем мужчины, в акциях протеста против коллективизации, «раскулачивания», хлебозаготовок, закрытия церквей, и пр., так что в период «колхозного строительства» получил широкое распространение такой гендерный фено-

¹ История ВКП(б). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 291.

мен, как «бабьи бунты». Это было обусловлено не только снижением протестного потенциала мужской части населения деревни в результате властного террора (в ходе которого наиболее явные и непримиримые противники коллективизации были устранены из деревни, а остальные крестьяне запуганы), но и изначально заметной ролью женщин-крестьянок в сопротивлении любым попыткам извне поколебать размеренный ход сельской жизни и разрушить домашний очаг. Вместе с тем антиколхозная активность крестьянок и казачек Дона, Кубани и Ставрополя вполне укладывалась в общее русло сопротивления сельских жителей политике сплошной форсированной коллективизации. Как и крестьянское протестное движение в целом, активные формы сопротивления сельских женщин Юга России коллективизации постепенно сошли на нет в 1933 – 1934 гг., в результате репрессий, голодомора, а также и организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств. На протяжении последующих лет протест сельских женщин против негативных компонентов и характеристик колхозной системы выражался в пассивных формах, преимущественно в уклонении от участия в общественном производстве. Кроме того, по мере укрепления колхозов (которые с наибольшей полнотой демонстрировали свои достоинства к исходу 1930-х гг.) позиция сельского населения, в том числе и женщин, по отношению к ним все более и более смягчалась.

Наряду с донскими, кубанскими, ставропольскими, терскими крестьянками и казачками, протестовавшими против коллективизации, не менее значительная часть сельских женщин Юга России более или менее активно поддержала данную политику, видя в ней единственное спасение от вечной нужды. Сталинский режим в полной мере использовал проколхозную активность крестьянок и казачек для быстреего осуществления политики коллективизации, укрепления коллективных хозяйств, а также для борьбы с оп-

позицией. В зависимости от преобладающей совокупности задач, стоявших перед сельскими активистками на Юге России, можно разделить их общественную деятельность на ряд этапов: 1) конец 1920-х гг. – начало 1933 г. («этап содействия коллективизации», или «социально-политический этап»); 2) начало 1933 г. – конец 1936 г. («этап закрепления результатов коллективизации», или «социально-экономический этап»); 3) 1937 г. – начало 1940-х гг. («хозяйственно-политический этап»).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. представители власти организовывали разнообразные женские совещания, конференции, съезды, на которых женщинам-сторонницам колхозов предоставлялась роль бескорыстных агитаторов за «колхозное строительство». Тем самым сельские активистки вносили свой посильный вклад в формирование позитивного общественного мнения по отношению к колхозам и содействовали скорейшему и беспрепятственному осуществлению коллективизации.

После того, как в начале 1933 г. Сталин объявил о завершении форсированной коллективизации, общественная деятельность колхозниц-активисток была переориентирована на организационно-хозяйственное укрепление колхозов. С этой целью женщины участвовали в различных акциях, направленных на укрепление трудовой дисциплины, выполнение колхозами «государственных обязательств», и т. п.

Наконец, с 1937 г., наряду с борьбой за организационно-хозяйственное укрепление коллективных хозяйств, перед колхозницами-активистками была поставлена задача содействия кампаниям по борьбе с «врагами народа», что выражалось в публичной поддержке и одобрении суровых правительственных мер по отношению к этим «врагам». Хотя на протяжении двух первых этапов сельские женщины также всемерно привлекались к кампаниям по борьбе с разного рода «врагами» «колхозного строительства»

(будь то «кулаки» и «подкулачники», «вредители», «рвачи» и пр.), именно в рамках третьего из указанных нами этапов сталинский режим в наибольшей мере использовал гендерный потенциал колхозной деревни для одобрения осуществляемых им широкомасштабных репрессий.

Несмотря на специфику рассматриваемого периода, в рамках которого идеология и политика вторгались буквально во все сферы жизни общества (так что даже в проведении сельхозкампаний власти находили политические аспекты), все же отнюдь не общественно-политическая деятельность являлась основной и важнейшей применительно ко всей массе женщин-колхозниц Юга России. Колхозницы рассматривались властью прежде всего как важнейшая гендерная группа коллективизированной деревни, способная обеспечить проведение сельхозработ и заменить в аграрном секторе экономики мужчин, которые в массовом порядке направлялись на создание советской индустрии; не случайно Сталин утверждал, что «женщины в колхозах – большая сила».

Стремясь к максимально полному вовлечению сельских женщин в колхозное производство, представители власти пытались устранить все препятствия этому. Особое внимание уделялось развитию сельских культурно-бытовых учреждений, на которые возлагалась задача освободить женщину от домашних забот, препятствующих ей трудиться в коллективных хозяйствах. Не случайно именно в ходе «колхозного строительства» численность культурно-бытовых заведений (детских садов, яслей, площадок, общественных столовых, бань, прачечных), уже появившихся в деревне на протяжении 1920-х гг., резко возросла. Так, в 1940 г. в 1886 коллективных хозяйствах Ростовской области насчитывалось в общей сложности 2 966 сезонных и постоянных детских садов, яслей и площадок, могущих вместить на период основных сельхозработ минимум 102,8 тыс. детей разного возраста.

Помимо семейно-бытовых забот, существовал еще целый ряд факторов, способных оказать как стимулирующее, так и, напротив, блокирующее воздействие на процесс вовлечения женщин в колхозное производство. К их числу относились: позиция местного (особенно колхозного) руководства по отношению к женщинам-колхозницам, обусловленная воздействием сельских гендерно-производственных традиций; гендерные позиции членов колхозных семей – как мужчин, так и женщин (особенности взаимоотношений в семьях, желание или нежелание жен участвовать в общественном производстве, отношение к этому мужей, и пр.); уровень материального вознаграждения за труд в коллективных хозяйствах; степень вовлеченности женщин-колхозниц в домашнее хозяйство, то есть в ЛПХ.

На всем протяжении 1930-х гг. (как, впрочем, и в 1920-х гг.) органы власти вели бескомпромиссную борьбу с патриархально-пренебрежительным отношением к использованию женского труда вообще и в ряде считавшихся «мужскими» отраслей аграрного производства, – в частности (что было особенно характерно для казачьих колхозов Дона, Кубани и Терека, не говоря уже о национальных регионах Северного Кавказа). Так, в прессе, выступлениях передовиков сельского хозяйства и большевистских лидеров постоянно утверждалось, что женщины равна мужчине во всем, в том числе и труде. В определенной степени массированное воздействие на общественное сознание сельского населения дало свои положительные результаты. Тем более, что многие колхозницы сами стремились путем активного участия в производстве или освоения престижных сельских профессий (например, профессий тракториста или комбайнера) обрести материальную независимость и выйти из-под плотной мужской опеки.

Если предвзятое, недоверчивое отношение сельского социума к максимально полному вовлечению женщин в колхозное произ-

водство было серьезно поколеблено методами пропаганды и агитации (а также всем ходом событий, когда значительная часть крестьян по тем или иным причинам покинула деревню и их место вынуждены были занять крестьянки), то низкий уровень вознаграждения за труд в колхозах на всем протяжении 1930-х гг. оставался неустранимым фактором, затруднявшим участие женщин в общественных работах и серьезно снижавшим женскую трудовую активность. Большинство коллективных хозяйств Юга России не могло обеспечить своим членам достойного вознаграждения за труд, и поэтому колхозники возлагали основные надежды на свои личные подсобные хозяйства (ЛПХ), в которых преимущественно были заняты именно женщины. Даже в конце 1930-х гг., несмотря на заметное улучшение условий жизни в коллективизированной деревне Дона, Кубани и Ставрополья вследствие организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств, женщины намного чаще, чем мужчины, уклонялись от участия в общественном производстве, предпочитая колхозным полям свои ЛПХ. Однако, если рассматривать ситуацию с факторами трудовой активности женщин-колхозниц Юга России в целом, то следует признать, что к исходу рассматриваемого десятилетия, по сравнению с его началом, негативное воздействие данных факторов было минимизировано, а степень вовлеченности колхозниц в общественное производство и их трудовая активность значительно возросли.

В колхозах Дона, Кубани и Ставрополья, как и в доколхозной деревне, на женщинах держались целые отрасли хозяйства (огородничество, птицеводство, молочное животноводство, свиноводство, и т. д.), а также целый ряд производственных операций в других отраслях аграрной экономики (например, в полеводстве – прополка, сноповязание, скирдование, и т. п.). В то же время в ходе «колхозного строительства» произошла модернизация женского труда в сельском хозяйстве, что выразилось, прежде всего, в су-

щественном расширении сфер приложения трудоусилий женщин-колхозниц Юга России.

На протяжении 1930-х гг. сельские женщины активно вовлекались в новые отрасли аграрного производства и новые сферы занятости на селе, которые были обязаны своим возникновением и развитием «колхозному строительству», – в сферу механизации (трактористки, комбайнерки), в опытно-исследовательские учреждения (в частности, колхозные хаты-лаборатории), в культурно-бытовые учреждения (заведующие и работницы детских садов, яслей, площадок, сельских амбулаторий, библиотек, и т. п.). Модернизация женского труда коснулась и вполне традиционных сфер занятости в аграрном секторе, нарушая сложившиеся стереотипы. Например, в 1930-х гг. заметно возросла роль колхозниц в коневодстве, которое рассматривалось на Юге России (особенно в национальных регионах Северного Кавказа) как типично мужская сфера занятости.

Однако необходимо подчеркнуть, что под влиянием объективных обстоятельств попытки коллективизаторов подвергнуть аграрное производство радикальной феминизации не достигли успеха. В частности, несмотря даже на развернутую в конце 1930-х гг. широкомасштабную кампанию «женщины – на трактор!», колхозницы составляли весьма небольшую часть механизаторских кадров. В Орджоникидзевском крае в это время насчитывалось примерно 600 женщин-трактористок, в Ростовской области – около 2 тыс., что не шло ни в какое сравнение с десятками тысяч механизаторов-мужчин. Причем в данном случае сказывалось не только скептическое отношение руководства колхозов и МТС к женщинам-трактористам, комбайнерам, и т.п. Сами женщины зачастую не стремились в ряды механизаторов из-за неудовлетворительных материально-бытовых условий, характерных для данных профессий, а также из-за физических нагрузок,

чрезмерных для женского организма. В итоге численность женщин-механизаторов Дона, Кубани и Ставрополья (как и всего СССР), и без того невысокая, постоянно снижалась в результате не прекращавшейся текучести кадров. Незначительное (и оставшееся таким даже к концу 1930-х гг.) количество женщин, овладевших в колхозах и машинно-тракторных станциях «мужскими» специальностями, позволяет утверждать, что сферы приложения трудоусилий колхозниц Юга России в 1930-х гг. оставались в основном все же традиционными.

Сходная ситуация складывалась и при формировании руководящих кадров колхозной деревни Дона, Кубани и Ставрополья за счет сельских женщин. Причем в данном случае можно говорить (в известном смысле) о дискриминации по гендерному признаку.

Коллективизация еще более усилила гендерные диспропорции, наблюдавшие в советской (в том числе южнороссийской) деревне по итогам войн и революций первых двух десятилетий XX в. Массовые репрессии, «раскулачивание», организованное и неорганизованное отходничество, голод 1932 – 1933 гг., – все это привело к тому, что численность женщин-колхозниц была выше, чем мужчин. В этой связи можно говорить о том, что феминизация аграрного производства в 1930-х гг. не только объяснялась воздействием большевистских установок на всемерное равноправие полов, но отчасти являлась и вынужденной мерой – из-за нехватки мужских рабочих рук. Даже к концу 1930-х гг., когда гендерные диспропорции были ослаблены в результате восстановительных демографических процессов, на Юге России женская часть населения превосходила мужскую на 567,2 тыс. человек. При этом наибольшими гендерными перекосами отличались национальные регионы Северного Кавказа и, соответственно, Северо-Кавказский (с 1934 г.), а затем Орджоникидзевский (с 1937 г.) края, куда эти регионы входили.

Однако, хотя женщины составляли примерно 60 % трудовых ресурсов южнороссийских колхозов, их доля в составе руководящих колхозных кадров была далеко непропорциональна удельному весу среди рядовых колхозников. Например, в 1940 г. в колхозах Ростовской области среди 8 622 председателей колхозов, заведующих животноводческими фермами, бухгалтеров и счетоводов насчитывалось только 789 женщин, или 9,1 %. Особенно незначительным было представительство женщин в высшем звене колхозных управленцев: среди председателей и членов правлений коллективных хозяйств, ревизионных комиссий. Чаще всего женщины занимали средние и низшие уровни в иерархии колхозных управленцев, становясь бригадирами, заведующими животноводческим и птицеводческими фермами, звеньевыми. Характерно, что в конце 1930-х гг. в Орджоникидзевском крае насчитывалось больше тысячи женщин-бригадиров и около пяти тысяч их помощников (хотя в среднем на каждый колхоз приходилось всего лишь менее одной женщины-бригадира и немногим более трех ее помощниц).

Сложившееся положение в сфере гендерного устройства административно-управленческих аппаратов колхозов Юга России объяснялось, на наш взгляд, в первую очередь стойкими патриархальными стереотипами сельских сообществ Дона, Кубани, Ставрополя, Терека и особенно национальных регионов Северного Кавказа. Отнюдь не случайно наименьшим удельным весом женщин среди колхозных управленцев отличался Северо-Кавказский, а с 1937 г. – Орджоникидзевский, край, в границах которого объединялись национальные автономии. В силу своей прочности, укорененности в общественном сознании эти традиции не могли быть не только преодолены, но даже сколь-нибудь существенно поколеблены сплошной коллективизацией, несмотря на весь ее радикализм. Хотя крестьяне и казаки южнороссийских ре-

гионов и признавали (более того – приветствовали) важную роль женщин в деле сопротивления властям, они не были готовы допустить их на руководящие должности, особенно относящиеся к высшим звеньям колхозной иерархии. Причем антифеминистскую позицию рядовых членов колхозов чаще всего разделяли представители органов власти на Юге России, от районного начальства до краевого руководства. Иначе невозможно объяснить, почему вакантные должности председателей колхозов, комплектовавшиеся с ведома партийно-советских властей, с завидным постоянством заполнялись почти исключительно мужчинами.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами подавляющее большинство колхозниц Дона, Кубани и Ставрополя в 1930-х гг. (да и на протяжении всего советского периода) относились к рядовому составу коллективных хозяйств и были заняты физическим, нередко неквалифицированным, трудом в различных отраслях колхозного производства. Сталинская модернизация аграрного производства, выразившаяся в сплошной форсированной коллективизации, означала для сельских женщин и Юга России, и всей страны значительное (двух-, а то и трехкратное) повышение трудовых затрат и значительное расширение сфер приложения трудоусилий. Механизация же сельского хозяйства, способная облегчить труд крестьян, хотя и продолжалась на протяжении 1930-х гг., даже к исходу рассматриваемого десятилетия не достигла желаемого (то есть как можно более высокого) уровня.

В сфере повседневности и ментальности женщин-колхозниц Юга России 1930-х гг. было явно заметно сочетание традиций и новаций. При этом, как нам представляется, традиции все же преобладали над новациями, несмотря на весь массив изменений, произошедших в повседневной жизни и коллективной психологии сельских женщин в ходе «колхозного строительства». Данное обстоятельство являлось прямым следствием коллективизации,

которая в силу своей ускоренности не могла существенно поколебать, а уж тем более, коренным образом трансформировать, ни систему гендерных взаимоотношений в деревне, ни сферу повседневности или менталитет крестьянок и казаков Дона, Кубани, Ставрополья и Терека.

Трансформации в системе гендерных ролей южнороссийской деревни были заметны еще в 1920-х гг., когда советская власть пыталась донести до сознания крестьянства и провести в жизнь свои постулаты о равноправии женщин и мужчин. В период же «колхозного строительства» 1930-х гг. эти трансформации неизмеримо усилились и ускорились. Основной их вектор был направлен в сторону гендерного эгалитаризма, достижения равенства полов. Правда, зачастую это равенство понималось весьма своеобразно: например, большевики стремились достичь равенства в труде, усиленно вовлекая сельских женщин даже в те отрасли производства, которые были им противопоказаны из-за неблагоприятных условий деятельности. В частности, как мы уже отмечали, представители власти упорно стремились пополнить кадры механизаторов за счет женщин, несмотря на то, что сельхозтехника того времени требовала физических усилий, немалых даже для мужчин.

На протяжении 1930-х гг., благодаря совокупным усилиям властей и самих крестьянок и казаков Юга России, удалось достичь определенного выравнивания гендерного статуса сельских женщин и мужчин, ослабления жестко патриархальной модели устройства деревенской жизни. Прежде всего, этому способствовали позитивные сдвиги в социально-экономической структуре коллективизированной деревни. Уже в начале коллективизации представители власти сделали все возможное, чтобы ликвидировать неравенство в оплате труда по половозрастному признаку, когда за один и тот же объем работы мужчины получали более

высокое жалованье, а женщины и подростки – сниженное. В результате разделения и специализации труда в коллективных хозяйствах, а также в результате предоставленной возможности приобрести востребованные и относительно высокооплачиваемые профессии женщины могли обеспечить себе материальную независимость, которая естественным образом превращалась в независимость от мужа или отца. Одинокие или овдовевшие колхозницы могли надеяться на получение помощи от коллективного хозяйства, что также повышало их гендерный статус и минимизировало зависимость от мужчин.

Гендерному выравниванию способствовало и активное привлечение крестьянок и казачек к общественной, общественно-политической, административной деятельности, к оборонно-спортивной работе. Многие колхозницы становились делегатами различных конференций, слетов, съездов, членами сельских советов, депутатами исполкомов различного уровня и Верховного Совета СССР, и т. п. Немало сельских женщин и девушек занимались в конно-спортивных клубах (клубы «ворошиловских кавалеристов») и кружках Осоавиахима, где они учились верховой езде и джигитовке, снайперской стрельбе, штыковому бою и владению клинковым оружием, прыжкам с парашютом, и т. д. Тем самым подчеркивалась важная роль женщин в жизни страны, тот факт, что они вполне равны мужчинам и в деле управления государством, и в деле защиты своей Родины.

В ходе трансформаций системы гендерных ролей в советской коллективизированной деревне 1930-х гг. (в том числе в колхозных селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья) сформировалась генерация «новых женщин». Это были, как правило, девушки и молодые женщины, которые мыслили себя вполне равными мужчинам и стремились выйти за рамки традиционных женских ролей, определявшиеся как «жена» (в худшем варианте – «слу-

жанка»), «мать», «хозяйка домашнего очага». Эти настроения были прекрасно отражены в 1931 г. в плакате Г. Шегаля с броской надписью: «Долой кухонное рабство! Даешь новый быт!».

С другой стороны, трансформации системы гендерных взаимоотношений в 1930-х гг. носили поверхностный характер, что было обусловлено ускоренностью коллективизации, неспособной, как мы уже отмечали, существенно поколебать складывавшийся веками уклад сельской жизни и, следовательно, патриархальные стереотипы южнороссийской деревни (особенно эти стереотипы были сильны на Северном Кавказе). О том, что сельское сообщество не готово было признать женщину равной мужчине, свидетельствовала непропорционально низкая представленность колхозниц в органах управления коллективными хозяйствами (хотя против равенства в труде, а тем более лидирования женщин в сфере трудовых отношений, сельские мужчины, кажется, ничего не имели). Да и незамужняя женщина считалась в коллективизированной деревне, как и на протяжении предшествующих эпох, как бы неполноценной, не заслуживающей уважения — это тоже являлось свидетельством сохранения патриархальных стереотипов.

Сохранению традиционной расстановки гендерных ролей (и, в конечном счете, — неравноправия по половому признаку) способствовала и специфика колхозной системы. Прежде всего, коллективизация, по существу, превратила российских крестьян в неполноправную социальную группу советского государства (своеобразных крепостных). Колхозники находились под постоянным контролем местных властей и администрации коллективных хозяйств, а так называемая «колхозная демократия» в подавляющем большинстве случаев оказывалась не более чем мифом. В этих условиях сложно было ожидать какого-либо освобожде-

ния женщин, поскольку и колхозники, и колхозницы находились в одинаковой зависимости от сталинского режима.

Кроме того, низкая оплата труда в коллективных хозяйствах, производившаяся по остаточному принципу (то есть на трудодни колхозники получали лишь минимум средств, остававшихся в колхозах после выполнения госпоставок и других заданий) вела к тому, что основным источником существования для крестьянских семей оставались ЛПХ. Заботы же по домашнему хозяйству возлагались преимущественно на плечи женщин. Конечно, ЛПХ, державшиеся в основном на женских плечах, нередко вполне успешно конкурировали с колхозами в производстве картофеля, овощей, мяса, молока и др. продуктов, поставляя часть произведенной продукции на рынок (так что женщины-колхозницы Юга России в 1930-х гг., по существу, выступали гарантом продовольственной стабильности не только для своих семей, но и для населения региона). Однако устойчивость женской роли «домашней хозяйки» в определенной степени препятствовала гендерному выравниванию.

Говоря о ментальности женщин-колхозниц Юга России 1930-х гг., следует отметить факт сохранения ее базисных компонентов, таких, как осознание себя матерью и хранительницей домашнего очага. В некоторой степени сохранению указанных компонентов ментальности способствовали устойчивость патриархальных традиций крестьянства (когда незамужняя женщина не могла рассчитывать на уважение сельского социума), важная роль ЛПХ, а также и целенаправленная политика властей, обеспокоенных негативными демографическими процессами в СССР и стремившимися поэтому укрепить престиж семьи и материнства с целью стимулирования рождаемости. Не подверглась разрушению и такая характерная черта коллективной психологии сельских женщин Юга России, как религиозность.

В сфере повседневности сельских женщин Дона, Кубани и Ставрополя 1930-х гг. также было заметно сочетание традиций и новаций, при доминировании первых над вторыми. Под влиянием городской моды и большевистских идеологов в повседневную жизнь южнороссийской деревни проникали определенные новации, что находило выражение в костюме колхозниц (городские платья, прически, «комсомольский стиль» – красные косынки, блузки, и пр.), в меню колхозных семей, в том, что у крестьянок появилась возможность проводить досуг в клубах, Домах культуры, избах-читальнях. Вместе с тем эти и другие новации в повседневной жизни женщин-колхозниц Юга России в 1930-х гг. носили частный характер. Да и в целом следует констатировать, что коллективизация, при всем радикализме данной политики, не способна была на протяжении всего лишь десятилетия существенно изменить веками складывавшийся уклад жизни и менталитет сельских женщин Юга России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Социально-групповые характеристики женщин-колхозниц Юга России в 30-е гг. XX в.	32
1.1. Динамика гендерного состава коллективных хозяйств	32
1.2. Социально-профессиональная дифференциация женщин-колхозниц.....	59
Глава 2. Развитие гендерного потенциала женщин-колхозниц в условиях колхозного строительства	90
2.1. Роль женщин-колхозниц в общественном производстве (факторы трудовой активности)	90
2.2. Особенности трудовой занятости женщин-колхозниц (виды и специфика работ в колхозах)	122
2.3. Участие женщин-колхозниц в общественной жизни	153
2.4. Гендерная специфика крестьянского протеста насильственной коллективизации	182
Глава 3. Повседневность и ментальность женщины-колхозницы: соотношение традиции и модерна	214
3.1. Колхозница в домашнем хозяйстве как особом виде производства социальных благ.....	214
3.2. Историческая повседневность женщины-колхозницы (костюм, пища, досуг, забота о жилище).....	241
3.3. Тенденции изменения гендерных ролей в деревне и трансформация ментальности женщин-колхозниц.....	264
Заключение	299

Научное издание

Гадицкая Марина Александровна
Скорик Александр Павлович

**Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.:
гендерный потенциал и менталитет**

Приложение к «Южно-Российскому обозрению
Центра системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН»

Технический редактор *О.В. Романова*

**Издательство Северо-Кавказского научного центра
высшей школы ЮФУ**
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 208
Тел.: (8-863) 264-34-66

Сдано в набор 22.12.2008. Подписано в печать 18.01.2009 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18,63. Тираж 500 экз. Заказ № 1117.

Издательство ЮРГТУ (НПИ)
346428, Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.